

А. Баіовъ

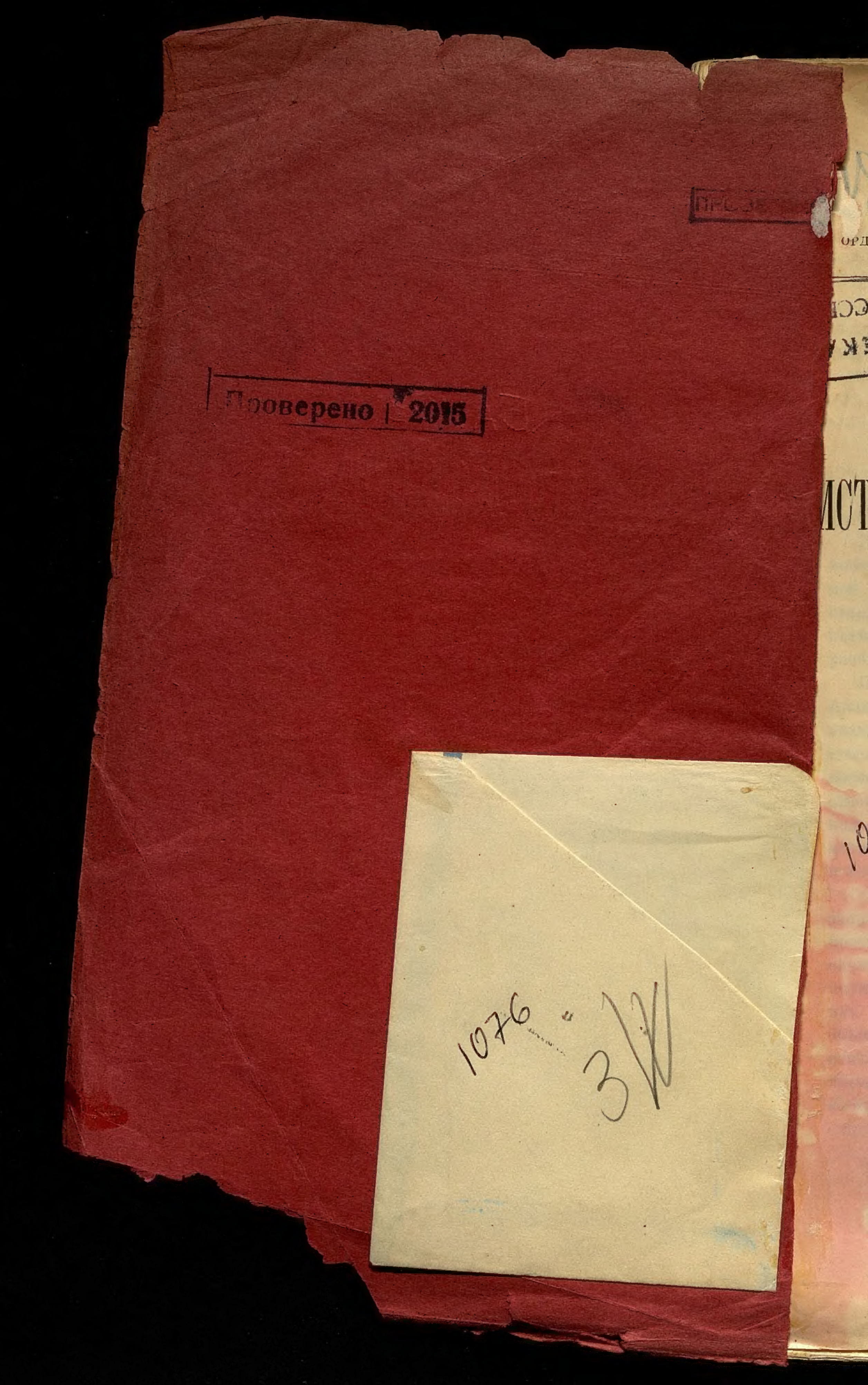
Ординарный профессоръ Императорской Николаевской Военной Академіи.

5026 Баиова А

Исторія военнаго искусства,

какъ наука

С.-Петербургъ
1912

Проверено 2015
1076
3W

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

А. Баіовъ
ординарный профессоръ Императорской Николаевской
Военной Академіи.

5016

Исторія военнаго искусства,

какъ наука

1076

С.-Петербургъ
1912

355.4
Б 18

ПРО-ЕРЕНО 19[illegible] г.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

 Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13

«Въ наше время лучше всѣхъ думаетъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ».

Дж. Миль.

I.

Названіе «Исторія военнаго искусства» у насъ впервые появилось вмѣстѣ съ образованіемъ Императорской Военной Академіи въ 1832 г. Въ курсъ тактики Академіи, составленный профессоромъ, барономъ Медемомъ, входилъ отдѣлъ «Краткое обозрѣніе исторіи военнаго искусства съ разборомъ поучительнѣйшихъ сраженій разныхъ временъ».

Первымъ лекторомъ этого отдѣла былъ вице-президентъ Академіи, генералъ-маіоръ баронъ Зеддлеръ, который въ изданномъ въ 1836 г. «Обозрѣніи исторіи военнаго искусства»[1]) такъ опредѣляетъ содержаніе и значеніе исторіи военнаго искусства: «Можно ли въ наше время усовершенствовать военное званіе, не требуя отъ начальствующихъ надъ войскомъ образованія, соотвѣтственнаго важной ихъ должности, и не распространяя между ними военныхъ наукъ и познаній?

«Въ числѣ сихъ познаній исторія военнаго искусства занимаетъ во всѣхъ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ просвѣщенной Европы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Она служитъ практическимъ введеніемъ въ прочія военныя науки, показываетъ преимущества и недостатки правилъ ихъ у различныхъ народовъ прошедшихъ временъ и объясняетъ, какимъ образомъ эти науки достигли, наконецъ, настоящаго совершенства. При томъ безъ основательнаго знанія исторіи военнаго искусства нѣтъ возможности понимать исторію военную, а безъ знанія сей послѣдней нельзя быть ни образованнымъ воиномъ, ни хо-

1) Ч. I. Исторія военнаго искусства древнихъ народовъ.

рошимъ полководцемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали Фридрихъ Великій и Наполеонъ».

Трудъ барона Зедделера, написанный имъ безъ сомнѣнія не безъ пользованія иностранными авторами [1]), представлялъ собою описаніе въ хронологическомъ порядкѣ съ чисто внѣшней стороны «военныхъ учрежденій» каждаго народа, начиная съ грековъ, причемъ подъ военными учрежденіями онъ понимаетъ: составъ войска, его число, вооруженіе, организацію, строй, боевое расположеніе, отчасти—обученіе, воспитаніе и способъ дѣйствія. Никакихъ образцовъ стратегическаго и тактическаго искусства баронъ Зедделеръ въ своемъ трудѣ не даетъ. Не пытается онъ также выяснить внутренній смыслъ тѣхъ или иныхъ «военныхъ учрежденій» и причины ихъ, съ теченіемъ времени, измѣненій.

Такимъ образомъ, установивъ достаточно правильно и исчерпывающе сущность исторіи военнаго искусства, баронъ Зедделеръ какъ бы оказался безсильнымъ создать трудъ, соотвѣтствующій этой сущности.

Причину этого можно видѣть: во-1-хъ, въ томъ, что онъ, какъ и никто раньше него, не опредѣлилъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается военное искусство, не установилъ внутреннее взаимное отношеніе между этими элементами, а во-2-хъ, въ томъ, что исторія военнаго искусства не являлась чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, а лишь какъ бы введеніемъ къ такъ называемой тогда «высшей тактикѣ».

Такими же особенностями отличался въ этой области трудъ другого профессора нашей Академіи, генералъ-маіора Веймарна 2-го, съ той только разницей, что, составляя лишь одну главу—«Историческое введеніе»—къ его курсу Высшей тактики, изданному въ 1840 г., обозрѣніе военнаго искусства было изложено весьма кратко и содержало въ себѣ такого же характера описаніе русскаго военнаго искусства.

Научнаго значенія труды Зедделера и Веймарна, конечно, не имѣли никакого и представляли собою лишь

[1]) Къ этому времени, кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, могущихъ быть матеріаломъ для исторіи военнаго искусства, появились на западѣ и спеціальные труды, преслѣдующіе цѣль систематическаго описанія состоянія военнаго искусства у различныхъ народовъ во всѣ времена. Къ лучшимъ изъ такихъ трудовъ относятся сочиненія: Carrion Nisas, Ciriacy, Berneck, Brandt, Gersdorff, Hoyer, Schels и другія.

первую попытку у насъ послѣдовательно описать военныя учрежденія различныхъ народовъ въ различныя времена [1]).

Строго говоря, труды Зедделера и Веймарна не были даже трудами по исторіи военнаго искусства, такъ какъ въ нихъ отсутствовало самое главное, а именно: искусство веденія войны.

Эту часть исторіи военнаго искусства у насъ въ то время считали необходимымъ включать въ составъ «военной исторіи» [2]).

Несомнѣнно, такой порядокъ вещей не могъ способствовать правильному развитію исторіи военнаго искусства, какъ науки. Указанный крупный недочетъ, состоящій въ раздѣленіи изученія однородныхъ историческихъ явленій и событій между двумя совершенно отдѣльными

---

[1]) Въ 1838 г. у насъ появился переводъ извѣстнаго сочиненія Брандта «Обозрѣніе исторіи военнаго искусства въ среднихъ вѣкахъ». Переводъ былъ исполненъ генеральнаго штаба капитаномъ Л. Л. Штюрмеромъ. Въ вопросѣ развитія у насъ исторіи военнаго искусства, какъ науки, этотъ переводный трудъ не имѣетъ важнаго значенія: взглядъ самого Брандта на исторію военнаго искусства ўже, чѣмъ приведенные выше нашихъ профессоровъ: онъ смотритъ на нее, какъ «на общій сводъ того, что принадлежитъ къ исторіи совокупнаго употребленія отдѣльныхъ оружій». Переводчикъ своего взгляда не высказалъ, а по своему содержанію книга носитъ тотъ же характеръ, какъ и «Обозрѣніе исторіи военнаго искусства» барона Зедделера.

[2]) Съ этой точки зрѣнія интересна программа военной исторіи въ Императорской Военной Академіи. Беру по отчету за 1840—1 учебный годъ: 1) Краткій историческій обзоръ образованія и постепеннаго развитія искусства веденія войны отъ начала войнъ въ мірѣ до 30-лѣтней войны. Походы Александра Македонскаго, Аннибала и Цезаря изучались подробно; 2) Тридцатилѣтняя война. Походы Густава-Адольфа въ Германіи въ 1630—1632 гг. (подробно); 3) Походы Тюреня во 2-ую Нидерландскую войну (подробно) и походы Люксамбурга въ 3-ю Нидерландскую войну; 4) Война за Испанское наслѣдство. Походы Евгенія Савойскаго въ 1704 г. въ Германіи и въ 1706 г. въ Италіи (подробно); 5) Образъ веденія войны въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія; 6) Сѣверная война (подробно, за исключеніемъ дѣйствій Карла XII въ Польшѣ); 7) Силезскія войны (сжато); 8) Семилѣтняя война (подробно); 9) Походы русскихъ въ Польшѣ и въ Турціи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. (Подробно походы Суворова во 2-ую Турецкую войну и въ Польшѣ въ 1794 г.); 10) Образъ веденія войны послѣ Фридриха II и ходъ событій въ первые 4 года войнъ французской революціи (очень сжато); 11) Революціонныя войны: 1796, 1797, 1799 и 1800 гг. (Подробно—походы Бонапарта въ 1796 и 1800 гг. и Суворова въ 1799 г.); 12) Войны 1805, 1806, 1808, 1809, 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. (Подробно, особенно войны 1812, 1813 и 1814 гг.).

научными дисциплинами, отчасти былъ уничтоженъ въ 1848 г., когда отдѣлъ объ историческомъ развитіи военнаго искусства былъ выдѣленъ изъ курса тактики и присоединенъ къ курсу военной исторіи.

Конечно, и теперь еще тотъ циклъ знаній, которыя по природѣ своей должны были бы составить отдѣльную и самостоятельную научную дисциплину, къ которой больше всего подходило бы названіе исторіи военнаго искусства, былъ неестественно связанъ съ военной исторіей, однако, теперь по крайней мѣрѣ онъ не былъ раздѣленъ на двѣ совершенно не связанныя между собой части.

Такимъ образомъ, сознанія необходимости обособленной исторіи военнаго искусства, преслѣдующей свои спеціальныя цѣли и для достиженія этихъ цѣлей требующей иного построенія, иныхъ методовъ изслѣдованія, еще не чувствовалось.

Признавали полезнымъ какъ съ научной, такъ и съ учебной точки зрѣнія имѣть возможно больше военно-историческихъ свѣдѣній, но эти свѣдѣнія не подраздѣлялись ни по свойствамъ своимъ, ни по характеру, ни по значенію, ни по той роли, которую они могутъ играть въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, съ 1848 г. у насъ исчезло даже само названіе «исторія военнаго искусства».

Однако, общее положеніе военно-историческихъ знаній того времени, своеобразные взгляды на военную исторію, какъ науку, въ связи съ обширностью академическаго курса по военной исторіи при исключительномъ сосредоточеніи военно-научныхъ интересовъ въ Академіи въ скоромъ времени привели къ тому, что, съ одной стороны, читаемый въ Академіи курсъ военной исторіи въ значительной своей части заключалъ въ себѣ много такихъ свѣдѣній, которыя по существу являются уже тѣмъ, что составляло принадлежность исторіи военнаго искусства, а—съ другой стороны, къ тому, что военная исторія, какъ наука, стала содержать въ себѣ описаніе въ каждый данный періодъ военныхъ учрежденій и замѣчательныхъ походовъ, т.-е. въ цѣломъ стала приближаться къ исторіи военнаго искусства. Это приближеніе идейно становилось тѣмъ большимъ, что академическій курсъ военной исторіи со временъ древнихъ и до новѣйшихъ былъ раздѣленъ на рядъ періодовъ (десять), изъ которыхъ каждый знамено-

валъ собою господство или какой-нибудь системы или какой-нибудь идеи, причемъ два періода характеризовались явленіями военной жизни Россіи.

Литературными военно-историческими памятниками того времени являются труды профессоровъ Голицына и Богдановича, составившихъ учебныя записки для слушателей Академіи; среди же печатныхъ трудовъ имѣются только сочиненія М. И. Богдановича, вообще много поработавшаго въ области военной исторіи. Въ числѣ этихъ трудовъ находится и «Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ», изданная въ 1853 г.

Трудъ этотъ по своимъ внутреннимъ качествамъ мало чѣмъ отличается отъ его предшественниковъ въ этой же области и потому не внесъ ничего новаго въ русскую военно-историческую науку.

Съ другой стороны, не безъ вліянія въ то время появившагося труда Милютина «Исторія войны съ Франціей въ 1799 г.» явилось сознаніе необходимости ознакомленія съ новѣйшими войнами и во всей подробности съ какой либо одной изъ нихъ для обстоятельнаго изученія всего механизма военныхъ дѣйствій въ цѣломъ.

Все это въ совокупности подготовило раздѣленіе военно-историческихъ знаній на двѣ отдѣльныя науки. Сначала это выразилось въ томъ, что военную исторію раздѣлили на двѣ части: собственно исторію военнаго искусства и исторію войнъ, причемъ подъ первой разумѣли описаніе главнѣйшихъ эпизодовъ войнъ отъ ихъ начала до позднѣйшихъ временъ, въ которыхъ яснѣе отражается современное имъ состояніе военнаго искусства.

При такихъ условіяхъ, давая лишь описаніе съ внѣшней стороны отдѣльныхъ эпизодовъ нѣкоторыхъ войнъ и тѣмъ характеризуя отчасти способъ веденія войны въ различныя времена, такъ называемая исторія военнаго искусства не являлась наукой, которая имѣла бы опредѣленное содержаніе, назначеніе, цѣль и методъ изслѣдованія.

Какъ наука, исторія военнаго искусства была впервые формулирована въ 1865 г. особымъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ графа Д. М. Милютина. Въ составъ этого совѣщанія вошли всѣ члены конференціи Академіи Генеральнаго Штаба, члены совѣщательнаго комитета Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба и члены особой экза-

менной комисіи, которая, присутствуя на выпускныхъ экзаменахъ Академіи въ 1865 г. и ознакомившись съ системой академическаго преподаванія, представила подробный отчетъ и свое мнѣніе о томъ, насколько преподаваніе это удовлетворяетъ цѣли.

Наиболѣе видными членами указаннаго выше совѣщанія, кромѣ предсѣдателя его, тогдашняго военнаго министра, генералъ-адъютанта Милютина, были: генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, генералъ-лейтенантъ Стефанъ, генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ, генералъ-лейтенантъ Богдановичъ, генералъ-маіоръ Меньковъ, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, полковникъ Обручевъ, полковникъ Драгомировъ, подполковникъ Лееръ, подполковникъ Станкевичъ.

Разсматривая вопросъ о постановкѣ преподаванія въ Академіи курса военной исторіи, совѣщаніе постановило: «Бывшій курсъ военной исторіи раздѣлить на двѣ совершенно отдѣльныя части: Исторію военнаго искусства и изученіе кампаній. Первая должна состоять въ изложеніи послѣдовательныхъ измѣненій въ образѣ веденія войны, начиная съ древнихъ временъ и до новѣйшихъ (т. е. включая и періодъ Наполеоновскихъ войнъ); причемъ главной цѣлью должно быть указаніе того вліянія, которое современныя условія имѣли на состояніе военнаго искусства въ каждую эпоху».

Таково было опредѣленіе новой военной науки, родственной военной исторіи. Всматриваясь въ это опредѣленіе, прежде всего видимъ:

1) что здѣсь подъ военнымъ искусствомъ разумѣется образъ веденія войны;

2) что исторія военнаго искусства должна содержать въ себѣ изслѣдованіе его состоянія въ каждую данную эпоху и послѣдовательное его измѣненіе, т. е. его развитіе;

3) что исторія военнаго искусства, какъ наука, должна установить причинную связь между современными условіями и состояніемъ военнаго искусства;

4) что исторія военнаго искусства должна заключать въ себѣ изученіе современныхъ условій, могущихъ вліять на способъ веденія войны;

5) что исторія военнаго искусства должна охватывать отъ древнихъ временъ всѣ періоды до новѣйшихъ,—иначе нельзя будетъ прослѣдить послѣдовательность въ измѣненіяхъ въ образѣ веденія войны.

Все сказанное относится къ содержанію исторіи военнаго искусства, какъ науки; что же касается формы, въ которую она должна выливаться, то изъ приведеннаго опредѣленія этой науки вывести ее нельзя.

Но особое совѣщаніе оставило намъ косвенное на этотъ счетъ указаніе, а именно: говоря о томъ, чѣмъ должно быть изученіе кампаній или, какъ потомъ конференція Академіи выражалась, «критическій разборъ кампаній», совѣщаніе устанавливаетъ, что это изученіе должно представлять собою критическій разборъ кампаній (двухъ или трехъ), въ каковомъ необходимо излагать подробно какъ самыя дѣйствія, стратегическія и тактическія, такъ и распоряженія военно-административныя и хозяйственныя въ общей совокупности. Къ этому совѣщаніе признало необходимымъ добавить: «Только при подобномъ полномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи цѣлой кампаніи можно ожидать основательнаго и полезнаго критическаго разбора».

Въ виду того, что раздѣленіе военной исторіи на двѣ совершенно отдѣльныя части какъ бы противопоставляло одну другой, можно заключить, что и форма, въ которую предполагалось необходимымъ вылить исторію военнаго искусства, должна быть въ значительной мѣрѣ противоположна формѣ собственно военной исторіи, названной для ясности «изученіемъ кампаній», и въ связи съ требованіями отъ новой науки, изложенными выше, она должна была вылиться не въ подробномъ изложеніи дѣйствій и распоряженій во время тѣхъ или другихъ войнъ, а въ томъ, чтобы отмѣтить въ каждой эпохѣ все то, что можетъ характеризовать особенность современнаго веденія войны и причины этихъ особенностей.

Все изложенное даетъ вполнѣ ясное представленіе о томъ, чѣмъ должна быть та отрасль военныхъ знаній, та наука, которую назвали «исторіей военнаго искусства».

Лишь одно остается не вполнѣ яснымъ въ этомъ вопросѣ: говоря о томъ, что главной цѣлью исторіи военнаго искусства должно быть указаніе того вліянія, которое имѣли на состояніе военнаго искусства въ каждую эпоху современныя условія, совершенно не упоминается о томъ, что подразумѣвается подъ современными условіями, какія данныя, какіе, такъ сказать, элементы составляютъ эти условія.

Обращаясь къ тому, какъ сложилось преподаваніе новой

науки, исторіи военнаго искусства, въ Академіи [1]), необходимо отмѣтить, что весь курсъ по этому предмету былъ разбитъ на восемь отдѣловъ, заключавшихъ въ себѣ обзоръ состоянія военнаго искусства въ періоды: древній феодальный,—Тридцатилѣтней войны, первой половины XVIII вѣка, второй половины XVIII вѣка, революціонныхъ войнъ, русскій—въ концѣ XVIII вѣка, и Наполеоновскій - включительно до 1809 г.

Въ этомъ перечнѣ отдѣловъ академическаго курса исторіи военнаго искусства обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что среди отдѣловъ, логически и хронологически между собою связанныхъ и въ совокупности составляющихъ полную, цѣльную и систематическую программу, отвѣчающую сущности научной дисциплины, ею представляемой, вклинился одинъ отдѣлъ, ничѣмъ не связанный съ другими, — это именно: отдѣлъ о военномъ искусствѣ въ Россіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Введеніе въ программу этого отдѣла показываетъ, что составители ея какъ бы находили, что состояніе военнаго искусства въ Россіи, за исключеніемъ времени второй половины XVIII вѣка, не можетъ содержать данныхъ для характеристики состоянія военнаго искусства вообще въ опредѣленную эпоху, что какъ будто бы въ Россіи военнаго искусства никогда не было, за исключеніемъ, впрочемъ, времени царствованія Екатерины II (Румянцевъ, Суворовъ), и что прослѣдить за его развитіемъ не представляется ни возможнымъ, ни желательнымъ[2]).

Нужно, однако, сказать, что, какъ бы вопреки этой программѣ, въ Академіи читали, хотя и въ весьма сокращенномъ видѣ, Сѣверную войну и тѣмъ самымъ какъ будто признавалась наличность у насъ военнаго искусства при Петрѣ и необходимость знакомства съ нимъ.

Установленная сущность науки исторіи военнаго искусства и программа ея, какъ предмета академическаго пре-

---

[1]) Какъ выше, такъ и здѣсь, приходится этапы въ развитіи военной науки ставить въ зависимость отъ преподаванія ея въ Академіи, не смотря на то, что разсмотрѣніе послѣдняго не входитъ въ рамки этой статьи.

[2]) Д. Ф. Масловскій объясняетъ это иначе: онъ говоритъ, что недостаточное вниманіе къ русскому военному искусству въ это время въ Академіи оказывалось лишь потому, что не было соотвѣтствующихъ руководствъ.

подаванія, вызвали появленіе соотвѣтствующихъ научно-литературныхъ трудовъ. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что въ первое время труды эти являлись исключительно только въ видѣ записокъ и руководствъ для слушателей Академіи, составляемыхъ профессорами послѣдней.

Первымъ изъ такихъ трудовъ явились записки профессора Беренса, который читалъ курсъ исторіи военнаго искусства съ 1865 по 1875 гг. Его записки по формѣ соотвѣтствовали указанной выше программѣ, но по своему содержанію далеко не отвѣчали тѣмъ требованіямъ, которыя были поставлены курсу исторіи военнаго искусства; вслѣдствіе этого они не могли оказать никакого вліянія на развитіе исторіи военнаго искусства, какъ науки.

Впрочемъ, уже въ 1868 г. конференція Академіи высказала пожеланіе, чтобы офицерамъ были даны болѣе разработанныя записки, чѣмъ были до этого времени. Такимъ образомъ, записки Беренса признавались не вполнѣ удовлетворительными даже въ качествѣ учебнаго руководства.

Высказывая пожеланіе относительно составленія лучшихъ записокъ по исторіи военнаго искусства, конференція Академіи въ то же время выразила сожалѣніе, что вообще наша военная литература не имѣетъ ни одного сочиненія по исторіи военнаго искусства, которое могло бы служить учебникомъ по этому предмету.

Изъ этого, между прочимъ, видно, что внѣ Академіи исторію военнаго искусства никто не разрабатывалъ; вообще за стѣнами Академіи точно не существовало такой науки.

Между прочимъ, нужно сказать, что записки Беренса, слѣдуя программѣ, выработанной конференціей, вовсе не подымаютъ вопроса о значеніи исторіи военнаго искусства въ Россіи, о связи ея съ военнымъ искусствомъ Запада, объ объемѣ ея и мѣстѣ, которое она должна занимать въ общемъ курсѣ исторіи военнаго искусства.

Во всякомъ случаѣ, самый курсъ исторіи военнаго искусства вскорѣ прочно установился въ Академіи, что и было признано въ 1871 г. конференціей Академіи. Однако, какъ бы нѣсколько въ противорѣчіе съ рѣшеніемъ особаго совѣщанія о томъ, чѣмъ должна быть исторія военнаго искусства и какова ея цѣль, ея назначеніе, характеръ курса сдѣлался нѣсколько одностороннимъ: въ курсѣ главнымъ образомъ, даже преимущественно, изслѣдовалось только то влія-

ніе, которое разныя современныя условія имѣли на состояніе военнаго искусства въ каждую эпоху; что же касается постепеннаго развитія военнаго искусства, то эта цѣль курса преподаваніемъ какъ будто была отодвинута на второй планъ; какъ будто ей не придавали никакого значенія. Наряду съ этимъ, начиная съ 1873 года, курсъ началъ претерпѣвать нѣкоторыя измѣненія, выразившіяся въ значительномъ развитіи нѣкоторыхъ его отдѣловъ, а именно: отдѣловъ о Фридрихѣ Великомъ и о войнахъ Наполеона 1796 и 1809 гг.

Такая дифференціація частей академическаго курса крайне благопріятно отразилась на развитіи исторіи военнаго искусства, какъ науки, и на появленіи значительнаго числа военно-научныхъ и литературныхъ трудовъ, относящихся къ ней и заставляющихъ предполагать, что наука эта начала, что называется, прочно становиться на ноги.

Этому способствовалъ также приливъ въ Академію новыхъ научныхъ силъ, которыя съ 1875 года были вынуждены замѣнить профессора Беренса и которыя посвятили себя изученію отдѣльныхъ частей исторіи военнаго искусства.

Такими силами, которыя группировались около профессора Станкевича, читавшаго въ Академіи курсъ военной исторіи и теперь взявшаго на себя чтеніе части курса исторіи военнаго искусства, явились: Гудима-Левковичъ (адъюнктъ-профессоръ), Шеншинъ и Сухотинъ (адъюнктъ-профессоръ), а нѣсколько позже, именно: съ 1879 г., когда Станкевичъ вообще пересталъ читать лекціи въ Академіи,— Пузыревскій.

Уже диссертаціи Гудима-Левковича «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.» (1875 г.) и Шеншина «Военное искусство Наполеона въ параллель съ современнымъ его состояніемъ» (1875 г.) показываютъ стремленіе конференціи способствовать появленію научныхъ трудовъ по различнымъ отдѣламъ исторіи военнаго искусства и тѣмъ повліять на развитіе этой науки.

Къ тому же, какъ видно, Академія желала, чтобы разработка вопросовъ по исторіи военнаго искусства одинаково касалась какъ западно-европейскихъ государствъ, такъ и Россіи.

Обѣ диссертаціи, особенно Гудима-Левковича, несомнѣнно сыграли выдающуюся роль въ дѣлѣ развитія у насъ исторіи военнаго искусства, какъ науки.

Обладая, на нашъ болѣе требовательный взглядъ, немалыми недостатками, какъ научные труды, обѣ диссертаціи, при состояніи военно-исторической науки вообще въ то время, тѣмъ не менѣе явились крупнымъ вкладомъ въ исторію военнаго искусства и ставили ее на путь серьезнаго научнаго изслѣдованія въ томъ именно направленіи, которое намѣтило для нея еще въ 1865 году особое совѣщаніе [1]).

Между тѣмъ, въ Академіи все больше и больше крѣпло сознаніе въ важномъ значеніи исторіи военнаго искусства въ дѣлѣ высшаго военнаго образованія. Это же сознаніе съ одной стороны способствовало болѣе серьезной постановкѣ преподаванія этой науки въ Академіи, а съ другой стороны влекло за собой болѣе научную разработку академическихъ курсовъ и руководствъ по этой кафедрѣ. Въ совокупности же то и другое создавало крайне благопріятныя условія для развитія этой науки, независимо отъ ея преподаванія въ Академіи.

Однако, нужно сказать, что эти благопріятныя условія, существовавшія въ Академіи, не оказали никакого вліянія на разработку исторіи военнаго искусства внѣ Академіи, — на этой нивѣ за стѣнами Академіи попрежнему не находилось работниковъ и потому естественно, что внѣ Академіи не появлялось соотвѣтственныхъ научныхъ трудовъ, никто не занимался этой наукой и не было ничего, что способствовало бы установленію ея природы, опредѣленію ея характера, тѣхъ конечныхъ цѣлей, которыя она должна преслѣдовать, ея мѣста среди другихъ военныхъ наукъ, ея значенія вообще. Въ Академіи же на исторію военнаго искусства, попрежнему, держались взгляда, установленнаго еще въ 1865 г.

Этотъ взглядъ отразился, конечно, и на работахъ профессоровъ Академіи въ этой области. Эти работы, при такихъ условіяхъ и въ связи съ развитіемъ исторической науки вообще и военно-исторической въ частности, пріобрѣтаютъ слѣдующія особенности:

Во-1-хъ, онѣ становятся болѣе научными, а во-2-хъ, обнимая относительно небольшіе періоды времени, онѣ

[1]) Я не останавливаюсь здѣсь на капитальномъ трудѣ князя Н. С. Голицына «Всеобщая военная исторія», такъ какъ ни по программѣ своей, ни по методу изложенія онъ не является трудомъ по исторіи военнаго искусства, хотя даетъ для нея громадный матеріалъ.

крайне тщательно и подробно изслѣдуютъ не только состояніе военнаго искусства въ опредѣленную эпоху и причинную связь съ современными условіями жизни, но и послѣдовательное развитіе военнаго искусства съ указаніемъ путей, по которымъ это развитіе направляется.

Изъ такихъ трудовъ прежде всего необходимо отмѣтить работы Н. Сухотина: «Замѣтки по предмету исторіи военнаго искусства. Искусство древнихъ», изд. 1881 г. и «Фридрихъ Великій». Лекціи по исторіи военнаго искусства, изд. 1882 г.

Оба эти труда являлись руководствами для обучающихся въ Академіи офицеровъ, но они были составлены вполнѣ научно, обладали массою обобщеній, выводовъ и заключеній, и являлись достойными представителями науки исторіи военнаго искусства, захватывая, однако, относительно небольшіе періоды.

Первый трудъ Н. Сухотина, будучи въ довольно значительной своей части перепечаткой изъ курсовыхъ записокъ Беренса, исправленныхъ Станкевичемъ, по своему характеру болѣе подходилъ къ типу учебниковъ, чѣмъ научныхъ работъ въ строгомъ значеніи этого слова.

Въ предисловіи къ своему труду Н. Сухотинъ высказываетъ свой взглядъ на исторію военнаго искусства, на основныя и частныя цѣли, которыя она можетъ и должна преслѣдовать, и на ея методъ. Онъ говоритъ: «Вполнѣ придержавшись программы исторіи военнаго искусства [1]) въ нашемъ трудѣ, мы старались: а) ознакомить читателей съ подробностями метода критическаго отношенія къ вопросамъ военнаго искусства; б) выяснить, насколько позволяли источники и матеріалы, существованіе роковой повторяемости въ проявленіяхъ человѣческаго генія во всѣ эпохи древности, наконецъ, в) въ заключеніи мы сдѣлали сводку характеристическихъ чертъ въ дѣятельности великихъ полководцевъ древности (притомъ наиболѣе важныхъ чертъ), которыя оказываются общими и одинаковыми у этихъ полководцевъ.

«Раскрытіе и опредѣленіе общихъ чертъ въ дѣятельности великихъ полководцевъ и въ военномъ искусствѣ въ разныя эпохи составляютъ главную цѣль военно-исто-

[1]) Очевидно, вышеуказанной программы, установленной конференціей Академіи въ 1865 г.

рической науки, которая при такомъ результатѣ и является плодотворнымъ и драгоцѣннымъ фундаментомъ для прочихъ отдѣловъ военнаго знанія, военной науки .

Изъ этого кредо автора въ связи съ изложеніемъ самого курса можно вывести слѣдующее заключеніе: Н. Сухотинъ прежде всего устанавливаетъ практическое значеніе исторіи военнаго искусства (или, какъ у него не вполнѣ точно для даннаго случая сказано, «военно-исторической науки»), а именно: по его мнѣнію, она должна служить фундаментомъ, основаніемъ для военной науки вообще. Такимъ же фундаментомъ она будетъ служить только тогда, когда раскроетъ и опредѣлитъ общія черты въ дѣятельности полководцевъ и въ военномъ искусствѣ въ разныя эпохи, т. е. когда ею будутъ опредѣлены неизмѣнныя основы, принципы военнаго искусства.

Для того, чтобы вывести эти основы, необходимо прежде всего критически изучить состояніе военнаго искусства въ каждую эпоху, выдѣлить особенности его, опредѣлить причины наличности этихъ особенностей, подмѣтить общія черты въ военномъ искусствѣ въ различныхъ эпохахъ.

Если эту формулировку исторіи военнаго искусства Н. Сухотина сравнить съ таковой особаго совѣщанія 1865 г., то нетрудно замѣтить, что, требуя отъ этой науки выясненія состоянія военнаго искусства въ каждую данную эпоху, опредѣленія причинной связи между явленіями, характеризующими это состояніе, и установленія развитія военнаго искусства, Н. Сухотинъ, чего не было совсѣмъ въ формулировкѣ особаго совѣщанія, устанавливаетъ конечную цѣль существованія исторіи военнаго искусства и методъ ея разработки, а именно: критическій.

При такихъ условіяхъ, такъ сказать, физіономія исторіи военнаго искусства опредѣлилась вполнѣ, опредѣлилось также мѣсто ея среди другихъ военныхъ наукъ и ея практическое значеніе.

Поставленный въ довольно узкія условія трактовать въ своемъ трудѣ только лишь объ исторіи военнаго искусства у классическихъ народовъ, Н. Сухотинъ естественно не могъ поднять вопроса о томъ, должно ли изучать военное искусство въ Россіи, какую цѣль должно преслѣдовать это изученіе, какое соотношеніе военнаго искусства въ Россіи съ таковымъ же западныхъ народовъ, какое мѣсто оно должно занять въ исторіи военнаго искусства вообще,

Появившіяся почти тотчасъ вслѣдъ за названнымъ трудомъ Н. Сухотина «Записки по исторіи военнаго искусства въ эпоху Тридцатилѣтней войны» А. Пузыревскаго, представляя собой также исправленное и дополненное изданіе ранѣе существовавшихъ учебныхъ записокъ, составленныхъ Станкевичемъ, не внесли ничего новаго въ пониманіе исторіи военнаго искусства. Слѣдуя опредѣленію и назначенію этой науки, какъ она была формулирована въ особомъ совѣщаніи, А. Пузыревскій опредѣлилъ состояніе военнаго искусства въ данную эпоху, подчеркнулъ его особенности и, установивъ связь его съ военнымъ искусствомъ эпохъ, предшествующей и послѣдующей, тѣмъ самымъ обрисовалъ постепенную эволюцію военнаго искусства въ зависимости отъ вновь создавшихся факторовъ. О русскомъ военномъ искусствѣ въ тотъ же періодъ А. Пузыревскій въ своихъ запискахъ ничего не говоритъ.

Гораздо бо̀льшее значеніе въ дѣлѣ развитія исторіи военнаго искусства имѣлъ капитальный трудъ А. Пузыревскаго «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (V—XVI столѣтія)», выпущенный имъ въ 1884 году.

Являясь обширнымъ, вполнѣ научнымъ трудомъ, названная книга въ общей программѣ исторіи военнаго искусства заняла мѣсто между указанными выше трудами Н. Сухотина о древнемъ искусствѣ и того же А. Пузыревскаго—о Тридцатилѣтней войнѣ.

Свой взглядъ на то, чѣмъ должна быть исторія военнаго искусства, какой долженъ быть ея характеръ, какой методъ долженъ быть примѣненъ при ея изслѣдованіи, наконецъ, какое назначеніе исторіи военнаго искусства, какъ науки, и какое ея значеніе въ академическомъ преподаваніи, Пузыревскій высказалъ въ предисловіи къ этому своему высокоцѣнному труду.

Прежде всего Пузыревскій устанавливаетъ, что̀ нужно разумѣть подъ «военнымъ искусствомъ». Онъ говоритъ: «Военное искусство, слагаясь изъ многоразличныхъ данныхъ, состоитъ не только въ стратегическихъ и тактическихъ операціяхъ, но находится также въ тѣснѣйшей связи съ другими элементами военнаго дѣла и опредѣляется ими; сюда относятся: комплектованіе, формированіе, организація, вооруженіе, продовольствіе, воспитаніе, образованіе войскъ и пр. Такимъ образомъ, тотъ или другой составъ войскъ

опредѣляетъ собою и соотвѣтствующій характеръ стратегическаго и тактическаго искусства».

Опредѣливъ такимъ образомъ понятіе «военное искусство», Пузыревскій далѣе устанавливаетъ задачу исторіи военнаго искусства: «Спеціальная задача исторіи военнаго искусства, говоритъ Пузыревскій, заключается въ изслѣдованіи тѣхъ путей, по которымъ шло развитіе военнаго искусства, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, и тѣхъ причинъ, которыми обусловливалось это развитіе. Такимъ образомъ, какъ видимъ, задача исторіи военнаго искусства вполнѣ аналогична съ задачей общей исторіи, изслѣдующей пути развитія человѣчества или какого либо народа При безконечной видоизмѣняемости исторической обстановки, а слѣдовательно и отсутствіи повторяемости тождественныхъ явленій при тождественныхъ условіяхъ ни общая исторія, ни исторія военнаго искусства не могутъ дать кодекса законовъ, подобныхъ тѣмъ, которые установлены точными науками: онѣ могутъ указать лишь законъ развитія, каждая въ области своего вѣдѣнія».

Отсюда Пузыревскій дѣлаетъ выводъ, что «въ исторіи военнаго искусства нѣтъ эпохи, которая не имѣла бы научнаго значенія; времена полнаго упадка военнаго искусства такъ же поучительны, какъ и времена широкаго развитія всѣхъ его элементовъ и, только изучая тѣ и другія, можно уяснить себѣ причины, способствовавшія развитію военнаго искусства или его паденію.

«Рыцарская тактика, рыцарскій способъ веденія войны, конечно, не могутъ имѣть для насъ непосредственнаго практическаго значенія (какъ и вообще любой отдѣльный фактъ, вырванный изъ области военной исторіи), но какъ фазисъ въ развитіи военнаго дѣла, они имѣютъ совершенно опредѣленное мѣсто и подлежатъ тщательному изслѣдованію... Изученіе средневѣковаго военнаго искусства необходимо не только для уясненія того пути, по которому развивалось военное дѣло, но и для полнаго, точнаго пониманія современныхъ военныхъ учрежденій».

Относительно характера исторіи военнаго искусства Пузыревскій говоритъ: «Очевидно, нѣтъ надобности описывать всѣхъ войнъ, всѣхъ военныхъ учрежденій; безполезно изучать послѣдовательное развитіе военнаго искусства у каждаго народа или государства. Масса фактовъ и мелочей не только не уяснила бы дѣла, а, напротивъ, затемнила бы

2

Централ ьной ВМБ

его. Достаточно и вполнѣ цѣлесообразно изслѣдовать лишь тѣ событія, тѣ учрежденія и идеи, которыя указываютъ общій путь развитія военнаго искусства. Тотъ періодъ, то государство, которые являются наиболѣе полными выразителями военнаго искусства данной эпохи, и становятся предметами изслѣдованія; то же слѣдуетъ сказать и о военныхъ операціяхъ; только тѣ изъ нихъ представляютъ интересъ съ нашей точки зрѣнія, въ которыхъ наиболѣе полно проявилось искусство разсматриваемой эпохи».

Наконецъ, относительно практическаго значенія изученія исторіи военнаго искусства Пузыревскій въ томъ же предисловіи къ указанному труду говоритъ:

«По мнѣнію Наполеона, тактика, эволюціи, инженерная или артиллерійская науки могутъ быть изучаемы по книгамъ почти такъ же, какъ и геометрія, но знаніе высшей части войны пріобрѣтается только опытомъ и изученіемъ исторіи войнъ и сраженій великихъ полководцевъ. Можно ли выучить по грамматикѣ, какъ составить пѣснь Илліады или трагедію Корнейля? Александръ сдѣлалъ 8 кампаній, Аннибалъ — 17, Цезарь — 13, Густавъ - Адольфъ — 3, Тюрень—18, принцъ Евгеній Савойскій—13, Фридрихъ—11 [1]). Исторія этихъ 84 кампаній, тщательно разработанная, составитъ полный трактатъ по военному искусству. Къ этому мы прибавимъ, что къ чтенію кампаній великихъ полководцевъ можно съ пользой приступить только послѣ старательной предварительной подготовки, заключающейся въ изученіи теоретическихъ трактатовъ по военному искусству и исторіи его, такъ какъ польза изученія упомянутыхъ походовъ обусловливается самостоятельнымъ отношеніемъ къ предмету и точнымъ знаніемъ обстановки данной эпохи».

Изложенныя выше положенія, высказанныя Пузыревскимъ, онъ и постарался примѣнить въ своемъ трудѣ «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка», чѣмъ и намѣтилась его программа, а именно: въ этомъ трудѣ онъ не передавалъ событія въ хронологическомъ порядкѣ по столѣтіямъ и съ раздѣленіемъ по государствамъ. У него каждая глава имѣетъ предметомъ преобладающее развитіе той или другой идеи, того или другого элемента военнаго искус-

[1]) Къ нимъ нужно прибавить еще Петра Великаго, Румянцева, Суворова и самого Наполеона.

ства въ послѣдовательномъ ходѣ исторіи. При этомъ каждая такая глава у Пузыревскаго заканчивается строго обоснованнымъ на предыдущемъ изложеніи выводомъ, заключающимъ широкое обобщеніе фактической стороны, ярко подчеркивающимъ обстановку, вызвавшую къ жизни ту или иную идею, развитіе ея при современныхъ условіяхъ и ея значеніе для будущаго, какъ исходной точки для послѣдующей ступени въ общей эволюціи военнаго искусства.

При этомъ нужно замѣтить, что, говоря объ идеяхъ, указывающихъ общій путь развитія военнаго искусства, Пузыревскій, какъ видно изъ содержанія названнаго своего труда, подъ такими идеями разумѣетъ не только тѣ, которыя, нося техническій характеръ, реально осуществляются въ той или иной работѣ войскъ, но также и тѣ, которыя, являясь результатомъ работы человѣческой мысли, затрагиваютъ общіе принципіальные вопросы, высказываются въ литературныхъ и научныхъ трудахъ и часто служатъ зародышемъ практическихъ мѣропріятій въ области различныхъ элементовъ военнаго дѣла.

Отсюда, между прочимъ, при логическомъ разсужденіи вытекаетъ, что въ составъ тѣхъ элементовъ военнаго дѣла, которые въ совокупности составляютъ военное искусство, необходимо должны быть включены и военная литература, и военная наука въ соотвѣтствующія эпохи, какъ выразительницы военной мысли.

Слѣдуя основной своей идеѣ и вытекающей изъ нея программѣ, Пузыревскій въ указанномъ трудѣ о военномъ искусствѣ въ отдѣльныхъ государствахъ или у отдѣльныхъ народовъ говоритъ только тогда, когда ему представляется необходимымъ указать на мѣсто зарожденія извѣстной идеи, подчеркнуть наибольшее ея логическое развитіе или, напротивъ того, показать уклоненіе отъ первоначальной ея сущности подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій.

Изъ этого общаго правила не исключается и Россія, военное искусство которой разсматривается, какъ таковое славянъ вообще. Впрочемъ, нужно сказать, что при разсмотрѣніи вопроса о развитіи какой-либо идеи Пузыревскій не всегда останавливается на томъ, когда и какъ эта идея была воспринята и развита славянами и въ частности—русскими.

Такимъ образомъ, изъ труда Пузыревскаго нельзя себѣ уяснить, какимъ образомъ та или иная идея, появившаяся

2*

на западѣ, развивалась въ Россіи, а также появленіемъ какихъ идей военное искусство обязано Россіи.

Если первое не можетъ быть поставлено въ упрекъ автору и не можетъ умалять значеніе его труда въ дѣлѣ развитія исторіи военнаго искусства, какъ науки вообще, то второе, несомнѣнно, является недостаткомъ, который даже при взглядахъ автора можетъ быть объясненъ только незнакомствомъ его съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ или недостаткомъ такого матеріала [1]).

Въ общемъ, Пузыревскій въ пониманіи исторіи военнаго искусства, въ опредѣленіи ея, какъ науки, ея назначеніи и значеніи не отходитъ отъ идей особаго совѣщанія Милютина, но онъ развиваетъ эти идеи, придаетъ имъ законченность, логически обосновываетъ ихъ и въ результатѣ даетъ цѣльное и точное опредѣленіе науки, устанавливаетъ ея характеръ и методъ ея разработки.

Если всѣ предшествующія опредѣленія исторіи военнаго искусства, установленіе цѣли ея и мѣста среди другихъ военныхъ наукъ можно считать лишь только исканіями въ этомъ направленіи, то Пузыревскій въ своемъ указанномъ трудѣ кладетъ конецъ этимъ исканіямъ, властно ставитъ точку надъ і, рѣзко опредѣляетъ содержаніе и объемъ еще недавно народившейся у насъ науки, категорически указываетъ ея мѣсто, точно формулируетъ ея назначеніе.

Давая общее построеніе, общую схему исторіи военнаго

---

[1]) Во избѣжаніе различныхъ и въ особенности предвзятыхъ толкованій приведенныхъ выше словъ Пузыревскаго относительно размѣровъ объема науки, на что онъ даетъ намекъ въ словахъ: «Масса фактовъ и мелочей не только не уяснила бы дѣла, а, напротивъ, затемнила бы его», укажу, что трудъ Пузыревскаго «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка», предназначенный «главнымъ образомъ служить пособіемъ для офицеровъ, обучающихся въ Академіи Генеральнаго Штаба», содержитъ въ себѣ 440 страницъ убористаго шрифта.

Конечно, то или иное число страницъ въ ученомъ трудѣ не имѣетъ никакого значенія для науки, къ которой относится соотвѣтствующій трудъ, но я здѣсь останавливаюсь на этомъ вопросѣ потому, что въ послѣднее время достоинство научныхъ трудовъ, и притомъ главнымъ образомъ военно-историческихъ, весьма часто, почти исключительно, измѣряется числомъ ихъ страницъ: чѣмъ больше страницъ, тѣмъ a priori они считаются хуже. Особенно это относится къ тѣмъ, которые являются пособіемъ въ академическомъ преподаваніи, но здѣсь подробно этого вопроса я касаться не буду, такъ какъ вообще преподаваніе въ Академіи даже исторіи военнаго искусства здѣсь я не разсматриваю.

искусства вообще и иллюстрируя это построеніе своей «Исторіей военнаго искусства въ средніе вѣка», въ которой нѣтъ изслѣдованія состоянія военнаго искусства въ затрагиваемый періодъ по государствамъ, Пузыревскій тѣмъ не менѣе признаетъ, что такое изслѣдованіе вполнѣ возможно и логично, а именно: онъ говоритъ, что «задача исторіи военнаго искусства вполнѣ аналогична съ задачей общей исторіи, изслѣдующей пути развитія человѣчества *или какого либо народа*». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Тотъ *народъ*, то *государство*, которые являются наиболѣе полными выразителями военнаго искусства данной эпохи,—и становятся предметомъ изслѣдованія». Изъ послѣдней цитаты безъ какой либо логической натяжки, между прочимъ, вытекаетъ, что если бы военное искусство у какого либо народа или государства въ каждую данную эпоху отличалось своими особенностями или условіями, въ которыхъ протекало его развитіе, отъ военнаго искусства, господствовавшаго въ соотвѣтствующую эпоху, то изученіе военнаго искусства такого государства или народа и его развитіе, помимо всякихъ другихъ побужденій, можетъ и должно производиться въ цѣляхъ болѣе широкаго изученія развитія военнаго искусства вообще.

Наконецъ, отмѣчу еще одну мысль въ разсматриваемомъ трудѣ Пузыревскаго, мысль, подтверждающую высказанное мною выше:

Заканчивая свое предисловіе къ «Исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка», Пузыревскій говоритъ: «Въ заключеніе считаемъ долгомъ заявить, что трудъ нашъ, по спеціальности его содержанія и *малому развитію научныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ*, обязанъ своимъ появленіемъ въ печати только содѣйствію Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба (нынѣ Императорская Николаевская Военная Академія)».

Эти слова указываютъ, что въ половинѣ 80-хъ годовъ въ нашемъ обществѣ военной наукой не интересовались, что внѣ Академіи Генеральнаго Штаба военной науки не было и что военная наука могла развиваться только въ Академіи и лишь благодаря ей.

Въ 1889 г. вышелъ новый трудъ Пузыревскаго по исторіи военнаго искусства «Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго».

Этотъ трудъ, столь же многоцѣнный по своему научному значенію, какъ и предыдущій трудъ Пузыревскаго, отличается отъ послѣдняго одной особенностью, вносящей нѣчто новое если не въ пониманіе вообще исторіи военнаго искусства, какъ науки, то во всякомъ случаѣ—въ частности ея построенія.

Это новое выражено слѣдующими словами Пузыревскаго въ предисловіи къ названному его труду: «Рѣшаясь выступить съ моимъ трудомъ за предѣлы стѣнъ Академіи—(т.-е. значитъ, какъ съ научнымъ сочиненіемъ, а не какъ съ учебнымъ пособіемъ только), я не могъ не дать параллельнаго очерка состоянія военнаго искусства въ Россіи...; я полагаю, что параллельное и систематическое сопоставленіе русскаго и западно-европейскаго военнаго искусства будетъ не лишено извѣстнаго интереса и, быть можетъ, читатели придутъ къ убѣжденію, что при подобномъ сопоставленіи первое (временъ Петра Великаго) только выигрываетъ... Во всякомъ случаѣ, я не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобы я далъ мало мѣста русскому военному дѣлу,—скорѣе, обратное».

Изъ приведенныхъ словъ Пузыревскаго, а также изъ содержанія названнаго его труда, полнаго широкихъ обобщеній, общихъ выводовъ и заключеній, непреложно вытекаетъ слѣдующее: вслѣдствіе тѣхъ особенностей, при которыхъ развивалось военное искусство въ Россіи въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго и благодаря которымъ оно основывалось въ эту эпоху на иныхъ, чѣмъ на Западѣ, идеяхъ и приняло формы, отличныя отъ таковыхъ же западнаго военнаго искусства, военное искусство въ Россіи или, какъ оговаривается авторъ, *русское военное искусство* въ упомянутую эпоху должно разсматриваться не въ совокупности съ военнымъ искусствомъ вообще, а лишь только *параллельно* съ нимъ и притомъ не только выдѣляя лишь его наиболѣе яркія особенности, но систематически сопоставляя съ военнымъ искусствомъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ, русское военное искусство или что то же, по мнѣнію Пузыревскаго, русское военное дѣло при изслѣдованіи развитія военнаго искусства вообще не должно поглощаться общими идеями въ области послѣдняго,—оно развивается въ своеобразной обстановкѣ и его развитіе идетъ своеобразнымъ, особеннымъ путемъ. Но если это касается одной эпохи, то несомнѣнно то же должно отно-

ситься и ко всѣмъ прочимъ историческимъ періодамъ: вѣдь Россія, какъ государство, всегда жила и развивалась въ обстановкѣ и при условіяхъ иныхъ, чѣмъ другіе государства и народы.

Уловить эту обстановку, подмѣтить путь развитія русскаго военнаго искусства Пузыревскій полагаетъ возможнымъ при условіи преимущественнаго изслѣдованія «первыхъ» источниковъ. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: Я не имѣлъ никакой возможности изслѣдовать русское военное искусство исключительно по «первымъ» источникамъ и пользовался таковыми, *къ сожалѣнію*, лишь въ относительно слабой степени».

Дальнѣйшимъ этапомъ въ дѣлѣ установленія пониманія исторіи военнаго искусства, какъ науки, и опредѣленія его содержанія и объема имѣли значеніе пренія, возникшія въ 1889 году въ конференціи Академіи Генеральнаго Штаба по поводу нѣкоторыхъ измѣненій, которыя предложено было ввести въ програму академическаго курса исторіи военнаго искусства.

Останавливаясь на этихъ преніяхъ, я не буду касаться совершенно всего того, что относится до постановки преподаванія исторіи военнаго искусства въ Академіи, и извлеку изъ нихъ только то, что можетъ освѣтить вопросъ объ исторіи военнаго искусства, какъ одной изъ научныхъ дисциплинъ того общаго понятія, которое составляетъ военную науку.

Эти пренія были вызваны предложеніемъ адъюнктъ-профессора, полковника Масловскаго, прочитать въ Академіи лекціи «о войнѣ Императрицы Елизаветы съ Фридрихомъ Великимъ въ 1757—1761 гг.».

Читать эти лекціи предполагалось по очень обширной программѣ, которая, начинаясь общимъ очеркомъ состоянія военнаго искусства въ Россіи къ началу войны 1756—1762 гг., содержала въ себѣ разсмотрѣніе всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складывается военное искусство, и подробное изложеніе указанной войны по отдѣльнымъ кампаніямъ и заканчивалась «Общимъ заключеніемъ о вліяніи пятилѣтней войны Россіи съ Фридрихомъ Великимъ на развитіе военнаго искусства въ Россіи».

Такимъ образомъ, програма эта разумѣла чтеніе лекцій по исторіи военнаго искусства въ опредѣленную эпоху, а не только лишь описаніе данной войны.

При обмѣнѣ мнѣній по поводу этой программы и того мѣста, которое должны занимать въ академическомъ курсѣ лекціи, читаемыя по этой программѣ, различными членами конференціи были высказаны слѣдующія положенія, представляющія интересъ съ разсматриваемой въ настоящей статьѣ точки зрѣнія: генералъ Лееръ, предсѣдатель конференціи, между прочимъ, заявилъ, что «до настоящаго времени въ Академіи не читалось ничего изъ исторіи русскаго военнаго искусства»; генералъ-маіоръ Пузыревскій, уже заслужившій почетную извѣстность своими первоклассными трудами по исторіи военнаго искусства, высказалъ, что «необходимо составить въ Академіи *возможно болѣе полный курсъ исторіи русскаго военнаго искусства*, въ которомъ всѣ части, по степени подробности изложенія, соотвѣтствовали бы ихъ важности и поучительности». Генералъ-маіоръ Газенкампфъ заявилъ, что «было бы весьма желательно, чтобы полковникъ Масловскій, не ожидая результатовъ задуманныхъ имъ трудовъ по разработкѣ архивныхъ матеріаловъ по другимъ періодамъ русской военной исторіи въ такой степени подробности, какъ это имъ сдѣлано по Семилѣтней войнѣ, въ будущемъ же учебномъ году составилъ хотя компилятивный, но *возможно болѣе полный курсъ исторіи русскаго военнаго искусства* на основаніи имѣющихся въ литературѣ матеріаловъ».

Изъ приведенныхъ выше словъ можно заключить, что люди, спеціально занимавшіеся военной наукой, признавали законнымъ существованіе науки исторіи военнаго искусства въ Россіи или, какъ тогда безразлично говорили, исторіи русскаго военнаго искусства.

Правда, никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ не устанавливалъ содержанія и объема этой науки, ея назначенія, тѣхъ научныхъ цѣлей, которыя она обязана преслѣдовать, и практическаго значенія, которымъ она можетъ обусловить свое существованіе. Лишь единодушно всѣ заявляли, что составленный по исторіи военнаго искусства въ Россіи курсъ долженъ быть «возможно болѣе полнымъ». Полнота же курса даннаго предмета преподаванія въ высшемъ учебномъ заведеніи несомнѣнно могла явиться лишь только при достаточно полной разработкѣ соотвѣтствующей науки.

Въ результатѣ указаннаго обмѣна мнѣній конференція большинствомъ голосовъ высказалась за принятіе къ ис-

полненію програмы, предложенной полковникомъ Масловскимъ, съ тѣмъ, однако, чтобы отдѣлъ исторіи русскаго военнаго искусства, который онъ прочтетъ, не требовался на экзаменѣ.

Эта послѣдняя прибавка вызвала между членами конференціи новый обмѣнъ мыслей, на этотъ разъ письменный въ видѣ особыхъ мнѣній отдѣльныхъ членовъ конференціи. Въ этихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ опять-таки было высказано немало такого, что шло къ установленію или, вѣрнѣе, къ утвержденію пониманія исторіи военнаго искусства, освящаемаго авторитетомъ коллегіи лицъ, посвятившихъ себя разработкѣ военной науки.

Изъ этихъ отдѣльныхъ мнѣній, въ которыхъ постоянно говорится объ «исторіи военнаго искусства», объ «исторіи русскаго военнаго искусства», наиболѣе яркими мѣстами, имѣющими значеніе для разсматриваемаго здѣсь вопроса, являются слѣдующія:

Генералъ-маіоръ Сухотинъ заявлялъ: «При извѣстной энергіи новаго профессора (полковника Масловскаго) наша Академія обогатится новою *кафедрою русскаго военнаго искусства*; итакъ, ростъ программы и курса военной исторіи неизбѣженъ: рядомъ съ новою кафедрою будетъ попрежнему стоять незыблемо кафедра основной нашей военной науки—кафедра классической военной исторіи и европейскаго военнаго искусства... Военная исторія ни всеобщая, ни русская въ особенности въ стѣнахъ *русской Академіи военныхъ наукъ* не должна подлежать ограниченію въ смыслѣ обязательности... Въ отношеніи важнаго шага по постановкѣ курса отечественной военной исторіи и въ особенности—русскаго военнаго искусства...»

Генералъ-маіоръ Пузыревскій, въ свою очередь, писалъ: «Наша задача, какъ профессоровъ, заключалась лишь въ обстоятельномъ изслѣдованіи тѣхъ путей, по которымъ шло развитіе военнаго искусства и военнаго дѣла, а также въ выясненіи причинъ, которыми обусловливалось такое развитіе... Отсутствіе изложенія въ Академіи русскаго военнаго искусства обусловливалось совершенно случайными причинами и вовсе не потому, чтобы конференція считала такой предметъ безполезнымъ: ни въ одномъ изъ постановленій конференціи нѣтъ и малѣйшаго намека на подобное отрицательное отношеніе къ русскому военному искусству.

Уже одно то обстоятельство, что Семилѣтняя война входитъ только въ составъ исторіи военнаго искусства, а кампанія 1831 г. является частью курса военной исторіи въ академическомъ преподаваніи, достаточно для того, чтобы разрѣшить поставленный вопросъ (о замѣнѣ чтенія войны 1831 г. чтеніемъ Семилѣтней войны) въ отрицательномъ смыслѣ. *Задачи исторіи военнаго искусства заключаются въ изслѣдованіи путей развитія военнаго искусства и причинъ, обусловливавшихъ его историческія судьбы, а военная исторія имѣетъ своими существенными цѣлями отчасти ознакомленіе съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства во всѣхъ его подробностяхъ, отчасти же ознакомленіе слушателей съ методомъ военно-историческихъ изслѣдованій...»*

Изложенное указываетъ, что понятіе объ исторіи военнаго искусства, какъ науки, уже къ концу 80-хъ годовъ было прочно установлено какъ опредѣленіями и трудами отдѣльныхъ военныхъ ученыхъ, такъ и работой въ этомъ направленіи конференціи—по удачному выраженію профессора Сухотина—*Академіи военныхъ наукъ.* При этомъ Пузыревскимъ, первымъ, давшимъ опредѣленную и законченную формулировку исторіи военнаго искусства, также опредѣлено было разграниченіе исторіи военнаго искусства отъ военной исторіи.

Можно считать также, что къ этому времени вполнѣ установилось такимъ же путемъ понятіе объ исторіи русскаго военнаго искусства, задача которой тогда формулировалась такъ: изслѣдованіе путей развитія военнаго искусства въ Россіи и причинъ, обусловливающихъ его историческія судьбы. Въ лицѣ же Масловскаго явился ученый, который, развивъ это положеніе съ точки зрѣнія самостоятельнаго отдѣла уже прочно стоявшей на научной почвѣ исторіи военнаго искусства вообще, своими научными трудами точно установилъ пониманіе исторіи русскаго военнаго искусства или, какъ онъ самъ всегда говорилъ, исторіи военнаго искусства въ Россіи; опредѣлилъ содержаніе этой науки, ея методъ, ея значеніе въ военной наукѣ вообще и ея назначеніе—въ преподаваніи.

Научныя работы Масловскаго, которыя сыграли во всемъ этомъ такую большую роль и въ концѣ концовъ привели къ такому результату, начали появляться еще въ началѣ 80-хъ годовъ. Такъ, въ 1883 году вышелъ трудъ Маслов-

скаго «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Императора Петра Великаго и Императрицы Елизаветы».

Это историческое изслѣдованіе, разсматривающее опредѣленный, но частный вопросъ, касающійся исторіи военнаго искусства съ точки зрѣнія его состоянія въ данную эпоху, его развитія и вліянія на будущее, давало богатый, вполнѣ научно разработанный матеріалъ для исторіи военнаго искусства въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Не касаясь тѣхъ выводовъ, богатыхъ по содержанію, къ которымъ пришелъ авторъ въ данномъ вопросѣ, отмѣтимъ въ названномъ трудѣ то, что имѣетъ значеніе для установленія пониманія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, исторіи русскаго военнаго искусства и ея значенія.

Хотя въ этомъ своемъ трудѣ Масловскій не даетъ точнаго опредѣленія, что нужно разумѣть подъ понятіемъ «военное искусство», тѣмъ не менѣе нетрудно вывести изъ его же словъ, что подъ нимъ онъ разумѣетъ не только боевыя дѣйствія, какъ результатъ стратегическихъ и тактическихъ распоряженій и основаній, но и всѣ организаціонные и хозяйственные вопросы, строй и образъ дѣйствій въ бою, вообще всѣ средства, служащія для веденія войны... Значеніе же всего этого Масловскій опредѣляетъ прежде всего тѣмъ, что, по его мнѣнію, «не имѣя точнаго представленія о состояніи военнаго искусства вообще.. невозможно дать во многихъ случаяхъ дѣйствительно вѣрный отчетъ о боевыхъ дѣйствіяхъ». Далѣе авторъ говоритъ: «Полагаемъ, что недостаточная разработка состоянія русскаго военнаго искусства не даетъ права сдѣлать полные выводы о дѣйствіяхъ даже великаго основателя русской регулярной арміи... Между тѣмъ, нельзя не признать, что въ научномъ отношеніи, въ основныхъ принципахъ дѣятельность Петра I никогда не устарѣетъ. Если поучительны образцы древнихъ грековъ и римлянъ, если мы разучиваемъ и находимъ неустарѣвшими боевыя указанія Фридриха Великаго, Наполеона I, зная хорошо, что въ твореніяхъ великихъ полководцевъ хранятся вѣчно неизмѣнные принципы военнаго искусства, то тѣмъ болѣе *важно для насъ изученіе дѣлъ русскихъ полководцевъ, хорошо знавшихъ «обыкновенія своихъ соотечественниковъ»*. Петръ I, Румянцевъ,

Суворовъ мало того, что составляютъ предметъ національной гордости, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ дѣйствія составляютъ эпоху *образцовъ русскаго военнаго искусства*, а слѣдовательно и источники для изученія основъ военнаго дѣла. И если эти образцы не выступаютъ до настоящаго времени во всей своей силѣ, то благодаря тому, что *русское военное искусство мало или, вѣрнѣе, почти совсѣмъ не разработано.* А безъ полной характеристики состоянія военнаго искусства не избѣжать ошибочныхъ выводовъ. Вотъ почему *медленная архивная разработка русскаго военнаго искусства должна имѣть всегда особое значеніе*».

Въ другомъ мѣстѣ своего поучительнаго труда Масловскій говоритъ: «По части строевой и полевой службы, полагаемъ, наиболѣе цѣнны поученія Императора-полководца; важны указанія великаго полководца Россіи, воспитавшаго войско «отъ младенческой игры» (Нарвы) до великой Полтавы; важно знать основы военнаго искусства, посѣянныя Петромъ, которыя живы и теперь въ значительно разросшейся формѣ; важно все это потому, что знанія эти несомнѣнно будутъ содѣйствовать какъ отчетливому и вполнѣ сознательному уясненію основъ военнаго искусства, такъ и анализу историческихъ фактовъ отечественной военной исторіи, гдѣ хранятся образцовые примѣры дѣйствія русскихъ войскъ, назидательные не только въ смыслѣ изученія нравственнаго элемента, но и въ тактическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ».

Такимъ образомъ, Масловскій военное искусство въ общемъ опредѣляетъ почти такъ же, какъ и Пузыревскій, однако, нѣсколько ўже, такъ какъ не говоритъ объ идеяхъ, какъ объ элементѣ, который въ совокупности съ другими составляетъ военное искусство. Далѣе Масловскій устанавливаетъ, что исторія русскаго военнаго искусства должна изучаться, такъ какъ для насъ знаніе ея имѣетъ прежде всего нравственную цѣнность; затѣмъ оно необходимо для изученія основъ военнаго дѣла и можетъ имѣть практическое значеніе для настоящаго времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Масловскій доказываетъ, что изученіе исторіи военнаго искусства въ Россіи должно производиться отдѣльно отъ изученія исторіи военнаго искусства вообще, такъ какъ первое сложилось и развивалось въ особыхъ условіяхъ національныхъ нашихъ особенностей.

Наконецъ, изъ приведенныхъ выше словъ Масловскаго

можно вывести, что единственно раціональнымъ путемъ изученія русскаго военнаго искусства является путь разработки архивныхъ документовъ; на этомъ же пути у насъ сдѣлано очень немного.

Въ общемъ, Масловскій въ вопросахъ, касающихся существа исторіи военнаго искусства, вообще совершенно не расходился съ Пузыревскимъ. И это вполнѣ естественно, такъ какъ оба въ этомъ отношеніи пришли къ опредѣленному результату послѣ долгой, вполнѣ научной работы, правильно веденной. По отношенію же исторіи военнаго искусства въ Россіи Масловскій категоричнѣй и болѣе опредѣленно разрѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что такая наука можетъ и должна существовать.

Въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ Масловскій логически развивалъ свои взгляды на исторію русскаго военнаго искусства и, работая вполнѣ научно, все болѣе и болѣе опредѣленно и законченно устанавливалъ пониманіе этой науки, предѣлы поглощенія ею различнаго рода частныхъ вопросовъ, ея научное и практическое значеніе, методы ея изслѣдованія, и, наконецъ, ея содержаніе и объемъ.

Всѣ эти труды состояли: во 1-хъ, изъ различныхъ сборниковъ архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ XVIII столѣтію и затрагивающихъ всевозможные вопросы, и во 2-хъ,—изъ изслѣдованій.

Сборники архивныхъ матеріаловъ появились въ періодъ съ 1887 по 1894 г. [1]). Они обычно сопровождались предисловіями, въ которыхъ авторъ высказывалъ свои общіе взгляды съ различныхъ сторонъ на исторію военнаго искусства, а также дѣлалъ оцѣнку отдѣльныхъ документовъ или ихъ цѣлыхъ группъ съ точки зрѣнія ихъ значенія для исторіи военнаго искусства въ Россіи.

Что касается изслѣдованій Масловскаго, то они разсматриваютъ или отдѣльные эпизоды изъ исторіи русскаго

---

[1]) 1) Русско-австрійскій союзъ 1759 г. М. 1887 г. 2) Реляція временно-командовавшаго русской арміей генералъ-поручика Фролова-Багрѣева въ 1759 г. М. 1888 г. 3) Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи, вв. 1, 2 и 3. М. 1888—1890. 4) Атака Гданска фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ 1734 г. М. 1888. 5) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Вып. I-й. Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг. Спб. 1892 г. 6) Тоже. Вып. 4. Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева (Кинбурнъ-Очаковская операція). Спб. 1893 г.

военнаго искусства, или цѣлыя эпохи ея, или, наконецъ, послѣдовательно излагаютъ состояніе военнаго искусства въ Россіи на протяженіи всей исторической жизни государства.

Въ своемъ предисловіи къ капитальному труду «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», изданному въ 1886 году, Масловскій пишетъ: «При современныхъ научныхъ требованіяхъ законченный военно-историческій трудъ, кромѣ стратегическаго очерка хода кампаніи и описанія сраженій, обязательно долженъ заключать въ себѣ характеристику всѣхъ отдѣловъ военнаго искусства, прямо или косвенно вліяющихъ на общіе результаты боевыхъ дѣйствій.

При подобномъ способѣ изслѣдованія всецѣло воссоздается бывшая обстановка, получаются всѣ данныя для оцѣнки событій и подготовляется по разнымъ отдѣламъ военнаго искусства масса однородныхъ фактовъ, важныхъ для вывода общихъ научныхъ основъ, разъясняющихъ свойства крайне сложныхъ элементовъ военнаго дѣла и указывающихъ ихъ взаимное вліяніе».

Такимъ образомъ, Масловскій полагалъ, что каждый военно-историческій трудъ, собственно говоря, долженъ быть трудомъ по исторіи военнаго искусства, возсоздающимъ не только извѣстное явленіе въ сферѣ военнаго искусства, но и возстанавливающимъ ту обстановку, въ которой это явленіе произошло, и направленіе и степень вліянія этой обстановки. Отсюда ясно, что̀ разумѣетъ Масловскій подъ исторіей военнаго искусства вообще; изъ послѣдующихъ же словъ приведенной выписки ясно, какое значеніе придаетъ онъ этой военной наукѣ.

Подъ такимъ угломъ зрѣнія и написанъ весь названный трудъ, въ которомъ на основаніи широкаго вполнѣ научнаго изслѣдованія различныхъ элементовъ военнаго искусства и боевыхъ дѣйствій, съ одной стороны, указано прямое или косвенное вліяніе бывшихъ военно-административныхъ порядковъ на дѣйствія русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну, а съ другой стороны—охарактеризовано состояніе всѣхъ отдѣловъ военнаго искусства въ Россіи въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы. Такой характеръ труда, приведя Масловскаго къ опредѣленнымъ выводамъ извѣстнаго характера, въ концѣ концовъ даетъ ему возможность вполнѣ доказательно высказать мысль,

изъ которой можно вывести его мнѣніе относительно значенія для насъ исторіи русскаго военнаго искусства. Въ концѣ упоминаемаго своего предисловія Масловскій говоритъ: «Представители русской арміи половины XVIII столѣтія стремились главнымъ образомъ усовершенствовать существовавшій порядокъ вещей (основы, положенныя Петромъ I) и *поступали, конечно, правильнѣе, нежели представители послѣдующихъ преобразованій, когда прибѣгали къ ломкѣ всего на иностранный образецъ*».

Прибавлю къ этому, во 1-хъ, что для усовершенствованія своего стараго нужно знать это старое, а въ данномъ случаѣ—знать исторію своего военнаго искусства, а во 2-хъ, что замѣчаніе Масловскаго сохраняетъ, конечно, силу и значеніе на всѣ времена.

Въ изданныхъ послѣ 1886 года различныхъ сборникахъ военныхъ матеріаловъ Масловскій, отмѣчая частное значеніе тѣхъ или другихъ документовъ для изученія исторіи военнаго искусства въ Россіи, неизмѣнно каждый разъ высказываетъ мнѣнія болѣе общаго характера, устанавливающія его взгляды на пониманіе науки исторіи военнаго искусства въ Россіи или, какъ онъ безразлично говоритъ, исторіи русскаго военнаго искусства и даже русскаго военнаго дѣла. Въ общемъ, изъ отдѣльныхъ мыслей Масловскаго, разбросанныхъ въ его трудахъ указаннаго характера, мы опять-таки можемъ вывести слѣдующее: придавая весьма важное значеніе исторіи военнаго искусства вообще, Масловскій признаетъ необходимымъ существованіе отдѣльной, самостоятельной науки, исторіи военнаго искусства въ Россіи (исторіи русскаго военнаго искусства или русскаго военнаго дѣла), а также возможность созданія такой науки какъ съ идейной, такъ и съ технической стороны.

Важность изученія исторіи русскаго военнаго искусства Масловскимъ опредѣляется тѣмъ, что у насъ военное искусство складывалось и развивалось при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ на Западѣ, тѣмъ, что наши начальники, вслѣдствіе своихъ національныхъ особенностей, совершенно иначе смотрѣли на военное искусство, иначе его проявляли и иначе вліяли на его развитіе; наконецъ, тѣмъ, что многія идеи въ области военнаго искусства появились и примѣнялись у насъ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Значеніе для насъ исторіи военнаго искусства въ Россіи Масловскій видитъ не только въ данныхъ нравственнаго порядка, но еще и въ томъ, что знаніе своего прошлаго способствуетъ правильному разрѣшенію современныхъ вопросовъ военнаго дѣла, т. е. что исторія военнаго искусства имѣетъ, кромѣ научнаго, еще и практическое значеніе.

Изученіе исторіи русскаго военнаго искусства Масловскій считаетъ необходимымъ основывать главнымъ образомъ на архивныхъ документахъ, которыхъ въ нашихъ архивахъ имѣется громадное количество.

Важность такого изученія вытекаетъ изъ того, что только благодаря имъ можно въ точности возстановить фактическую сторону событій, затемненную различными разсказами иностранцевъ, которымъ у насъ придаютъ излишне большое значеніе; только благодаря подлиннымъ документамъ является возможнымъ оцѣнить важность того или другого событія и опредѣлить степень его вліянія.

Всѣ эти мысли Масловскаго получили еще бо̀льшую опредѣленность и законченность въ его обширномъ трудѣ «Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи». Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ книгъ, изъ которыхъ первая вышла въ 1891 году, а третья, являясь послѣдней работой Масловскаго,—въ годъ его смерти, въ 1894 году.

Записки, обнимая собою исторію русскаго военнаго искусства въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, не смотря на свое скромное заглавіе, представляютъ собою научный трудъ высокой цѣнности.

Въ этомъ своемъ послѣднемъ трудѣ Масловскій окончательно формулировалъ пониманіе исторіи русскаго военнаго искусства, какъ науки, и на практикѣ установилъ методъ изслѣдованія этой науки, методъ, единственно правильный, для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя должна преслѣдовать исторія военнаго искусства, какъ всеобщая, такъ и въ Россіи, и для оправданія того назначенія, которое на нее возлагается въ зависимости отъ ея природы.

Неумолимая смерть безжалостно похитила Масловскаго, безвременно скончавшагося во цвѣтѣ лѣтъ. Потеря для русской военной науки невознаградимая, потому что, какъ русскій военный историкъ, онъ не имѣлъ и не

имѣетъ до сихъ поръ себѣ равнаго. Его значеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемо лишь со значеніемъ графа Д. А. Милютина, по справедливости считающагося отцомъ русской военной исторіи.

Много еще могъ бы дать этотъ талантливый изслѣдователь въ области исторіи русскаго военнаго искусства, но, къ сожалѣнію, всѣ невыполненные замыслы въ этой области Масловскій унесъ въ могилу. Къ счастью для насъ, онъ успѣлъ окончательно высказаться относительно пониманія исторіи русскаго военнаго искусства, сдѣлавъ въ этомъ отношеніи то, что было исполнено Пузыревскимъ въ его трудѣ «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» по отношеніи исторіи военнаго искусства вообще.

Въ предисловіи къ «Запискамъ» Масловскій говоритъ: «Исторія военнаго искусства въ Россіи имѣетъ конечною цѣлью выяснить: его начало, постепенное развитіе и причины, вліявшія на это развитіе... Она, между прочимъ, должна: 1) выдѣлить и объяснить явленія исторически, доказывающія самое могущественное вліяніе на исходъ боя нравственныхъ условій, т. е. начало и развитіе русскихъ войсковыхъ традицій; 2) «Общія правила искусства воинскаго», установленныя нашими великими полководцами; что дастъ возможность подробнѣе прослѣдить путь самостоятельнаго развитія русскаго военнаго дѣла; 3) примѣненіе этихъ же началъ ими же путемъ критическаго изслѣдованія образцовъ боевой дѣятельности выдающихся представителей русской арміи... Само собою слѣдуетъ, что только критическій разборъ походовъ и сраженій, данныхъ отечественными великими полководцами и даровитыми генералами нашей арміи, даетъ возможность усвоить особенности, вліяющія на успѣхъ «русскаго боя, т. е. боя искони національной русской арміи».

Опредѣляя научное значеніе исторіи русскаго военнаго искусства, Масловскій тамъ же говоритъ, что это значеніе обусловливается слѣдующимъ:

«1) Сообразное направленіе и правильная разработка военно-историческихъ трудовъ, важныхъ въ военно-воспитательномъ отношеніи для всей арміи, всецѣло зависитъ отъ успѣха научной разработки отечественныхъ войнъ.

2) Изученіе классическихъ дѣлъ всѣхъ великихъ полководцевъ, какъ основаніе для научныхъ выводовъ, должно

быть въ связи съ изученіемъ образцовъ дѣятельности выдающихся представителей русской арміи. Только при соблюденіи этого условія выясняются національныя особенности веденія войны и боя, что чрезвычайно важно при примѣненіи общихъ научныхъ выводовъ.

3) Только изученіе русскихъ войнъ по русскимъ даннымъ можетъ выяснить значеніе участія народа въ дѣлѣ самозащиты и тѣмъ облегчить разумное пользованіе средствами земли, искони готовой отдать все нужное своей національной арміи.

4) Отечественныя войны ближе ознакомятъ съ важными особенностями территоріи Россіи, со свойствами разныхъ театровъ военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ своего государства.

5) Исторія развитія вооруженныхъ силъ Россіи всецѣло воспособляетъ болѣе правильному разрѣшенію многихъ современныхъ военно-административныхъ вопросовъ, давая въ видѣ первыхъ историческихъ справокъ общіе выводы о послѣдствіяхъ извѣстныхъ военно-законодательныхъ мѣропріятій прежняго времени».

«Такимъ образомъ, заключаетъ Масловскій, исторія военнаго искусства въ Россіи со временъ основанія регулярной арміи, изучая элементы военнаго дѣла при Петрѣ I, замѣчая связь ихъ со старорусскими, слѣдя за дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ, выясняя причины и слѣдствія видоизмѣненій формъ въ разныя эпохи, скорѣе всего можетъ служить указаннымъ выше научнымъ цѣлямъ, и въ общемъ выводѣ воспособить всестороннему изученію свойствъ самыхъ элементовъ и ихъ взаимное вліяніе».

Въ приведенныхъ словахъ Масловскій вполнѣ точно, ясно, опредѣленно и совершенно исчерпывающе высказываетъ, что̀ такое исторія русскаго военнаго искусства, какія ея цѣли, каково назначеніе, какое ея содержаніе и какое можетъ быть, при правильной ея разработкѣ, значеніе.

Лишь одно въ этихъ положеніяхъ остается неяснымъ: опредѣляя исторію русскаго военнаго искусства такъ широко, давая ей такое назначеніе, Масловскій какъ будто игнорируетъ существованіе у насъ военнаго искусства до Петра Великаго. Но это игнорированіе только кажущееся.

По этому поводу самъ Масловскій говоритъ слѣдующее:

«Рѣзко бросается въ глаза, что мы начинаемъ наше изслѣдованіе («Записки») отъ Петра Великаго, а не съ набѣга Руси на Царьградъ въ 865 году—этого начальнаго факта русской военной исторіи. Преклоняясь передъ геніемъ великаго Императора-полководца, мы, однако, далеки отъ мысли, чтобы до него не существовало самостоятельныхъ началъ въ русскомъ военномъ искусствѣ. Напротивъ, мы считаемъ, что основаніемъ Петровскихъ реформъ служили главнымъ образомъ положенія, выработанныя допетровскою арміею, что онъ исходилъ изъ нихъ, а не исключилъ, замѣнивъ ихъ иноземными, безъ всякаго вниманія къ выработанному вѣковымъ опытомъ «русскому бою».

Что же, однако, заставило автора «Записокъ» не включить въ нихъ изслѣдованіе о русскомъ военномъ искусствѣ до Петра I?

Принимая, какъ безусловное требованіе, что исторія военнаго искусства должна изучаться главнѣйшимъ образомъ по русскимъ, а не по иностраннымъ источникамъ, Масловскій признавалъ, что такая работа для изслѣдованія съ военной точки зрѣнія допетровскаго времени потребуетъ громаднаго срока и можетъ быть исполнена по частямъ; для пополненія же образовавшагося вслѣдствіе этого пробѣла Масловскій рекомендовалъ, чтобы основательно изслѣдованный и законченный очеркъ состоянія военнаго искусства извѣстной эпохи допетровскаго періода и необходимые образцы включались бы въ соотвѣтственное мѣсто всеобщей исторіи военнаго искусства.

Такимъ образомъ, только нежеланіе нарушать цѣльность и стройность исторіи русскаго военнаго искусства, какъ науки, Масловскій временно не включаетъ въ нее періодъ допетровскій. Впрочемъ, въ своихъ «Запискахъ» онъ дастъ хотя и сжатый, но достаточно полный очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи въ эпоху, непосредственно предшествующую Петру Великому.

Появленіе новыхъ работниковъ въ области какой либо науки обыкновенно является толчкомъ для дальнѣйшаго ея развитія, заключающагося или въ разъясненіи прежнихъ идей, нахожденіи лучшихъ формъ для ихъ выраженія или въ появленіи новыхъ идей, устанавливающихъ новую точку зрѣнія не только на элементы и явленія данной науки, но нерѣдко и на самыя основы ея, на ея содержаніе и значеніе.

Исторія военнаго искусства какъ всеобщаго, такъ и русскаго такой кризисъ у насъ пережила въ началѣ 90-хъ годовъ XIX столѣтія.

Какъ бы на смѣну умершаго въ 1894 году Масловскаго и отказавшихся отъ ученой дѣятельности Пузыревскаго (съ 1890 года) и Сухотина (съ 1894 года) явились Н. П. Михневичъ, П. А. Гейсманъ, А. З. Мышлаевскій и др.

II.

Изъ числа писателей новаго періода въ развитіи исторіи военнаго искусства, начавшагося въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія, первымъ въ литературѣ выступилъ П. А. Гейсманъ, который съ 1892 года занялъ въ Академіи кафедру А. Пузыревскаго.

Въ 1893 году появился трудъ П. А. Гейсмана «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка», ч. I, содержащая въ себѣ исторію военнаго искусства въ средніе вѣка, а въ 1894 году—книжка 1-я части II-й, содержащей въ себѣ исторію военнаго искусства въ Западной Европѣ въ новые вѣка (до вѣка Людовика XIV); наконецъ, въ 1896 году П. А. Гейсманъ выпустилъ книжку I-ю ч. III-й своего курса, посвященной исторіи военнаго искусства въ Западной Европѣ въ эпоху Фридриха Великаго.

Причиной появленія названнаго труда П. А. Гейсмана самъ авторъ, въ своемъ предисловіи къ нему, объясняетъ «необходимостью снабдить офицеровъ, обучающихся въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба, возможно болѣе сжатымъ очеркомъ развитія всеобщаго военнаго искусства». Необходимость же этого, главнымъ образомъ, проистекала изъ того, что «слушатели академіи лишены были возможности, за недостаткомъ времени, пользоваться вполнѣ прекрасными, но слишкомъ обширными руководствами бывшаго профессора А. К. Пузыревскаго по исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка, въ эпоху Густава-Адольфа и въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго».

Такая узкая спеціально-учебная цѣль появленія «Краткаго курса» П. А. Гейсмана наложила особый отпечатокъ на характеръ его и потому, конечно, къ нему нельзя предъявлять требованій, какъ къ строго ученому труду.

Тѣмъ не менѣе, однако, весь «Краткій курсъ» изложенъ въ системѣ, отвѣчающей пониманію авторомъ исторіи военнаго искусства, какъ науки; проникнутъ одной объединяющей идеей, основывающейся на оригинальномъ и самостоятельномъ толкованіи авторомъ взаимныхъ отношеній и взаимной зависимости между историческими явленіями; фактическая сторона въ «Краткомъ курсѣ» изложена относительно сжато, по лучшимъ источникамъ, а фактамъ сдѣлана оцѣнка, дающая матеріалъ для частныхъ и общихъ заключеній и довольно широкихъ обобщеній.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, «Краткій курсъ» П. А. Гейсмана, изданный въ 1893—96 г., долженъ занять вполнѣ опредѣленное мѣсто въ научной литературѣ по исторіи военнаго искусства.

Не касаясь, однако, тѣхъ научно обоснованныхъ выводовъ, къ которымъ П. А. Гейсманъ пришелъ въ своемъ «Краткомъ курсѣ», отмѣтимъ въ немъ только то, что касается отношенія его автора къ исторіи военнаго искусства, какъ къ отдѣльной, самостоятельной наукѣ.

Взглядъ на этотъ вопросъ П. А. Гейсмана, съ точки зрѣнія предмета настоящей статьи, является тѣмъ болѣе интереснымъ, что ему первому изъ числа новаго, такъ сказать, призыва военныхъ писателей, работающихъ въ области исторіи военнаго искусства, пришлось высказаться по этому поводу.

Въ своемъ введеніи къ части I «Краткаго курса» П. А. Гейсманъ такъ опредѣляетъ исторію военнаго искусства: «Задача исторіи военнаго искусства заключается въ изслѣдованіи хода развитія военнаго искусства, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, и тѣхъ причинъ, которыми обусловливалось это развитіе...

«Такимъ образомъ, задача спеціальной исторіи военнаго искусства сходна съ задачей общей исторіи, занимающейся изслѣдованіемъ хода развитія народовъ и обществъ или всего человѣчества».

Дальше П. А. Гейсманъ прибавляетъ: «Въ исторіи военнаго искусства нѣтъ эпохи, которая не имѣла бы научнаго значенія; времена наибольшаго упадка военнаго искусства такъ же поучительны, какъ и времена самаго широкаго развитія; только изучая тѣ и другія, можно уяснить причины, способствовавшія развитію военнаго искусства или его паденію, и на этомъ построить извѣстные выводы».

Такимъ образомъ, видно, что въ основныхъ вопросахъ пониманія исторіи военнаго искусства, какъ науки, а именно: въ ея задачахъ и въ ея объемѣ и содержаніи, П. А. Гейсманъ настолько по существу не расходился съ А. Пузыревскимъ, что даже для внѣшняго выраженія этого пониманія не потребовалось почти совершенно другихъ словъ и выраженій. Впрочемъ, это естественно, такъ какъ А. Пузыревскій, какъ это и было отмѣчено выше, въ своихъ соотвѣтствующихъ трудахъ далъ вполнѣ исчерпывающее и врядъ ли подлежащее дополненіямъ и измѣненіямъ опредѣленіе исторіи военнаго искусства, какъ научной дисциплины, включающей въ себя изученіе вопросовъ вполнѣ опредѣленнаго цикла. Однако, въ разсматриваемый вопросъ П. А. Гейсманъ вноситъ и нѣчто новое: онъ дѣлаетъ попытку логически обосновать причину появленія исторіи военнаго искусства и установить новый пріемъ въ дѣлѣ ея изученія.

Что касается послѣдняго, то П. А. Гейсманъ, исходя изъ того положенія, что задача спеціальной исторіи военнаго искусства сходна съ задачей общей исторіи, приходитъ къ заключенію, что «въ видахъ достиженія наиболѣе полныхъ и всестороннихъ выводовъ необходимо изучать параллельно исторію военнаго искусства съ исторіей развитія народовъ и обществъ; въ противномъ случаѣ неполнота изученія и освѣщенія будетъ имѣть слѣдствіемъ узкость взглядовъ и односторонность или недостаточную многосторонность заключительныхъ выводовъ».

Несомнѣнно, что такой пріемъ при изученіи исторіи военнаго искусства дѣлаетъ это изученіе полнѣе и всестороннѣе, а потому и результаты его будутъ болѣе исчерпывающіе какъ съ научной, такъ и съ практической точекъ зрѣнія.

Однако, обосновывать этотъ пріемъ сходствомъ задачъ исторіи военнаго искусства и общей исторіи врядъ ли правильно. Казалось бы, раціональность этого пріема основывается на томъ, что ходъ общей исторіи, создавая въ каждую данную эпоху опредѣленныя условія жизни какого либо народа или государства, тѣмъ самымъ оказываетъ громадное вліяніе на развитіе военнаго искусства въ эту эпоху, отчего изучить послѣднее можно, только изучивъ общую исторію.

Во всякомъ случаѣ, выдвинутое П. А. Гейсманомъ по-

ложеніе если и не вноситъ ничего новаго собственно въ пониманіе исторіи военнаго искусства, то все же значительно дополняетъ методъ ея изученія.

Что касается попытки обосновать причину появленія особой науки исторіи военнаго искусства, то врядъ ли эту попытку можно признать удачной.

П. А. Гейсманъ говоритъ: «Военная исторія представляетъ отдѣлъ теоріи военнаго искусства, способствующій практическому его изученію и даже пріобрѣтенію умѣнья воспользоваться въ извѣстный моментъ всѣми имѣющимися средствами для достиженія цѣли войны, т. е. до нѣкоторой степени восполняетъ недостатокъ личнаго опыта. Въ то же время она является богатѣйшей и неистощимой сокровищницей для всѣхъ остальныхъ отдѣловъ теоріи военнаго искусства».

Такое опредѣленіе значенія военной исторіи вполнѣ отвѣчаетъ природѣ этой отрасли военнаго знанія и потому не согласиться съ этимъ нельзя. Но дальше П. А. Гейсманъ пишетъ: «Но изученіе всей военной исторіи для одного человѣка представляетъ непосильную задачу, вслѣдствіе чего приходится ограничиваться изученіемъ лишь важнѣйшихъ эпохъ или даже моментовъ, т. е. изученіемъ не цѣлаго, а лишь нѣкоторыхъ его частей. Для того же, чтобы имѣть сколько нибудь удовлетворительное представленіе объ этомъ цѣломъ, необходимо изучить исторію военнаго искусства».

Такимъ образомъ, П. А. Гейсманъ устанавливаетъ на исторію военнаго искусства взглядъ, какъ на нѣчто дополнительное къ военной исторіи, имѣющее право на существованіе только потому, что одинъ человѣкъ не можетъ изучить всю военную исторію.

Казалось бы, что сама природа военной исторіи и исторіи военнаго искусства, ихъ назначеніе, ихъ характеръ и, наконецъ, ихъ методъ,—все это, установленное такими учеными, какъ Н. Сухотинъ, А. Пузыревскій, Д. Масловскій, и вслѣдъ за ними исповѣдуемое самимъ П. А. Гейсманомъ, не даетъ основанія для того, чтобы исторіи военнаго искусства, какъ наукѣ, отвести то мѣсто, которое, какъ можно предполагать изъ приведенной выше цитаты, пытался ей отвести П. А. Гейсманъ.

Впрочемъ, вся дальнѣйшая ученая дѣятельность П. А. Гейсмана, выразившаяся какъ въ трудахъ по военной

исторіи, такъ и въ работахъ по исторіи военнаго искусства, показываетъ, что практическаго значенія это, какъ кажется, неправильное уклоненіе по вопросу о значеніи исторіи военнаго искусства не имѣло никакого.

Признавъ вмѣстѣ съ А. Пузыревскимъ, что задача исторіи военнаго искусства заключается въ изслѣдованіи хода развитія военнаго искусства, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, и тѣхъ причинъ, которыми обусловливалось это развитіе, П. А. Гейсманъ въ своемъ первомъ трудѣ, посвященномъ исторіи военнаго искусства, такъ опредѣляетъ понятіе «военное искусство»: «Главная задача военнаго искусства, какъ практическаго дѣла, сводится къ искусному употребленію войскъ и вообще всѣхъ средствъ, имѣющихся для веденія войны какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія, въ видахъ достиженія цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими потерями».

Такимъ образомъ, опредѣленіе «военнаго искусства» П. А. Гейсмана нѣсколько уже того, которое далъ А. Пузыревскій въ своихъ спеціальныхъ ученыхъ трудахъ.

Съ другой стороны, П. А. Гейсманъ нигдѣ категорически не высказывается о характерѣ, какой должна имѣть исторія военнаго искусства [1]). Въ своемъ же «Краткомъ курсѣ» П. А. Гейсманъ, въ сущности говоря, изслѣдуетъ состояніе военнаго искусства по государствамъ, объединяя ихъ по народностямъ, племенамъ и даже культурно-историческимъ типамъ.

Но эти отдѣльные очерки по исторіи военнаго искусства въ той или иной группѣ идейно связаны между собой и эта связь достигается: во 1-хъ, тѣмъ, что этапы въ развитіи военнаго искусства въ каждой группѣ намѣчаются въ зависимости отъ появленія гдѣ бы то ни было новыхъ и притомъ однихъ и тѣхъ же факторовъ или условій, могущихъ вліять и дѣйствительно вліявшихъ на это развитіе у каждаго государства или народа, а во 2-хъ,—тѣмъ, что авторъ въ своемъ «Краткомъ курсѣ» постоянно отмѣчаетъ взаимоотношеніе между различными народами въ дѣлѣ развитія военнаго искусства, что достигается тѣмъ, что, какъ говоритъ самъ авторъ, «приводимыя имъ (мною)

---

[1]) См. по этому поводу мнѣніе А. Пузыревскаго на стр. 17 и 18.

свѣдѣнія поясняютъ, въ силу какихъ причинъ тотъ или другой народъ подчинялся вліянію того или другого изъ сосѣднихъ народовъ въ культурномъ отношеніи, что не могло не отражаться и отражалось въ дѣйствительности и на ходѣ развитія военнаго дѣла у перваго, въ зависимости отъ степени развитія военнаго искусства и интенсивности вліянія второго и т. п.».

Отмѣченный взглядъ П. А. Гейсмана естественно долженъ былъ привести его къ отрицательному отношенію къ существованію отдѣльной и самостоятельной науки исторіи русскаго военнаго искусства.

Нигдѣ прямо не высказываясь въ этомъ отношеніи, П. А. Гейсманъ и намѣченной имъ программой своего «Краткаго курса», и его характеромъ доказываетъ это.

Только лишь «существованіе въ академическомъ курсѣ особаго отдѣла русскаго военнаго искусства и необходимость дать въ возможно кратчайшее время учебное руководство, посвященное очерку развитія военнаго искусства въ Западной Европѣ», заставили П. А. Гейсмана въ своемъ «Краткомъ курсѣ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка» не помѣстить очерка развитія военнаго искусства въ новые вѣка въ мірѣ греко-славянскомъ и на Востокѣ, до эпохи Петра Великаго включительно, и въ эпоху Екатерины Великой. Въ части же «Курса», посвященной среднимъ вѣкамъ, П. А. Гейсманъ съ подробностью, соотвѣтствующей «краткости» курса, изслѣдовалъ состояніе и развитіе военнаго искусства у славянъ и на Руси до XVI вѣка.

Наконецъ, въ первомъ трудѣ П. А. Гейсмана по исторіи военнаго искусства необходимо отмѣтить еще одну черту, оказывающую вліяніе на опредѣленіе значенія этого труда въ дѣлѣ развитія науки исторіи военнаго искусства. П. А. Гейсманъ среди факторовъ, вліяющихъ на состояніе и развитіе военнаго искусства у опредѣленнаго народа въ данную эпоху, весьма большое вниманіе удѣляетъ тѣмъ, которые вытекаютъ изъ условій государственной, политической и общественной жизни, и этимъ устанавливаетъ тѣсную идейную связь и зависимость между исторіей развитія народовъ и государствъ вообще и исторіей развитія ихъ военнаго искусства. Во внѣшности это сказалось въ томъ, что въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своего

труда П. А. Гейсманъ приводитъ нѣкоторыя обще-историческія свѣдѣнія.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ развитія исторіи военнаго искусства «Краткій курсъ» П. А. Гейсмана, не смотря на его «краткость» и на то, что онъ былъ лишь учебнымъ руководствомъ, сыгралъ довольно крупную роль.

Подтвердивъ уже прочно установившееся пониманіе исторіи военнаго искусства, какъ науки, трудъ этотъ намѣчаетъ тотъ взглядъ, что военное искусство, его состояніе и развитіе являются въ значительной степени производными отъ общихъ условій жизни народовъ и государствъ и что поэтому для того, чтобы изучить состояніе военнаго искусства въ опредѣленную эпоху и развитіе его въ зависимости отъ появленія новыхъ въ немъ идей или спеціальныхъ факторовъ, необходимо изслѣдовать вліяніе этихъ идей и факторовъ въ особой обстановкѣ жизни и дѣятельности каждаго историческаго народа и государства. Только лишь послѣ этого можно будетъ сдѣлать вполнѣ научно обоснованный общій выводъ о состояніи и развитіи военнаго искусства въ опредѣленный историческій періодъ жизни человѣчества и, что самое главное, о причинахъ, вліяющихъ на развитіе военнаго искусства въ опредѣленномъ направленіи.

На появленіе «Краткаго курса» П. А. Гейсмана отозвался А. Пузыревскій, и въ № 163 «Развѣдчика» въ 1893 году появилась его рецензія на 1-ую часть «Курса». Эта рецензія, излишне придирчивая и не безпристрастная, дала возможность ея автору еще разъ высказать свой взглядъ на исторію военнаго искусства.

Группируя все сказанное по этому поводу Пузыревскимъ въ указанной рецензіи, придемъ къ слѣдующему: 1) «Исторія военнаго искусства есть главнѣйшая отрасль военнаго знанія».—2) «Исторія военнаго искусства—это исторія проявленія въ осязательныхъ формахъ творчества духа великихъ полководцевъ. Въ изученіи этого творческаго духа весь интересъ дѣла; остальное—только второстепенный аксессуаръ, условія обстановки, въ которыхъ проявлялся дѣйствовавшій духъ; къ этой категоріи принадлежатъ и тактическія формы, которыя могутъ имѣть замѣтное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если на вѣсахъ судьбы отсутствуетъ подавляющее вліяніе генія полководца». 3) «Еще до недавняго времени военно-историческая

наука недостаточно правильно оцѣнивала значеніе Крестовыхъ походовъ въ исторіи военнаго искусства. Долженъ сознаться, что такія воззрѣнія отразились отчасти и на моемъ трудѣ. Нынѣ, по мѣрѣ научной разработки эпохи, установившійся издавна взглядъ постепенно измѣняется и передъ изслѣдователями раскрывается болѣе широкая и содержательная картина воздѣйствія, весьма разносторонняго, Крестовыхъ походовъ на послѣдующее развитіе военнаго искусства по отношенію къ военнымъ учрежденіямъ, составу армій, ихъ вооруженію, тактикѣ и пр. Такимъ образомъ, въ новѣйшемъ учебникѣ слѣдовало бы искать слѣдовъ такого направленія исторической науки, а на самомъ дѣлѣ замѣчается нѣчто обратное, и мы видимъ, что у разсматриваемаго автора о первыхъ четырехъ Крестовыхъ походахъ говорится всего на $2^1/_2$ страницахъ, которыя не заключаютъ въ себѣ никакихъ спеціальныхъ подробностей, не даютъ вовсе матеріала для послѣдующихъ выводовъ». 4) «Авторъ въ сжатомъ видѣ даетъ достаточное понятіе о развитіи военнаго дѣла и военнаго искусства въ Западной Европѣ до XIII столѣтія. Можно, однако, сожалѣть, что имъ приведено для примѣра только сраженіе при Бувинѣ. Если бы авторъ послѣдовательно изложилъ сраженія при Гэстингсѣ, Бувинѣ и на Маркскомъ полѣ, то далъ бы читателю представленіе *о постепенномъ упадкѣ военнаго искусства*[1]) подъ вліяніемъ развитія феодализма». 5) «Изложеніе состоянія военнаго дѣла у восточныхъ народовъ выходитъ слишкомъ отвлеченнымъ, такъ какъ не пояснено ни однимъ примѣромъ. Для этого превосходной иллюстраціей могли бы служить въ высшей степени типическія сраженія при Аугсбургѣ (венгры) и Дорилеумѣ (турки)». 6) «При изложеніи русскаго военнаго искусства не дается описанія ни одного сраженія до самой Куликовской битвы; авторъ не счелъ нужнымъ остановиться даже на военныхъ подвигахъ Святослава, этого дѣйствительнаго богатыря, колоссальный силуэтъ котораго ясно рисуется на темномъ фонѣ этихъ отдаленныхъ временъ». 7) Ко всему этому необходимо прибавить, что А. Пузыревскій неоднократно ставитъ въ упрекъ П. А. Гейсману, что онъ въ своемъ курсѣ приводитъ много будто бы совершенно безполезныхъ обще-историческихъ свѣдѣній и

[1]) Курсивъ А. К. Пузыревскаго.

стремится приписать слишкомъ исключительное вліяніе въ военномъ дѣлѣ внѣшнимъ условіямъ.

Изъ приведенныхъ мнѣній А. Пузыревскаго не трудно сдѣлать выводъ, что онъ попрежнему настаивалъ, что исторія военнаго искусства, какъ наука [1]), имѣетъ громаднѣйшее и научное, и практическое значеніе; что она должна обнимать изслѣдованіе состоянія военнаго искусства во всѣ эпохи человѣческой жизни, дабы прослѣдить постепенность въ его развитіи; что для того, чтобы сдѣлать правильные и вполнѣ обоснованные выводы какъ о состояніи военнаго искусства въ данную эпоху, такъ и о развитіи его въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго историческаго періода, долженъ быть данъ богатый фактическій матеріалъ; что, наконецъ, А. Пузыревскій, повидимому, не вполнѣ соглашался съ П. А. Гейсманомъ въ вопросѣ вліянія на военное искусство общихъ условій жизни государствъ и народовъ.

Лишь въ одномъ вопросѣ А. Пузыревскій какъ бы измѣнилъ свою точку зрѣнія, а именно: онъ, повидимому, началъ отдѣлять военное искусство отъ военнаго дѣла, разумѣя подъ первымъ только «проявленіе въ осязательныхъ формахъ творчества духа великихъ полководцевъ».

Такимъ образомъ, вопреки прежнему своему мнѣнію [2]), подъ военнымъ искусствомъ теперь А. Пузыревскій понимаетъ только стратегическія и тактическія операціи, чѣмъ несомнѣнно суживаетъ понятіе «военное искусство» [3]). Что же касается военнаго дѣла, то А. Пузыревскій не даетъ его опредѣленія.

Тѣмъ не менѣе, все изложенное, оставляя какъ бы на вѣсу вопросъ о взаимодѣйствіи историческаго развитія народовъ и развитія военнаго искусства, утверждало лишь установившееся уже пониманіе исторіи военнаго искусства, какъ науки, ея значеніе, ея объемъ и содержаніе, ея методъ и назначеніе съ точки зрѣнія предмета академическаго преподаванія.

Не безъинтересно здѣсь отмѣтить еще слѣдующія сло-

---

[1]) См. стр. 18.

[2]) См. стр. 17, гдѣ приведены слова А. Пузыревскаго о военномъ искусствѣ, «понимаемомъ въ обширномъ смыслѣ».

[3]) И даже не только, какъ науки, но и какъ предмета преподаванія въ Академіи генеральнаго штаба.

ва А. Пузыревскаго изъ разсматриваемой рецензіи, слова, показывающія силу военно-научныхъ интересовъ у насъ въ то время внѣ Академіи, а съ другой стороны,—ту тяжелую обстановку, въ которой приходилось тогда работать лицамъ, посвятившимъ себя работѣ по исторіи военнаго искусства, работѣ, требующей, по словамъ того же А. Пузыревскаго, «упорнаго, усидчиваго труда въ теченіе многихъ лѣтъ».

«Въ 1883 году я издалъ свой академическій трудъ исоріи военнаго искусства въ средніе вѣка и въ переходное время; только черезъ десять лѣтъ является новый трудъ по тому же предмету, причемъ курсъ названъ краткимъ и такъ какъ ничего болѣе на эту тему за все истекшее время не появлялось въ нашей учебной и ученой литературѣ, то можно, казалось бы, придти къ заключенію, что потребность нашего военнаго общества къ уясненію себѣ прошлыхъ судебъ военнаго дѣла не только не развилась, а еще сократилась. На самомъ дѣлѣ такой потребности, въ смыслѣ личнаго умственнаго интереса, и вовсе не существуетъ, такъ какъ оба изданія вызваны не запросами читающаго военнаго общества, а надобностями Академіи генеральнаго штаба, какъ учрежденія, имѣющаго извѣстные обязательные курсы.

Такова картина умственной жизни нашего общества, раскрываемая указаннымъ обстоятельствомъ, относящимся къ главнѣйшей отрасли военнаго знанія. Нелегко, конечно, работать при такихъ условіяхъ и трудно требовать отъ русскаго офицера самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій, которымъ нужно отдать лучшіе годы жизни».

Въ 1896 году, когда вышла кн. 1-ая ч. III-й «Краткаго курса» П. А. Гейсмана, А. Пузыревскій вновь авторитетно отозвался по поводу этого труда, попутно высказавъ свой взглядъ на значеніе исторіи военнаго искусства.

Оставаясь въ намѣченныхъ рамкахъ настоящей статьи, представляется интереснымъ въ обширной рецензіи стараго профессора [1]) остановиться только на слѣдующихъ высокопоучительныхъ словахъ его, нетребующихъ никакихъ комментарій: «Изъ самого заглавія вышеназванной книжки усматривается, что мы имѣемъ дѣло съ «*краткимъ*» [2]) кур-

---

[1]) «Развѣдчикъ» 1896. № 321.

[2]) Курсивъ А. К. Пузыревскаго.

сомъ или учебнымъ руководствомъ для слушателей Академіи генеральнаго штаба. Въ предисловіи авторъ тоже заявляетъ, что задача его заключается въ составленіи «сжатаго» очерка развитія военнаго искусства. Однако, если принять во вниманіе, что одному Фридриховскому военному искусству посвящено 309 печатныхъ страницъ, то нельзя не замѣтить, что стремленіе къ краткости и къ сжатію не увѣнчалось на практикѣ особенно благопріятными результатами.

Принципіально я лично не могу поставить автору въ упрекъ это обстоятельство. Исторія военнаго искусства есть фундаментальный предметъ академическаго образованія, и неосмотрительное сокращеніе этого курса можетъ весьма плачевно отразиться на общей научной подготовкѣ академическихъ слушателей».

Здѣсь же умѣстно будетъ привести слова того же А. Пузыревскаго относительно значенія исторіи русскаго военнаго искусства, слова, сказанныя имъ по поводу изданія г. Рембовскимъ «Матеріаловъ по осадѣ Смоленска Шеинымъ въ 1633 г.»

Въ «Развѣдчикѣ» за 1896 г. въ № 273 Пузыревскій въ статьѣ «Къ исторіи русскаго военнаго искусства» писалъ: «Нѣтъ никакой надобности распространяться о плачевномъ состояніи научной разработки нашей военной исторіи. Какъ извѣстно, нѣкоторыя изъ войнъ послѣ-Петровской эпохи до сихъ поръ не нашли себѣ самостоятельныхъ отечественныхъ историковъ. Недавняя кипучая научная дѣятельность безвременно скончавшагося Масловскаго, такъ много потрудившагося для извлеченія на свѣтъ Божій архивнаго матеріала, могла показаться признакомъ пробужденія научнаго интереса къ прошлому среди нашихъ военно-ученыхъ, но на самомъ дѣлѣ Масловскій былъ не болѣе, какъ единичнымъ явленіемъ, которое почти внезапно блеснуло на нашемъ ученомъ горизонтѣ, а затѣмъ безслѣдно исчезло въ сумеркахъ нашей умственной лѣни. Если войны новаго времени насъ такъ мало интересуютъ, то до-Петровская Русь съ ея своеобразной военной системой и пріемами военнаго искусства почти безусловно не возбуждаетъ у насъ никакого интереса; научныя экскурсіи въ эту область составляютъ рѣдкое явленіе.

Быть можетъ, и не стоитъ углубляться въ эту сѣдую и.... невѣжественную древность. Вѣдь это не имѣетъ, по-

жалуй, никакого научнаго интереса, не говоря о практическомъ... однако, такъ ли это?

Не заходя далеко, спросимъ себя, а когда же, напримѣръ, выработалась лава и всѣ пріемы дѣйствій иррегулярной конницы, которые на нашихъ глазахъ воскресли и пріобрѣли такую важность (вполнѣ законную) въ системѣ обученія нашихъ незамѣнимыхъ казаковъ? Однимъ словомъ, покопавшись основательно въ нашемъ прошломъ, мы, быть можетъ, нашли бы тѣсную связь съ нимъ настоящаго не только въ чисто-научномъ, но и въ практическомъ отношеніяхъ, причемъ слѣдуетъ помнить, что примѣры незнанія или ошибочныхъ дѣйствій тоже имѣютъ свою поучительную сторону».

Такимъ образомъ, отказавшись отъ активной научной дѣятельности въ области исторіи военнаго искусства, но, какъ истинный и просвѣщенный ученый, не переставая интересоваться своимъ предметомъ, А. Пузыревскій въ своихъ сужденіяхъ не даетъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что имъ по поводу этого было высказано раньше [1]); черезъ 12 лѣтъ послѣ выхода его трудовъ, въ которыхъ онъ изложилъ свое пониманіе исторіи военнаго искусства, А. Пузыревскій еще болѣе подчеркиваетъ не только научное и практическое значеніе исторіи военнаго искусства, какъ науки, но и ея значеніе, какъ предмета академическаго преподаванія, признавая такое значеніе за общей исторіей военнаго искусства и за исторіей русскаго военнаго искусства.

Высказанныя въ 1893 и 1896 годахъ воззрѣнія А. Пузыревскаго относительно исторіи военнаго искусства представляется интереснымъ отмѣтить тѣмъ болѣе, что онъ ихъ высказывалъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ напряженной практической дѣятельности въ войскахъ, когда отошелъ совершенно отъ преподаванія въ Академіи въ качествѣ профессора общей исторіи военнаго искусства.

Нѣсколько позже Н. А. Гейсмана, а именно: въ 1895 году, на научное поприще въ области исторіи военнаго ис-

---

[1]) Причемъ начавшееся намѣчаться у него отдѣленіе военнаго искусства отъ военнаго дѣла нисколько не отразилось на взглядѣ его на содержаніе исторіи военнаго искусства, такъ какъ изъ изложеннаго видно, что онъ, какъ и прежде, требовалъ, чтобы исторія военнаго искусства содержала ходъ развитія и военнаго искусства собственно и военнаго дѣла въ его опредѣленіи того и другого.

кусства выступилъ Н. П. Михневичъ, выпустивъ свою «Исторію военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія» [1]).

Въ свое время компетентная критика высоко оцѣнила этотъ трудъ Н. П. Михневича, отмѣтивъ ясность, популярность и соразмѣрность изложенія, правильность въ большинствѣ случаевъ оцѣнки историческихъ явленій, отсутствіе важныхъ пропусковъ, и признавъ его добросовѣстнымъ, дѣльнымъ и полезнымъ [2]).

Въ настоящей статьѣ нѣтъ мѣста для разбора и оцѣнки «Исторіи военнаго искусства» Н. П. Михневича съ этой точки зрѣнія. Здѣсь представляется необходимымъ остановиться на этой талантливой работѣ лишь постолько, посколько въ ней авторомъ выражены его воззрѣнія на исторію военнаго искусства, какъ науку, на ея цѣли и значеніе, объемъ и содержаніе, на методъ ея изслѣдованія, причемъ, конечно, только такія воззрѣнія, которыя имѣли вліяніе на развитіе у насъ этой отрасли военной науки.

Въ введеніи къ своему труду Н. П. Михневичъ такъ опредѣляетъ исторію военнаго искусства: «Исторія военнаго искусства имѣетъ цѣлью выяснить состояніе его въ различныя историческія эпохи, послѣдовательность въ его развитіи, а также по возможности указать и тѣ историческія причины, которыя повліяли на его развитіе или паденіе въ данную эпоху».

Это опредѣленіе исторіи военнаго искусства, какъ науки, по существу ничѣмъ не отличается отъ таковыхъ же, данныхъ предшествующими учеными; оно является только нѣсколько болѣе пространнымъ, а потому и болѣе опредѣленнымъ.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что пониманіе исторіи военнаго искусства у насъ въ это время установилось уже прочно и не вызывало никакихъ сомнѣній и недоразумѣній.

Воспринявъ, однако, отъ своихъ предшественниковъ въ научной работѣ основу отмѣченнаго пониманія исторіи военнаго искусства, Н. П. Михневичъ не останавливается на этомъ и дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ научной разработки названной отрасли военныхъ знаній.

Подобно П. А. Гейсману, впервые высказавшему мысль о

---

[1]) Въ 1896 году вышло второе изданіе этого сочиненія.

[2]) «Развѣдчикъ» 1896 года. № 290. Рецензія А. Пузыревскаго.

тѣсной связи и зависимости между исторіей развитія народовъ и государствъ вообще и исторіей развитія ихъ военнаго искусства, Н. П. Михневичъ, въ своей «Исторіи военнаго искусства», пытается болѣе или менѣе опредѣленно установить зависимость состоянія военнаго искусства данной эпохи отъ современнаго состоянія культуры и цивилизаціи и притомъ въ томъ смыслѣ, что высшее состояніе военнаго искусства всегда отвѣчало высокой культурѣ и цивилизаціи, при которыхъ только, по мнѣнію Н. П. Михневича, и возможно необходимое для войны высокое напряженіе нравственныхъ и матеріальныхъ силъ людей.

Попытка установить такое положеніе, болѣе или менѣе удачно выполненная въ «Исторіи военнаго искусства» Н. П. Михневича [1]), даетъ возможность глубже проникнуть въ то, что составляетъ наиболѣе важное въ исторіи военнаго искусства, какъ наукѣ, т. е. болѣе объемлюще уяснить причины состоянія послѣдняго въ каждую данную эпоху и его развитія въ извѣстномъ направленіи, а вслѣдствіе этого шире и продуктивнѣе использовать въ цѣляхъ, какъ научныхъ, такъ и практическихъ, тѣ результаты, къ которымъ можетъ при такихъ условіяхъ привести изученіе исторіи военнаго искусства.

Установленіе такой точки зрѣнія на зависимость состоянія военнаго искусства данной эпохи отъ современнаго состоянія культуры и цивилизаціи неминуемо, во имя ясности и стройности историческаго изслѣдованія, привело Н. П. Михневича къ нѣкоторымъ особенностямъ въ построеніи его «Исторіи военнаго искусства». Особенности же этого построенія вытекаютъ изъ того, что въ зависимости отъ хода развитія культуры и цивилизаціи исторія вообще дѣлится авторомъ не на «древнюю, среднюю и новую», какъ это принято въ большинствѣ историческихъ сочиненій, а на «три періода, совпадающихъ съ исторической жизнью цѣлой серіи культурныхъ и цивилизованныхъ народовъ, оставившихъ послѣ себя памятники во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества». Такими же тремя періодами, по мнѣнію Н. П. Михневича, обрисовывается «жизнь древнѣйшихъ народовъ (ассиріане, вавилоняне, египтяне, китайцы, индусы и др.), жизнь народовъ классиче-

[1]) Разсмотрѣніе вопроса, насколько удачно, не составляетъ предмета настоящей статьи.

ской древности (греки, римляне и др.) и жизнь, намъ современная,—жизнь новыхъ народовъ».

Въ зависимости отъ такого дѣленія всемірной исторіи и исторію военнаго искусства Н. П. Михневичъ дѣлитъ на тѣ же три періода. Затѣмъ, давъ краткій общій очеркъ военнаго искусства древнѣйшихъ народовъ, изслѣдованіе состоянія и развитія военнаго искусства въ остальные два періода Н. П. Михневичъ ведетъ: во второмъ періодѣ—по государствамъ («военное искусство грековъ», «военное искусство римлянъ»), хотя и не строго выдерживаетъ это, такъ какъ въ отдѣлѣ «военное искусство римлянъ» имъ разсматривается и военное искусство карфагенянъ (Аннибалъ); въ третьемъ же періодѣ (новые народы)—по эпохамъ, причемъ рубежами такихъ эпохъ являются событія и факты или идеи, дающія новое направленіе культурѣ и цивилизаціи вообще или только военному искусству. При такихъ условіяхъ разсмотрѣнію военнаго искусства по государствамъ или народамъ, въ сущности говоря, не должно было бы быть мѣста. Это и замѣчается въ разсматриваемомъ трудѣ Михневича, однако, съ той раціональной поправкой, что въ каждой эпохѣ на фонѣ общихъ ея отличительныхъ чертъ отмѣчаются особенности военнаго искусства того или другого народа; при этомъ степень вниманія, которое удѣляется, съ данной точки зрѣнія, каждому народу (государству), всецѣло опредѣляется силою и значеніемъ тѣхъ особенностей, которыми отличалось его военное искусство. Естественно поэтому, что Н. П. Михневичъ, въ своемъ трудѣ, изслѣдуя состояніе военнаго искусства въ соотвѣтствующія эпохи, удѣляетъ особенное вниманіе и значительное мѣсто военному искусству въ Россіи при Петрѣ Великомъ и при Екатеринѣ Великой.

Это обстоятельство, наряду съ тѣмъ, что военное искусство въ періодъ народовъ классической древности разсматривается Н. П. Михневичемъ по народамъ и въ связи съ изложеніемъ разсматриваемаго труда, независимо отъ его построенія, даетъ возможность въ выводахъ автора уловить три положенія, весьма важныхъ въ вопросѣ пониманія исторіи военнаго искусства, какъ науки вообще, а въ частности,—пониманія ея значенія и въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Первое изъ указанныхъ положеній заключается въ томъ, что «всѣ историческія серіи народовъ переживали

извѣстныя формы военнаго искусства при извѣстномъ состояніи цивилизаціи и культуры, что въ связи съ этимъ высшее состояніе военнаго искусства всегда совпадало съ высокимъ состояніемъ цивилизаціи и культуры и что каждая группа историческихъ народовъ вырабатывала военное искусство вполнѣ самостоятельно, проходя въ развитіи однѣ и тѣ же формы».

Второе положеніе, являющееся какъ бы производнымъ отъ перваго, заключается въ томъ, что такъ какъ «жизнь народовъ классической древности представляетъ для насъ достовѣрный и вполнѣ законченный историческій фактъ и пока единственный, который могъ бы быть принятъ, какъ масштабъ для оцѣнки соціальныхъ явленій другихъ эпохъ», и такъ какъ «нигдѣ такъ ясно и опредѣленно нельзя прослѣдить связь военныхъ учрежденій и военнаго искусства съ цивилизаціей и культурой общества, какъ въ древнемъ Римѣ», то міръ народовъ классической древности представляется особенно цѣннымъ для изслѣдованія въ области военнаго искусства и «военный историкъ, изучая судьбы Рима (и Греціи), получитъ богатѣйшіе матеріалы для обобщенія въ области его спеціальныхъ изслѣдованій» [1]).

Наконецъ, третье изъ указанныхъ положеній основывается на слѣдующихъ частныхъ выводахъ Н. П. Михневича, разбросанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ его труда:

1) «Гибкій греческій умъ отразился въ области тактики творчествомъ Эпаминонда, проведшаго въ бою зна-

---

[1]) Въ 1900 году Е. Мартыновъ издалъ «Историческій очеркъ развитія древне-греческой тактики» изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1894 году въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ которомъ значеніе изученія древне-греческой тактики опредѣлялъ такъ:

1) «Жизнь грековъ—народа, давно уже совершившаго полный циклъ своего существованія, представляетъ во всѣхъ сферахъ, въ томъ числѣ и въ области тактики, вполнѣ законченный историческій процессъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ отдѣльной эпохой, а съ цѣльной тактической эволюціей отъ начала зарожденія искусства до окончательнаго его паденія. Такіе размѣры предмета способствуютъ развитію въ изучающемъ широкаго взгляда.

2) Ограниченныя средства, находившіяся въ распоряженіи греческихъ полководцевъ, порождали чрезвычайную простоту тактическихъ формъ, что даетъ изучающему возможность гораздо легче, чѣмъ при сложной обстановкѣ нашего времени, усвоить себѣ руководящія идеи тактическаго искусства».

ченіе принципа частной побѣды и примѣненіе косвеннаго боевого порядка, до чего римляне не доходили даже въ періодъ высочайшаго состоянія военнаго искусства. Римляне, достигшіе большаго подчиненія отдѣльной личности государству, чѣмъ въ греческихъ государствахъ, и глубже вникнувшіе въ изученіе свойствъ человѣка въ интересахъ боя, дали чудный манипулярный порядокъ легіона; а затѣмъ— глубокую тактику съ полнымъ развитіемъ резервовъ въ боевомъ порядкѣ Юлія Цезаря.

Тактика грековъ основывается на свойствахъ массъ; тактика же римлянъ въ періодъ ея процвѣтанія основывала свои соображенія на свойствахъ одиночнаго бойца».

2) Говоря о военномъ искусствѣ русскихъ во времена Дмитрія Донского, Н. П. Михневичъ пишетъ: «Если сравнить военное искусство русскихъ съ современнымъ ему состояніемъ военнаго искусства народовъ Западной Европы, то нельзя не замѣтить, что оно имѣетъ своеобразный характеръ . . . . . и безъ сомнѣнія оно выше европейскаго какъ въ области стратегіи, такъ и въ области тактики».

3) Останавливаясь на особенностяхъ военнаго искусства Петра Великаго, Н. П. Михневичъ пишетъ: «Однимъ словомъ, онъ создалъ русское военное искусство, значительно опередившее современное ему европейское»...

4) Затрагивая вопросъ о новой тактикѣ, основывающейся на стрѣлковомъ боѣ, Н. П. Михневичъ говоритъ: «Русское военное искусство, вступившее въ царствованіе Императрицы Екатерины II снова на путь самостоятельнаго развитія, начертаннаго ему великимъ основателемъ русской регулярной арміи, вполнѣ независимо порѣшило съ разсматриваемымъ вопросомъ».

5) Разсматривая спеціально военное искусство въ Россіи въ вѣкъ Екатерины II, Н. П. Михневичъ замѣчаетъ: «Но особенно большія усовершенствованія были достигнуты въ области тактики. Здѣсь творчество нашихъ генераловъ на почвѣ высокихъ нравственныхъ качествъ національныхъ русскихъ войскъ было особенно плодотворно».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выписокъ несомнѣнно слѣдуетъ, что Н. П. Михневичъ признаетъ, что состояніе военнаго искусства, а также его развитіе у различныхъ народовъ во многомъ зависятъ отъ національныхъ особенностей этихъ народовъ и что въ частности рѣзкость національныхъ особенностей русскаго народа всегда приво-

дила къ тому, что военное искусство русскихъ въ однѣ и тѣ же эпохи значительно разнилось отъ военнаго искусства другихъ народовъ.

Отсюда, не дѣлая логическаго скачка, можно придти къ заключенію, что Н. П. Михневичъ признаетъ возможность изученія исторіи военнаго искусства по народамъ и государствамъ и что имѣетъ право на существованіе отдѣльная и самостоятельная наука, исторія русскаго военнаго искусства, изслѣдующая состояніе и развитіе этого искусства въ Россіи въ различныя эпохи. Такимъ образомъ, мысль о національности въ военномъ искусствѣ стала укрѣпляться у нашихъ военныхъ историковъ.

Эту мысль Н. П. Михневичъ особенно развилъ въ другомъ своемъ трудѣ, выпущенномъ имъ въ 1898 году подъ заглавіемъ «Основы русскаго военнаго искусства».

Уже самое названіе приведеннаго труда Н. П. Михневича съ подзаголовкомъ «Сравнительный очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи и Западной Европѣ въ важнѣйшія историческія эпохи» показываетъ, что авторъ исповѣдуетъ зависимость состоянія военнаго искусства у какого либо народа отъ его національныхъ особенностей, что эти особенности крайне рѣзки у народа русскаго и что поэтому состояніе русскаго военнаго искусства слѣдуетъ изучать параллельно, сравнительно съ военнымъ искусствомъ Западной Европы.

Въ введеніи къ «Основамъ русскаго военнаго искусства» Н. П. Михневичъ категорически говоритъ, что «характеръ извѣстнаго народа тоже кладетъ извѣстный отпечатокъ на его военное искусство и что пригодно для одного, можетъ не годиться для другого народа». Къ этому почтенный авторъ совершенно справедливо прибавляетъ, что «это часто забывается практиками военнаго дѣла».

Въ другомъ мѣстѣ введенія Н. П. Михневичъ съ неменьшимъ убѣжденіемъ говоритъ, что «необходимо выяснить основы русскаго военнаго искусства, какъ продуктъ творчества русскихъ талантливыхъ военныхъ людей, такъ какъ только они и могли дать имъ формы, въ которыхъ нуждалась русская армія, для чего необходимо было имѣть тотъ же складъ ума и характера, который распространенъ въ массахъ русскихъ воиновъ».

Обращаясь за полученіемъ необходимаго матеріала для доказательства существованія «основъ русскаго военнаго

искусства» къ сравненію послѣдняго съ военнымъ искусствомъ западныхъ народовъ въ соотвѣтствующіе періоды, Н. П. Михневичъ въ общемъ недостаточно ясно и опредѣленно устанавливаетъ тѣ особенности русскаго военнаго искусства, тѣ его основы, которыя всецѣло и исключительно зависѣли отъ національнаго характера русскихъ,— лишь подчеркиваніе стойкости и упорства войскъ во всѣ періоды нашей исторіи полностью отвѣчаетъ идеѣ, которою руководился авторъ, приступивъ къ своему труду.

Тѣмъ не менѣе, однако, Н. П. Михневичъ въ своихъ «Основахъ русскаго военнаго искусства» съ достаточной обоснованностью и убѣдительностью доказываетъ, что многія идеи въ военномъ искусствѣ, отвѣчающія природѣ вещей, въ Россіи возникали и развивались раньше, чѣмъ у народовъ Западной Европы, что эти идеи весьма часто заимствовались у насъ европейскими арміями, давая «основанія для исправленія многихъ невѣрныхъ выводовъ, къ которымъ пришла Европа на основаніи собственнаго опыта», что русское военное искусство всегда развивалось самостоятельно и что въ общемъ почти всегда и до самыхъ послѣднихъ дней наше русское военное искусство стояло выше западно-европейскаго.

Эти выводы хотя и не являются отвѣтомъ на заголовокъ труда Н. П. Михневича, но все же свидѣтельствуютъ, что если, быть можетъ, и не національныя черты характера русскаго народа, то во всякомъ случаѣ особенности условій, въ которыхъ онъ живетъ, такъ сказать, національная обстановка имѣла громадное вліяніе на состояніе и развитіе нашего военнаго искусства. Другими словами, русское военное искусство, или по идеямъ или по формамъ почти всегда отличное отъ военнаго искусства западныхъ народовъ, не должно при его изученіи поглощаться послѣднимъ, быть только небольшою составною его частью. Оно имѣетъ право и должно изслѣдоваться самостоятельно и отдѣльно, составляя особую отрасль военныхъ знаній.

Появленіе обоихъ указанныхъ трудовъ по исторіи военнаго искусства Н. П. Михневича вновь вызвало на литературное поприще А. Пузыревскаго: на оба эти труда онъ откликнулся въ «Развѣдчикѣ» весьма обстоятельными рецензіями, въ которыхъ еще разъ, хотя и не съ полною послѣдовательностью, высказалъ свой взглядъ на исторію военнаго искусства, какъ науку.

Только съ точки зрѣнія этого и остановимся на этихъ рецензіяхъ.

Давая отзывы о сочиненіи Н. П. Михневича «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія» [1]), А. Пузыревскій, между прочимъ, дѣлаетъ упрекъ автору, что онъ слишкомъ кратко изложилъ нѣкоторыя событія, какъ, напр., Марафонское сраженіе, походъ Тюреня 1674 года, кампанію 1812 года, а въ ней—Бородинское сраженіе и особенно Березинскую переправу, «описаніе которой носитъ вполнѣ конспективный характеръ». По поводу этой краткости А. Пузыревскій говоритъ, что «такое изложеніе напоминаетъ старинные военно-историческіе учебники, въ которыхъ, кромѣ стратегическихъ вензелей, ничего не было». Наряду съ этимъ А. Пузыревскій отмѣчаетъ, что въ своей «Исторіи военнаго искусства» Н. П. Михневичъ сдѣлалъ слѣдующіе существенные пропуски: 1) не далъ «никакихъ указаній на устройство древне-греческихъ войскъ и организацію важнѣйшихъ военныхъ учрежденій въ средніе вѣка»; 2) не сказалъ «ни одного слова о кордонной системѣ и сплошныхъ оборонительныхъ линіяхъ, а между тѣмъ онѣ играли столь же продолжительную, какъ и важную роль въ исторіи военнаго искусства. Наклонность къ кордонному разбрасыванію войскъ имѣетъ и теперь жизненное значеніе и съ нею необходимо неустанно бороться»; 3) пропустилъ «не только Фокшанскую, но и Рымникскую операцію Суворова и его Швейцарскій походъ, который можетъ служить высочайшимъ выраженіемъ войсковыхъ качествъ, воспитанныхъ по Суворовской системѣ»; 4) выпустилъ «всѣ Крестовые походы и не изслѣдовалъ хотя одного изъ нихъ для характеристики средневѣковой стратегіи, находившейся въ тѣсной связи съ современной культурой».

Изложенные упреки А. Пузыревскаго свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ попрежнему понимаетъ содержаніе и объемъ исторіи военнаго искусства и ея роль и значеніе; однако, та же рецензія показываетъ, что у него не установился еще окончательно взглядъ на то, что нужно разумѣть подъ понятіями «военное искусство» и «военное дѣло». Въ самомъ дѣлѣ, по поводу несогласія съ Н. П. Михневичемъ, что «развитіе военнаго искусства шло парал-

[1]) «Развѣдчикъ» 1896 г. № 20.

лельно развитію культуры и цивилизаціи и что наибольшій подъемъ послѣднихъ совпадалъ и съ высочайшимъ уровнемъ перваго у группъ извѣстныхъ народовъ», А. Пузыревскій въ этой же рецензіи пишетъ: «Авторъ, повидимому, считаетъ тождественными выраженія «военное искусство» и «военная культура». Такое смѣшеніе понятій едва ли можетъ быть допущено. Мы полагаемъ, что *военное искусство*[1]) въ высшемъ его проявленіи составляетъ область творчества величайшихъ полководцевъ: именно ихъ дѣянія и совѣтуетъ изучать намъ Наполеонъ, говоря, что только этимъ путемъ можно узнать сущность военнаго искусства. Самъ авторъ занимается болѣе всего стратегическими и тактическими операціями великихъ военныхъ геніевъ. Исторія каждаго искусства есть исторія величайшихъ его дѣятелей.

Затѣмъ военныя учрежденія, бытъ войскъ, матеріальныя орудія борьбы и проч. составляютъ область военныхъ *средствъ*[2]) или, какъ Наполеонъ называетъ, «рессурсовъ», которыми орудуетъ полководецъ. Только послѣднія и могутъ быть включены въ составъ понятія, выражаемаго словами «военная культура».

Казалось бы, что простое сопоставленіе изложеннаго въ послѣдней цитатѣ съ тѣмъ, что А. Пузыревскимъ было сказано и приведено выше относительно пропусковъ Н. П. Михневича въ его трудѣ, показываетъ, что въ опредѣленіи понятія военное искусство и въ опредѣленіи содержанія и объема исторіи военнаго искусства А. Пузыревскій въ одной и той же статьѣ противорѣчитъ самъ себѣ.

Это противорѣчіе станетъ еще болѣе рѣзкимъ, если обратить вниманіе на сказанное по такому же поводу въ его отзывѣ на отмѣченный выше трудъ Н. П. Михневича «Основы русскаго военнаго искусства».

Указывая на крайнюю эпизодичность военно-историческихъ фактовъ, излагаемыхъ Н. П. Михневичемъ въ его «Основахъ русскаго военнаго искусства», А. Пузыревскій говоритъ[3]): «Какъ въ учебникахъ по исторіи военнаго искусства, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ по этому предмету, конечно, не излагаются всѣ войны и сраженія отъ

---

[1]) Курсивъ А. Пузыревскаго.
[2]) Курсивъ А. Пузыревскаго.
[3]) «Развѣдчикъ» за 1898 г. № 426.

сотворенія міра, а выбираются наиболѣе соотвѣтствующія данной цѣли, но во-1-хъ, событія эти изслѣдуются въ такомъ количествѣ, чтобы дать вполнѣ достаточный матеріалъ для выводовъ и обобщеній, и притомъ излагаются они въ связи съ очеркомъ послѣдовательнаго историческаго развитія *какъ военныхъ учрежденій, такъ и вообще всѣхъ элементовъ военнаго искусства.* При этомъ никто не считаетъ возможнымъ дѣлать скачки черезъ 3—4 столѣтія».

Здѣсь вновь А. Пузыревскій ясно, опредѣленно и согласно съ высказаннымъ имъ раньше въ его научныхъ трудахъ говоритъ объ *элементахъ военнаго искусства* безъ противопоставленія ихъ *военнымъ средствамъ,* о *непрерывности* исторіи военнаго искусства безъ указанія на то, что она есть *исторія только величайшихъ ея дѣятелей.*

Все это заставляетъ признать, что истинныя воззрѣнія А. Пузыревскаго на военное искусство и на исторію военнаго искусства и въ 1898 г. остались тѣ же, что были и въ 1888 году, и что въ пониманіе исторіи военнаго искусства, какъ науки, онъ за этотъ періодъ времени не находилъ необходимымъ вносить какія-либо поправки и измѣненія.

Кромѣ того, изъ указанныхъ отзывовъ А. Пузыревскаго слѣдуетъ, что онъ отрицалъ предлагаемое Н. П. Михневичемъ дѣленіе исторіи военнаго искусства на періоды: древнѣйшіе народы, народы классической древности и новые народы, какъ въ свое время не соглашался съ предложеннымъ П. А. Гейсманомъ разсмотрѣніемъ исторіи военнаго искусства по культурно-историческимъ типамъ.

Конечно, вопросъ о дѣленіи не имѣетъ самъ по себѣ существеннаго значенія, такъ какъ то или иное раздѣленіе опредѣляетъ лишь порядокъ изложенія исторіи военнаго искусства. Но дѣло мѣняется, если взглянуть глубже и остановиться на причинахъ, почему предлагается то или иное дѣленіе исторіи. Какъ ни различны по существу дѣленія, предлагаемыя Н. П. Михневичемъ и П. А. Гейсманомъ, но они, помимо всего прочаго, показываютъ, что оба автора состояніе и развитіе военнаго искусства ставили въ непосредственную и самую тѣсную связь съ состояніемъ и развитіемъ общей исторической жизни народовъ и государствъ, причемъ П. А. Гейсманъ въ этомъ отношеніи придавалъ бо́льшее значеніе государственнымъ,

политическимъ и общественнымъ условіямъ, а Н. П. Михневичъ—условіямъ культуры и цивилизаціи.

Отсюда слѣдуетъ, что А. Пузыревскій именно не соглашался съ этими новыми взглядами на условія развитія военнаго искусства и съ новыми идеями въ пониманіи исторіи военнаго искусства. А, между тѣмъ, эти взгляды и идеи въ примѣненіи ихъ на практикѣ даютъ возможность шире охватить предметъ и глубже проникнуть въ тѣ въ высшей степени сложныя причины, отъ которыхъ зависитъ то или иное направленіе въ развитіи военнаго искусства и познаніе которыхъ въ большей степени можетъ способствовать практическому использованію исторіи военнаго искусства.

Наконецъ, въ своемъ отзывѣ о трудѣ Н. П. Михневича «Основы русскаго военнаго искусства» А. Пузыревскій, отмѣчая, что изъ этого труда можно лишь получить понятіе о томъ, что въ ту или другую эпоху наше военное искусство было выше или ниже западно-европейскаго, что̀ не имѣетъ для историка особенно важнаго значенія, и нельзя усмотрѣть спеціальныхъ основъ русскаго военнаго искусства, тѣмъ не менѣе категорически говоритъ, что «формы проявленія военнаго искусства дѣйствительно могутъ носить и въ большинствѣ носятъ національный характеръ».

Другими словами, А. Пузыревскій еще разъ подтверждаетъ прочно уже установившійся у нашихъ военныхъ историковъ взглядъ, что военное искусство—національно, а значитъ, и изученіе его исторіи можетъ производиться по національностямъ, въ особенности если является необходимость изучить тѣ спеціальныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось военное искусство въ опредѣленную эпоху, или цѣлый историческій періодъ у какого-либо народа или государства.

Чтобы покончить съ вопросомъ о значеніи работавшихъ на общія темы въ области исторіи военнаго искусства П. А. Гейсмана и Н. П. Михневича въ дѣлѣ развитія этой науки, необходимо остановиться на слѣдующемъ:

Въ 1903 году по иниціативѣ П. А. Гейсмана и подъ его руководствомъ одинъ изъ его слушателей, штабсъ-капитанъ Цыбышевъ, перевелъ съ латинскаго языка на русскій сочиненіе Маврикія «Тактика и стратегія». Академія генеральнаго штаба издала этотъ переводъ.

Живо слѣдящій за всѣми научными новинками въ области исторіи военнаго искусства, А. Пузыревскій на выходъ перевода Маврикія тотчасъ же отозвался въ «Русскомъ Инвалидѣ» статьей, подъ названіемъ «Новый первоисточникъ въ русской литературѣ по исторіи военнаго искусства» [1]).

Въ этой статьѣ А. Пузыревскій, между прочимъ, писалъ: «Это обстоятельство... является весьма характернымъ для состоянія византійскаго военнаго искусства какъ его времени, такъ и значительнаго періода послѣдующаго, потому что Левъ VI спустя нѣсколько столѣтій предложилъ его въ собственномъ пересказѣ и для своихъ современниковъ. Собственно въ данномъ случаѣ слѣдуетъ говорить не о состояніи военнаго искусства, а военнаго дѣла или вооруженной силы, что часто у насъ смѣшивается. Военное искусство проявляется въ дѣятельности полководцевъ. Александръ Македонскій далъ намъ неумирающіе образцы своего творчества, и мы хорошо знаемъ сущность его стратегическихъ и тактическихъ комбинацій; но сходитъ онъ со сцены, и его полководцы съ тѣми же войсками даютъ совершенно иныя формы дѣятельности, неимѣющія ничего общаго съ поступательнымъ развитіемъ военнаго искусства.

Французскія революціонныя войска возятся аляповато со своими противниками, но появляется Наполеонъ и сразу поражаетъ блескомъ своихъ творческихъ комбинацій, подымая военное искусство до высочайшихъ вершинъ, а рядомъ съ нимъ и непосредственно послѣ него опять аляповатость жалкаго военнаго искусства. Итакъ, судить о военномъ искусствѣ даннаго времени въ строгомъ смыслѣ слова по Маврикію затруднительно, но о состояніи военнаго дѣла или вооруженной силы — его труды прекрасный матеріалъ. Я подразумѣваю въ данномъ случаѣ: составъ вооруженной силы, боевую пригодность личнаго состава, воспитаніе и образованіе войскъ, господствующіе тактическіе и стратегическіе взгляды и т. п.».

Такимъ образомъ, къ 1903 году у А. Пузыревскаго какъ бы кончились колебанія относительно того, что составляетъ военное искусство и что—военное дѣло, причемъ онъ достаточно точно опредѣляетъ то и другое.

---

[1]) «Русскій Инв.» 1903 г. № 225.

Наряду съ этимъ, однако, необходимо отмѣтить, что у А. Пузыревскаго какихъ-либо колебаній относительно содержанія *исторіи военнаго искусства* никогда не было и, признавая, что спеціальная ея задача заключается въ изслѣдованіи тѣхъ путей, по которымъ шло развитіе *военнаго искусства*, и тѣхъ причинъ, которыми обусловливалось это развитіе, А. Пузыревскій попрежнему полагалъ, что въ исторіи военнаго искусства должно изслѣдоваться и то, что онъ разумѣетъ подъ названіемъ «военное искусство собственно», и то, что онъ понимаетъ подъ словомъ «военное дѣло».

Указанную статью А. Пузыревскаго по поводу изданія стратегіи и тактики Маврикія дополнилъ П. А. Гейсманъ [1]). Въ этомъ дополненіи онъ писалъ: «Я совершенно согласенъ съ положеніемъ критики (т. е. съ мнѣніемъ А. Пузыревскаго), что военное искусство не должно быть смѣшиваемо съ военнымъ дѣломъ, и ничего не имѣю возразить противъ ихъ разграниченія, производимаго тою же критикою, но полагаю, что въ трактатѣ Маврикія имѣется матеріалъ для сужденія какъ о второмъ, такъ и о первомъ».

Такимъ образомъ, П. А. Гейсманъ, который раньше въ своихъ научныхъ трудахъ по исторіи военнаго искусства не поднималъ вопроса о смѣшиваніи военнаго искусства съ военнымъ дѣломъ и о необходимости ихъ категорическаго разграниченія, теперь на этотъ предметъ усвоилъ точку зрѣнія А. Пузыревскаго, развивъ ее въ послѣдующихъ своихъ трудахъ.

Въ 1907 году П. А. Гейсманъ выпустилъ свой «Краткій курсъ» исторіи военнаго искусства вторымъ изданіемъ въ одной книгѣ, нѣсколько еще сокративъ его и значительно, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ, переработавъ.

За протекшій десятилѣтній срокъ между выходомъ послѣдняго выпуска перваго изданія «Краткаго курса» П. А. Гейсмана и выпускомъ второго изданія этого же курса не появилось рѣшительно ни одного сочиненія по исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка. Это обстоятельство прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ, что и къ

---

[1]) Дополненіе къ статьѣ «Новый первоисточникъ въ русской литературѣ по исторіи военнаго искусства». «Русскій Инвалидъ» 1903. № 267.

нынѣшнимъ временамъ всецѣло можно отнести слова А. Пузыревскаго, сказанныя имъ по поводу выхода перваго выпуска 1-го изданія «Краткаго курса» П. А. Гейсмана [1]). Въ то же время такое положеніе вещей обязываетъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ вопросу о значеніи второго изданія «Краткаго курса» П. А. Гейсмана въ дѣлѣ развитія исторіи военнаго искусства, какъ науки.

Не касаясь высокихъ научныхъ качествъ второго изданія указаннаго труда П. А. Гейсмана, такъ какъ это не составляетъ цѣли настоящей статьи, прежде всего необходимо указать, что почтенный авторъ и въ новомъ изданіи своего труда высказываетъ старые свои взгляды на то, что такое исторія военнаго искусства, каково должно быть ея содержаніе, ея назначеніе, ея характеръ, какая цѣль академическаго преподаванія этой науки, какой методъ изложенія долженъ примѣняться при этомъ преподаваніи. Въ то же время П. А. Гейсманъ въ предисловіи къ своему «Курсу» подчеркиваетъ, что эти его взгляды всецѣло совпадаютъ со взглядами А. Пузыревскаго, его предшественника по каѳедрѣ.

Если къ изложенному добавить, что и въ новомъ изданіи «Курса» П. А. Гейсманъ развитіе военнаго искусства разсматриваетъ параллельно съ исторіей развитія народовъ и обществъ и при томъ «дабы избѣжать скачковъ и не нарушить цѣльности изслѣдованія»,—непрерывно со среднихъ вѣковъ и почти до конца XVIII столѣтія [2]), то нужно придти къ заключенію, что новый трудъ П. А. Гейсмана въ пониманіе исторіи военнаго искусства не вноситъ ничего новаго и лишь утверждаетъ старое.

Однако, одинъ вопросъ изъ цѣлаго ряда указанныхъ и относящихся къ пониманію исторіи военнаго искусства въ «Краткомъ курсѣ» П. А. Гейсмана, изд. 1907 г., обращаетъ на себя вниманіе.

Въ предисловіи къ своему труду, возражая одному изъ своихъ критиковъ, П. А. Гейсманъ пишетъ (стр. XVII): «Сопоставленіе генераловъ русскихъ съ западно-европейскими, войнъ Россіи съ войнами другихъ государствъ—совершенно безполезно. На этомъ пути невозможно добиться

---

[1]) См. стр. 46.

[2]) П. А. Гейсманъ періодъ времени, начиная съ конца XVIII столѣтія, считаетъ не новымъ, а новѣйшимъ временемъ.

сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ, сколько нибудь опредѣленныхъ выводовъ. Авторъ резолюціи смѣшиваетъ военное искусство съ военнымъ дѣломъ, исторію военнаго искусства—съ военной исторіей».

Въ другомъ же мѣстѣ того же предисловія (стр. XXI) П. А. Гейсманъ говоритъ: «Перечислимъ тѣ этапы на пути развитія военнаго искусства (и военнаго дѣла), на которыхъ...

А) Военное искусство (и военное дѣло) въ Западной Европѣ въ эпоху расцвѣта феодализма...»

Такимъ образомъ, П. А. Гейсманъ въ первомъ случаѣ какъ бы противоставляетъ военное искусство военному дѣлу, а въ другомъ случаѣ какъ будто говоритъ, что исторія военнаго искусства должна изслѣдовать пути развитія и военнаго искусства, и военнаго дѣла.

Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что авторъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, затрагивать которыя здѣсь не мѣсто, не далъ въ разсматриваемомъ трудѣ разъясненія, что онъ разумѣетъ подъ военнымъ искусствомъ и что—подъ военнымъ дѣломъ, несомнѣнно для людей, непосвященныхъ, дѣлало изложеніе его взглядовъ на пониманіе исторіи военнаго искусства, какъ науки, до нѣкоторой степени неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Подтвержденіемъ этому являются, между прочимъ, слѣдующія слова одного случайнаго критика «Краткаго курса» П. А. Гейсмана, изд. 1907 г.: «Книга, кажется, написана не на тему,—это не курсъ исторіи военнаго искусства, а курсъ исторіи военнаго дѣла, гдѣ временами трактуется и собственно о военномъ искусствѣ» [1]).

Возражая этому критику, П. А. Гейсманъ по поводу приведеннаго его замѣчанія писалъ: [2]) «Проявленія военнаго искусства, говоря сравнительно, весьма рѣдки. Поэтому приходится излагать исторію военнаго искусства и военнаго дѣла, дабы учащимся было понятно, почему въ ту или другую эпоху военное искусство могло проявиться въ видѣ безсмертныхъ или приближающихся къ нимъ образцовъ, или же почему такое его проявленіе невозможно. Изслѣдованіе хода развитія военнаго искусства должно

---

[1]) Военный Сб. 1908 г. № 10.

[2]) Воен. Сб. 1908 г. № 1 «По поводу отзыва о трудѣ: «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка».

быть обосновано, что безъ соотвѣтственнаго изложенія состоянія военнаго дѣла невозможно».

Этими словами П. А. Гейсманъ категорически говоритъ, что военное искусство совершенно не то, что военное дѣло и что въ исторіи военнаго искусства приходится говорить и объ исторіи военнаго дѣла для обоснованности изслѣдованія хода развитія военнаго искусства и въ цѣляхъ педагогическихъ.

Разъясненіемъ же этого можетъ служить опредѣленіе, что такое военное искусство, данное П. А. Гейсманомъ еще въ 1893 году и здѣсь вновь имъ подтверждаемое [1]).

Къ сожалѣнію, параллельно съ этимъ П. А. Гейсманъ не повторяетъ здѣсь, что же онъ разумѣетъ подъ военнымъ дѣломъ, и въ этомъ отношеніи приходится руководствоваться его словами, сказанными имъ по этому поводу въ 1903 году [2]).

Во всякомъ случаѣ, позиція П. А. Гейсмана въ разсматриваемомъ вопросѣ является вполнѣ опредѣленной и дающей право сказать, что ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ, работавшихъ въ области исторіи военнаго искусства, не исключая и А. Пузыревскаго, такъ рѣзко не отдѣлялъ военнаго искусства отъ военнаго дѣла, и въ этомъ отношеніи несомнѣнно, что П. А. Гейсманъ, какъ и его предшественникъ по кафедрѣ, въ своихъ отзывахъ на чужіе труды въ этой области суживаетъ понятіе о военномъ искусствѣ.

Крупнымъ работникомъ въ области исторіи военнаго искусства въ эпоху, начиная съ половины 90-хъ годовъ XIX столѣтія, явился А. З. Мышлаевскій.

Въ противоположность П. А. Гейсману и Н. П. Михневичу, А. З. Мышлаевскій работалъ исключительно только въ области русскаго военнаго искусства и никогда не пытался создать цѣльную и систематическую исторію военнаго искусства за какой-либо болѣе или менѣе продолжительный періодъ.

А. З. Мышлаевскій въ своихъ научныхъ работахъ, всегда блестящихъ по формѣ, изслѣдуетъ отдѣльные вопросы по исторіи русскаго военнаго искусства и притомъ исключительно почти изъ эпохи XVII вѣка и царствованія Петра Великаго въ цѣляхъ выясненія значенія этихъ

---

[1]) См. стр. 41.
[2]) См. стр. 61.

періодовъ нашей исторіи, а также причинной связи между ними въ дѣлѣ развитія того или другого вопроса въ области нашего военнаго искусства.

Во всѣхъ этихъ работахъ, которыя являются удивительно законченными съ точки зрѣнія изслѣдованія даннаго вопроса и обладающими исчерпывающими въ предѣлахъ задачи выводами, А. З. Мышлаевскій, въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ этими работами и которыя придали имъ особый характеръ, почти нигдѣ не останавливался на вопросѣ о томъ, что такое исторія военнаго искусства, какъ ее надо понимать, каковы ея задачи, каково должно быть ея содержаніе и т. п.

Нужно сказать даже больше: въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ исторіи военнаго искусства, какъ о наукѣ, А. З. Мышлаевскій охотнѣе пользуется болѣе широкимъ терминомъ «военно-историческая наука».

Тѣмъ не менѣе, труды А. З. Мышлаевскаго, въ которыхъ онъ даетъ оцѣнку документовъ со спеціальной точки зрѣнія даннаго событія, приводитъ много полезныхъ практическихъ указаній для архивныхъ изысканій и которые могутъ служить образцами использованія первоисточниковъ, представляютъ полную возможность установить его точку зрѣнія въ интересующемъ насъ предметѣ на цѣлый рядъ вопросовъ.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что тѣ вопросы, которые изслѣдовались А. З. Мышлаевскимъ въ его научныхъ работахъ, и тѣ точки зрѣнія, съ какихъ шло это изученіе, наглядно показываютъ, что разумѣетъ талантливый авторъ подъ понятіемъ военное искусство и въ чемъ должна заключаться исторія военнаго искусства.

Разсматривая труды А. З. Мышлаевскаго въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ печати и почти всѣ, носящіе подзаголовокъ «Матеріалы для военнаго искусства въ Россіи», необходимо отмѣтить слѣдующіе вопросы, подвергавшіеся изученію талантливаго автора:

1) Дѣйствія полевой арміи (русской) въ 1708 году и нѣкоторыя подробности военно-административныхъ реформъ Петра Великаго [1]).

---

[1]) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, вып. V. Сѣверная война на Ингерманландскомъ и Финляндскомъ театрахъ 1708—1714 г. Документы Государственнаго Архива. Спб. 1893 г.

2) Мѣры для утвержденія Петромъ Великимъ въ арміи воинской дисциплины. Эти мѣры А. З. Мышлаевскимъ изучаются на основаніи разсмотрѣнія нѣкоторыхъ указовъ, артикуловъ и инструкцій Великаго Царя и заканчиваются изслѣдованіемъ вопроса, была ли армія Петра Великаго дисциплинирована?[1])

3) Что было сдѣлано предшественниками Петра Великаго въ дѣлѣ чинопроизводства; насколько оно являлось показателемъ разрѣшенія офицерскаго вопроса вообще въ XVII вѣкѣ?[2])

4) Изученіе нашихъ дѣйствій въ Финляндіи 1712—1714 гг., при которомъ тщательно отмѣчаются не только вопросы стратегіи и тактики, но также и всѣ вопросы организаціонные и административные, вліявшіе на боевыя дѣйствія и, по словамъ автора, характеризующіе состояніе военнаго искусства въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія[3]).

5) Свидѣтельства, касающіяся событій, предшествовавшихъ первымъ распоряженіямъ Петра Великаго по подготовкѣ къ Прутскому походу[4]).

6) Изученіе кампаніи 1708 года, какъ одного изъ случаевъ примѣненія Петровской системы высшаго войскового управленія посредствомъ консилій и какъ рѣзкій примѣръ отраженія въ военныхъ дѣйствіяхъ незаконченности медленнаго процесса переустройства нашихъ вооруженныхъ силъ и основъ ихъ боевого употребленія при царѣ Петрѣ[5]).

Изложенное несомнѣнно показываетъ, что А. З. Мышлаевскій подъ военнымъ искусствомъ или, по его выраженію,—«точнѣе, военнымъ дѣломъ»—понимаетъ не только стратегическія и тактическія операціи, но и всѣ вопросы организаціи, администраціи, управленія, боевой подготовки и т. п.

Менѣе вполнѣ опредѣленнаго матеріала даетъ въ сво-

---

[1]) Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, вып. IX. Петръ Великій. Военные законы и инструкціи (изданные до 1715 г.). Спб. 1894 г.

[2]) Офицерскій вопросъ въ XVII вѣкѣ (очеркъ изъ исторіи военнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1899 г.

[3]) Матеріалы для исторіи военнаго искусства въ Россіи. Петръ Великій. Война въ Финляндіи 1712—1714 гг. Совмѣстная операція сухопутной арміи, галернаго и корабельнаго флотовъ. Спб. 1896 г.

[4]) Россія и Турція передъ Прутскимъ походомъ. Спб. 1901 г.

[5]) Матеріалы для исторіи военнаго искусства въ Россіи. Сѣверная война 1708 г. Отъ р. Уллы и Березины и за р. Днѣпръ. Спб. 1901 г.

ихъ трудахъ А. З. Мышлаевскій для вывода, что́ онъ понимаетъ подъ исторіей военнаго искусства, какъ наукой.

Однако, постоянное исканіе въ его работахъ связи между состояніемъ одного и того же элемента военнаго искусства въ различныя эпохи, имъ изучаемыя; постоянное стремленіе до мельчайшей подробности выяснить всѣ условія, отъ которыхъ зависѣло состояніе того или другого элемента военнаго искусства въ данную эпоху и измѣненія этого состоянія на протяженіи нѣсколькихъ эпохъ, т. е. его развитіе,—все это съ достаточной убѣдительностью показываетъ, что подъ исторіей военнаго искусства А. З. Мышлаевскій понимаетъ такую науку, которая изучаетъ состояніе военнаго искусства, всѣхъ его элементовъ въ разныя эпохи, развитіе его, а также тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ это развитіе происходитъ, принимая то или иное направленіе.

Насколько сильны, опредѣленны и проникнуты убѣжденіемъ были указанныя исканія и стремленія А. З. Мышлаевскаго, видно изъ слѣдующихъ словъ въ упоминаемомъ его трудѣ «Офицерскій вопросъ въ XVII вѣкѣ»: «. . . но по мѣрѣ того, какъ историческая наука начинаетъ относиться къ XVII вѣку съ болѣе пристальнымъ вниманіемъ, значеніе этого вѣка, какъ «предтечи» эпохи реформъ, выясняется съ полной убѣдительностью. Нѣтъ той крупной мѣры Царя, рѣшеніе которой не было бы такъ или иначе подготовлено его предшественниками. Скажемъ больше, правильное пониманіе внутренняго смысла мѣръ Царя, ихъ исторической необходимости и логики достигается только послѣ предварительнаго, болѣе или менѣе всесторонняго изученія соотвѣтствующихъ отраслей военнаго дѣла въ предыдущее время. Въ этомъ случаѣ многое, кажущееся позаимствованнымъ съ запада, является въ дѣйствительности старо-русскою формою, лишь прикрытою иноземческою номенклатурою. Другія мѣры, которыя мы приписываемъ творчеству геніальнаго преобразователя, оказываются примѣненными въ зачаточномъ видѣ его предшественниками; наконецъ, тотъ хаосъ, лихорадочная порывистость дѣйствій, которыя знаменуютъ первые годы преобразованія нашихъ вооруженныхъ силъ, въ частностяхъ своихъ представляются болѣе спокойными, систематичными и прочно связанными со старой дѣйствительностью».

Подтвержденіе же изложеннымъ соображеніямъ отно-

сительно взглядовъ А. З. Мышлаевскаго на то, что такое исторія военнаго искусства, можно встрѣтить въ слѣдующихъ словахъ А. З. Мышлаевскаго въ его статьѣ «Двѣ катастрофы. Суворовъ въ Швейцаріи, Петръ на Прутѣ [1])»: «Иной вопросъ, по какому пути течетъ исторія военнаго искусства даннаго народа. Въ одномъ случаѣ это проявленіе величайшаго безъискусства, въ другомъ—генія и творчества. Петръ и Суворовъ содѣйствовали подъему нашего искусства, Аракчеевъ и Минихъ—едва ли».

Во всякомъ случаѣ, эти слова показываютъ, что А. З. Мышлаевскій въ исторіи военнаго искусства не видѣлъ только лишь «проявленіе въ осязательныхъ формахъ творчества духа великихъ полководцевъ» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ той же статьи А. З. Мышлаевскій говоритъ: «...Поэтому мы (русскіе) отрицали *и исторію русскаго военнаго искусства* [3]) (точнѣе, — военнаго дѣла), какъ одинъ изъ осколковъ исторіи нашей культуры, но только въ спеціальной средѣ».

Далѣе въ своихъ трудахъ А. З. Мышлаевскій чрезвычайно рѣзко и ясно подчеркиваетъ, что «военное искусство носитъ строго національный характеръ». Въ статьѣ «Двѣ катастрофы» А. З. Мышлаевскій пишетъ: «...Изучая Петра и Суворова, мы (русскіе) сами забывали, что они плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей исторіи и нашего народа... Мы отрицали, а отчасти и въ настоящее время отрицаемъ *русское военное искусство* [4])..., какъ отраженіе въ военномъ дѣлѣ нашей этики, нашего народнаго склада. Взявъ тотъ или другой военный эпизодъ изъ дѣяній Петра и Суворова, мы ихъ анализировали весьма добросовѣстно, но при этомъ не удѣляли вниманія изученію тѣхъ воздѣйствій и вліяній, которыя производятъ основные устои нашего народнаго міросозерцанія, напр. наши политическіе идеалы, нашъ общественный строй, наша образованность въ данную минуту, наши историческія задачи, наше татарское иго, наше крѣпостное право, наша дореформенная татарско-византійская косность и т. д., и т. д.».

Въ другомъ мѣстѣ той же статьи А. З. Мышлаевскій

---

[1]) Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба. Ч. I. Спб. 1900 г. стр. 83.

[2]) См. стр. 57.

[3]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[4]) Курсивъ въ подлинникѣ.

говоритъ: «Вотъ эту-то муку цѣнители, хулители и судьи и проглядѣли въ Петрѣ и Суворовѣ. Они, эти судьи, хотѣли взять полководцевъ во всей доступной имъ спеціально-военной обстановкѣ: въ условіяхъ пространства, времени, театровъ, силъ, средствъ, качествъ и т. п. и тѣмъ не менѣе они изучали ихъ въ безвоздушномъ пространствѣ, потому что они оторвали ихъ отъ русской земли. Они оторвали Петра отъ нашей исторіи, они оторвали Суворова отъ нашихъ нравственныхъ идеаловъ; этимъ они вырвали изъ нихъ весь внутренній смыслъ и, взявъ критическій скальпель въ руки, стали анализировать ихъ по всѣмъ правиламъ научной анатоміи, но они трудились не надъ живыми людьми: предъ ними были какія-то стратегическія и тактическія муміи».

Результатомъ правильнаго убѣжденія А. З. Мышлаевскаго, что военное искусство, какъ, впрочемъ, по его мнѣнію, и всякое другое (живопись, архитектура, музыка)— строго національно, у него является вполнѣ логическій выводъ, что «для каждаго великаго народа военное искусство имѣетъ свою исторію» и что, слѣдовательно, есть русское военное искусство, а, значитъ, имѣетъ право на существованіе и «исторія русскаго военнаго искусства».

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что А. З. Мышлаевскій признаетъ, что исторія военнаго искусства должна быть у каждаго великаго народа, а не у государства, а потому естественно должна быть исторія русскаго военнаго искусства, а не исторія военнаго искусства въ Россіи.

Слѣдующій вопросъ въ отношеніи исторіи военнаго искусства, который въ трудахъ А. З. Мышлаевскаго получаетъ вполнѣ опредѣленное и совершенно обоснованное рѣшеніе,—это вопросъ, впервые выдвинутый у насъ П. А. Гейсманомъ, развитый Н. П. Михневичемъ и упорно отрицаемый А. Пузыревскимъ, о признаніи зависимости состоянія военнаго искусства въ данную эпоху и его развитія на протяженіи того или другого историческаго періода отъ общихъ условій жизни опредѣленнаго народа.

Въ своемъ трудѣ «Сѣверная война 1708 года...» А. З. Мышлаевскій пишетъ: «Каждый народъ располагаетъ тѣмъ высшимъ командным элементомъ въ своей арміи, котораго заслуживаетъ.

Чѣмъ выше культура даннаго народа, чѣмъ значительнѣе подъемъ мысли образованнаго его класса, чѣмъ самостоятельнѣе развивается общественная мысль, чѣмъ болѣе чутка интеллигенція къ запросамъ духа, тѣмъ совершеннѣе тѣ сливки, которыя составляютъ высшій слой арміи. Ибо слой этотъ—эссенція народа, прилагающая свою волю, умъ и талантъ въ спеціальной сферѣ своей дѣятельности».

Затѣмъ, далѣе въ томъ же трудѣ А. З. Мышлаевскій говоритъ: «Чтобы отрѣшиться отъ подобнаго впечатлѣнія (слишкомъ низкой оцѣнки дѣйствій Шереметьева, Меншикова, Репнина и др.), слѣдуетъ имѣть въ виду, что событія (кампанія 1708 г.) случились въ то время, когда мы сбросили съ себя ветхаго человѣка, пріобщились къ западу въ значительной степени внѣшнимъ образомъ и не отдали еще яснаго отчета, что́ изъ старо-русскихъ порядковъ можетъ сохранить жизненную силу и что́ должно быть отвергнуто. Образованность въ то время стояла на низкой ступени; культура, понимая въ современномъ намъ смыслѣ, отсутствовала; время, когда, благодаря мягкому режиму правителей-Царицъ, нашло свое мѣсто широкое проявленіе личной воли, на которомъ расцвѣли таланты Суворова, Потемкина, Румянцева, еще не настало; наслѣдственнаго аристократизма мысли и приспособленности интеллекта къ постоянному напряженію на извѣстной высотѣ не было....а чѣмъ не располагала общественная среда, того, разумѣется, она не могла выдѣлить и въ распоряженіе арміи».

Наконецъ, обращаясь къ оцѣнкѣ Меншикова и Шереметьева, какъ военноначальниковъ, А. З. Мышлаевскій тамъ же пишетъ: «Поэтому-то, возвышаясь до замѣчательно вдумчиваго опредѣленія положенія данной минуты, исполнители воли Царя (Петра Великаго) и способны были вслѣдъ за тѣмъ впадать въ крупнѣйшія погрѣшности. Такими проявленіями полны описываемыя дѣйствія. Проявленія эти были естественнымъ послѣдствіемъ даннаго положенія обще-культурныхъ условій русскаго общества».

Приведенныя слова А. З. Мышлаевскаго такимъ образомъ ясно свидѣтельствуютъ, что онъ по отношенію военнаго искусства держится вполнѣ опредѣленнаго взгляда на зависимость состоянія и развитія его отъ общихъ условій жизни народа. Въ этомъ отношеніи А. З. Мышлаев-

скій, какъ видно изъ изложеннаго, идетъ гораздо дальше, чѣмъ всѣ другіе писатели, затрагивающіе этотъ вопросъ, и вполнѣ опредѣленно и чрезвычайно категорически утверждаетъ, что тѣ или другіе элементы военнаго искусства или, какъ онъ говоритъ, отрасли военнаго дѣла данной эпохи въ полной мѣрѣ зависятъ отъ образованности, культуры и цивилизаціи соотвѣтствующаго народа. Въ этомъ отношеніи А. З. Мышлаевскій идетъ такъ далеко, что въ одной изъ послѣднихъ своихъ научныхъ работъ, а именно: въ статьѣ «Двѣ катастрофы», онъ, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ, исторію русскаго военнаго искусства называетъ «осколкомъ исторіи нашей культуры», но только, правда, въ спеціальной средѣ.

Давая чрезвычайно богатый и образцово обработанный матеріалъ для вполнѣ исчерпывающихъ выводовъ, позволяющихъ практически оцѣнить значеніе изученія того или другого вопроса въ цѣляхъ выяснить положеніе опредѣленнаго элемента военнаго искусства у насъ въ данную эпоху, А. З. Мышлаевскій, въ своихъ трудахъ, почти совершенно не даетъ матеріала для сужденія о томъ, какое значеніе признаетъ онъ за исторіей военнаго искусства, какъ наукой, какія цѣли она должна преслѣдовать.

Быть можетъ, А. З. Мышлаевскій не затрагивалъ въ своихъ работахъ этихъ вопросовъ потому, что считалъ ихъ вполнѣ рѣшенными еще Д. Масловскимъ [1]); быть можетъ, тому были другія причины; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, посвящая свой талантъ и много времени и труда на работу въ области исторіи военнаго искусства, А. З. Мышлаевскій не могъ не придавать ей особаго значенія; руководящую же его мысль, правда, высказанную какъ бы мелькомъ, въ этомъ отношеніи нетрудно видѣть въ слѣдующихъ его словахъ: «Введенная имъ (Петромъ Великимъ) во второе десятилѣтіе XVIII вѣка система чинопроизводства поражаетъ своей законченностью и тѣми отчасти *неутерявшими практическаго значенія* и въ настоящее время основаніями, которыя были положены въ сложный вопросъ послѣдовательнаго продвиганія достойныхъ офицеровъ вверхъ по іерархической чиновъ лѣстницѣ» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ А. З. Мышлаевскій говоритъ: «От-

[1]) См. стр. 33.
[2]) «Офицерскій вопросъ въ XVII вѣкѣ, стр. 6.

мѣченныя выше особенности мѣропріятій Петра Великаго (т. е. что онъ не дрессировалъ армію, а воспитывалъ) *не утеряли своего значенія и до настоящаго времени»* [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, по мнѣнію А. З. Мышлаевскаго, исторія военнаго искусства, кромѣ чисто научнаго значенія, имѣетъ еще значеніе и практическое, какъ сокровищница богатаго опыта, дающаго матеріалъ для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ въ области военнаго искусства и въ настоящее время.

Подобно Д. Масловскому, А. З. Мышлаевскій съ особой энергіей и настойчивостью въ своихъ трудахъ останавливается на вопросахъ о томъ, что у насъ еще слишкомъ мало сдѣлано въ области изученія исторіи русскаго военнаго искусства и что это изученіе нужно вести преимущественно по архивнымъ первоисточникамъ.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ «Войны въ Финляндіи въ 1712—1714 гг.» (стр. VI) А. З. Мышлаевскій пишетъ: «Покойный историкъ (Д. Масловскій) не только далъ вполнѣ опредѣленное ученіе о Царѣ (Петрѣ Великомъ), какъ о военномъ реформаторѣ, но и указалъ на единственно правильный путь для дальнѣйшаго возстановленія забытыхъ фактовъ изъ исторіи военнаго искусства—путь архивныхъ розысковъ».

Въ другомъ мѣстѣ по тому же поводу А. З. Мышлаевскій говоритъ [2]): «Причина бѣдности свѣдѣній о состояніи военнаго дѣла при Петрѣ Великомъ, на нашъ взглядъ, заключается отчасти въ общемъ направленіи нашей военной литературы, въ теченіе продолжительнаго времени мало удѣлявшей вниманія вопросамъ русскаго военнаго искусства, главнымъ же образомъ—въ недостаточномъ пользованіи документальными богатствами, разбросанными въ разныхъ архивахъ».

Въ своей статьѣ «Двѣ катастрофы» А. З. Мышлаевскій эту мысль высказываетъ еще рѣзче: «...Несмотря на всю сравнительную юность нашей военно-исторической науки, она слишкомъ много удѣляла вниманія и силъ изученію исторіи запада въ ущербъ родной намъ наукѣ».

Наконецъ, давая отзывъ о трудѣ П. О. Бобровскаго

---

[1]) Сб. Воен. Ист. Мат. вып. IX, стр. LX.

[2]) Сб. Воен. Ист. Мат. вып. V, стр. III.

«Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ», ч. II, А. З. Мышлаевскій писалъ [1]):

«На нашъ взглядъ, такое противорѣчіе (выводовъ военныхъ историковъ по одному и тому же вопросу) является логическимъ возмездіемъ за нашу же беззаботность и пренебреженіе нуждами русской военно-исторической науки. Мы имѣемъ славное историческое прошлое, мы пролили потоки крови, чтобы по мановенію нашихъ верховныхъ вождей лечь костьми за достоинство и честь нашей родины, но мы дѣлаемъ очень мало, чтобы сохранить, систематизировать, привести въ порядокъ историческіе памятники, облегчить задачу историка, дать ему возможность овладѣть всѣмъ доступнымъ матеріаломъ, а не клочками его, достающимися случайно и съ большими трудами».

Что касается метода изученія исторіи русскаго военнаго искусства, то по этому поводу А. З. Мышлаевскій высказался достаточно и притомъ вполнѣ опредѣленно. Уже по сказанному о необходимости изучать наше военное искусство главнымъ образомъ по архивнымъ документамъ относительно упомянутаго метода необходимо прибавить слѣдующія мысли А. З. Мышлаевскаго, высказанныя имъ въ статьѣ «Двѣ катастрофы» и вполнѣ отвѣчающія на поставленный выше вопросъ.

Говоря объ иностранныхъ судьяхъ нашихъ великихъ полководцевъ, Петра и Суворова, А. З. Мышлаевскій пишетъ: «И они, эти судьи, погрѣшили; они и не могли не погрѣшить, потому что для вполнѣ научно обоснованнаго вывода у нихъ не было трехъ основныхъ устоевъ: 1) достовѣрнаго факта, 2) знанія той среды, къ которой принадлежали эти люди, и 3) знанія исторіи этой среды».

Разсматривая далѣе вопросъ, почему мы «недостаточно громко и авторитетно кричали, что они, эти критики, ошибаются, стоятъ на невѣрномъ пути, изучаютъ событія не подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, что фактическая основа ихъ не вѣрна», А. З. Мышлаевскій говоритъ, что это происходитъ отъ того, что «мы сами не располагаемъ фактами, а потому не можемъ и предложить ихъ заграничнымъ критикамъ нашихъ полководцевъ», и далѣе прибавляетъ: «Массовый научно-рабочій человѣкъ удивительно не любитъ работать надъ возстановленіемъ факта. Трудъ этотъ ме-

[1]) «Развѣдчикъ» 1898 г. № 427.

дленъ, кропотливъ, истощаетъ и душу, и тѣло, не обѣщаетъ скорыхъ успѣховъ. Поэтому, не возстановивъ фактовъ въ полномъ ихъ объемѣ, мы, средніе люди, предпочитаемъ обратиться къ анализу ихъ; не покончивъ съ анализомъ, переносимся къ синтезу и въ концѣ концовъ вступаемъ на широкій просторъ «обобщенія» въ послѣднее время еще и на психологической основѣ».

Наконецъ, по поводу метода, котораго нужно придерживаться въ исторіи русскаго военнаго искусства, А. З. Мышлаевскій еще говоритъ: «..Мы сами не то сомнѣваемся, не то недоумѣваемъ передъ величіемъ нашихъ полководцевъ... Источникъ нашихъ тревогъ и сомнѣній заключается, разумѣется, не въ дефектахъ полководческихъ талантовъ Суворова и Петра, а въ чемъ-то иномъ, находящемся внѣ ихъ. Это «что-то» скрывается въ самомъ методѣ критико-историческаго изученія военныхъ явленій русской жизни.

Методъ этотъ, подобно прочимъ отдѣламъ военной науки, мы позаимствовали съ запада, но не переработали его сообразно съ нашими потребностями. Оставаясь почтительными учениками, мы слишкомъ долгое время шествовали въ затылокъ и въ ногу за нашими учителями.

Поэтому, изучая Петра и Суворова, мы сами забывали, что они плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей исторіи и нашего народа; мы же хотѣли расчленить ихъ дѣянія по заграничнымъ шаблонамъ и трафаретамъ».

Изъ изложеннаго не трудно вывести, какой методъ, по мнѣнію А. З. Мышлаевскаго, нужно примѣнить въ исторіи военнаго искусства: методъ, критико-историческій, при точномъ возстановленіи фактической стороны событій и при тщательномъ учетѣ всѣхъ условій, среди которыхъ совершались эти факты, что, конечно, возможно лишь при совершеннѣйшемъ знаніи этихъ условій.

Содержаніе и характеръ научныхъ трудовъ А. З. Мышлаевскаго, а также мотивы появленія этихъ трудовъ, ихъ цѣль въ связи съ приведенными выше отдѣльными цитатами изъ этихъ же трудовъ вполнѣ ясно и опредѣленно очерчиваютъ обликъ А. З. Мышлаевскаго, какъ представителя военной науки въ ея спеціальной области, называемой исторіей военнаго искусства. Все же это, въ свою очередь, даетъ возможность опредѣлить роль А. З. Мышлаевскаго въ дѣлѣ установленія пониманія исторіи воен-

наго искусства, какъ науки, и ея развитія въ этомъ же значеніи.

Относительно роли, значенія, содержанія и объема исторіи военнаго искусства А. З. Мышлаевскій, можно сказать, слѣдуетъ уже прочно установившимся на этотъ счетъ въ военной наукѣ взглядамъ, внося, конечно, въ эти взгляды свои личныя особенности, свои субъективные оттѣнки, ненарушающіе, однако, самой сущности.

Значительный шагъ впередъ въ пониманіи исторіи военнаго искусства А. З. Мышлаевскій дѣлаетъ съ точки зрѣнія развитія идеи національности военнаго искусства и особенно идеи—зависимости состоянія и развитія военнаго искусства отъ общихъ условій жизни народа, главнымъ образомъ отъ уровня его культурности, его просвѣщенности.

Въ этихъ двухъ вопросахъ А. З. Мышлаевскій идетъ такъ далеко, что, казалось бы, врядъ ли возможно еще ихъ дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи.

Въ связи съ этимъ никто до А. З. Мышлаевскаго не рѣшалъ такъ категорически и опредѣленно вопроса о наличіи русскаго военнаго искусства и возможности и даже необходимости существованія особой науки, исторіи русскаго военнаго искусства, а также о методѣ, которымъ должна пользоваться эта наука.

Но при всей категоричности рѣшенія А. З. Мышлаевскимъ различныхъ вопросовъ въ дѣлѣ пониманія исторіи русскаго военнаго искусства, какъ науки, онъ, въ своихъ трудахъ, не даетъ отвѣта на вопросъ о значеніи этой науки съ точки зрѣнія ея школьнаго преподаванія, не исключая изъ этого преподаванія и академическаго. Между тѣмъ, какъ по отношенію А. З. Мышлаевскаго вопросъ этотъ является особенно интереснымъ, такъ какъ имъ по этому поводу было сдѣлано предложеніе, которое, съ одной стороны, устанавливало новый взглядъ на этотъ вопросъ, а съ другой стороны, должно было, несомнѣнно, оказать вліяніе на развитіе у насъ исторіи русскаго военнаго искусства.

Въ октябрѣ 1902 года А. З. Мышлаевскій, занимавшій къ этому времени уже въ теченіе 8 лѣтъ въ Академіи каѳедру исторіи русскаго военнаго искусства, совмѣстно съ другимъ профессоромъ той же каѳедры, отвѣчая на поставленный послѣдней вопросъ о сокращеніи курса исто-

ріи русскаго военнаго искусства, въ особой докладной запискѣ писалъ:

«Кафедра исторіи военнаго искусства въ Россіи учреждена въ Академіи въ 1890 году, причемъ объемъ курса рѣшено было ограничить исключительно исторіей развитія нашей регулярной арміи.

Сообразно съ количествомъ предоставленныхъ въ распоряженіе лекторовъ въ младшемъ классѣ учебныхъ часовъ (около 40) тогда же рѣшено было на первое время ограничиться ознакомленіемъ слушателей въ краткихъ итогахъ съ состояніемъ военнаго дѣла непосредственно передъ реформою Петра Великаго и нѣсколько болѣе подробно—съ исторіей арміи въ теченіе XVIII вѣка. При этомъ имѣлось въ виду, что исторія развитія военнаго дѣла въ XIX вѣкѣ вплоть до введенія у насъ общеобязательной воинской повинности и войны въ 1877—1878 гг. станетъ предметомъ или самостоятельнаго изученія слушателями или лекцій въ старшемъ классѣ Академіи».

Указавъ затѣмъ, что профессора ставятъ своею цѣлью «не столько сообщеніе мелочныхъ фактовъ, сколько общее военно-историческое развитіе слушателей» и что экзаменныя требованія отъ слушателей сводятся къ весьма немногому, такъ какъ «всякія детали, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ цифръ и именъ, считаются необязательными», А. З. Мышлаевскій такъ заканчиваетъ свою записку: «...Дальнѣйшее сокращеніе курса исторіи военнаго искусства въ Россіи представляется дѣломъ едва ли осуществимымъ и что интересы кафедры требуютъ, наоборотъ, не сокращенія, а его развитія путемъ введенія въ программу старшаго класса лекцій по исторіи развитія военнаго дѣла въ Россіи въ XIX вѣкѣ».

Подробности постановки преподаванія въ Академіи исторіи русскаго военнаго искусства не составляютъ предмета настоящей статьи, а потому въ интересахъ темы въ приведенныхъ словахъ записки А. З. Мышлаевскаго слѣдуетъ отмѣтить только то, что онъ съ одинаковымъ значеніемъ употребляетъ термины «исторія военнаго искусства въ Россіи», «исторія развитія регулярной арміи», «исторія развитія (состоянія) военнаго дѣла» и, наконецъ, просто «исторія арміи». Къ этому нужно прибавить, что всѣ эти наименованія того предмета, который читался подъ офиціальнымъ названіемъ «исторія военнаго искусства въ Рос-

сіи», А. З. Мышлаевскій приводилъ безъ какихъ-либо поясненій и оговорокъ, очевидно, такимъ образомъ придавая имъ тождественное значеніе, считая ихъ синонимами.

Впрочемъ, какъ было сказано выше, А. З. Мышлаевскій и въ своихъ научныхъ трудахъ не дѣлалъ особенной разницы между «исторіей военнаго искусства» и «исторіей военнаго дѣла», оговариваясь, однако, что второе названіе «правильнѣе перваго».

Въ 1905 году, подобно тому, какъ и въ 1865 году, хотя нѣсколько и на иныхъ основаніяхъ, была образована, подъ предсѣдательствомъ Г. Л. Сухомлинова, специальная комисія [1]), которая, ознакомившись съ постановкой въ Академіи учебнаго дѣла, должна была внести въ него, въ цѣляхъ его усовершенствованія, необходимыя измѣненія.

Останавливаясь на преподаваніи исторіи военнаго искусства, комисія въ своемъ отчетѣ писала:

«Предметъ этотъ распался на двѣ кафедры: 1) исторію военнаго искусства общую и 2) исторію военнаго искусства въ Россіи. Дѣленіе это не естественное и не вызывается необходимостью.

Исторія военнаго искусства можетъ быть только одна, общая, и извлеченіе изъ нея исторіи одной изъ армій (?) поведетъ или къ пробѣламъ, или къ безполезнымъ повтореніямъ въ общей исторіи искусства.

Что же касается исторіи русской арміи, то предметъ этотъ, разъ признано будетъ необходимымъ его ввести, можетъ замѣнить нынѣшнюю кафедру исторіи военнаго искусства въ Россіи.

Програму исторіи военнаго искусства нельзя признать вполнѣ установившеюся: ее надо переработать, поставивъ за основаніе ознакомленіе слушателей съ военнымъ искусствомъ во всѣ времена, не разбирая эпизодовъ, кампаній и цѣлыхъ войнъ, такъ какъ это—задача военной исторіи».

Оставляя въ сторонѣ несогласное съ установленнымъ наукой опредѣленіемъ комисіи исторіи военнаго искусства, въ этомъ постановленіи обращаетъ на себя вниманіе допущеніе комисіей замѣны въ учебномъ курсѣ Академіи исторіи военнаго искусства въ Россіи исторіей русской

---

[1]) Членами этой комисіи были: Г.-Л. Глазовъ, Г.-М. Бриловичъ, Г.-Л. Ренненкампфъ, Г.-М. Целебровскій, Г.-М. Дубасовъ, Г.-М. Лопушанскій, полковникъ Щербачевъ и полковникъ Чистяковъ.

арміи, причемъ о послѣдней говорится, какъ о чемъ-то такомъ, что уже извѣстно и о чемъ рѣчь уже была [1]).

Дѣло въ томъ, что во время работъ комисіи Г. Л. Сухомлинова, но еще до представленія ею своего отчета А. З. Мышлаевскимъ, совмѣстно съ его коллегой по кафедрѣ, М. В. Алексѣевымъ, была подана записка, въ которой, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

«Критическое отношеніе къ этому курсу (исторіи военнаго искусства въ Россіи) заставляетъ съ полной откровенностью признать все его несовершенство.

Во-первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе несоотвѣтствіе самаго названія предмета, даннаго ему исключительно подъ вліяніемъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ возникъ. Предметъ озаглавленъ «Исторія военнаго искусства въ Россіи», а потому лицамъ, недостаточно ознакомленнымъ съ подробностями чтеній, дается основаніе предполагать, будто въ стѣнахъ Академіи насаждается сепаратный взглядъ на существованіе особаго «русскаго военнаго искусства» въ видѣ противоположности и противовѣса искусству западно-европейскому.

То же названіе какъ бы обязываетъ и профессоровъ съ бо́льшимъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ сторонамъ движенія военнаго дѣла въ Россіи, которыя отражались главнымъ образомъ на развитіи у насъ тактики и стратегіи...

На нашъ взглядъ, курсъ долженъ преслѣдовать исключительно практическую цѣль возможно сознательнаго отношенія слушателя Академіи къ современной дѣйствительности, обоснованной и взросшей на исторической почвѣ. Вышедшій изъ стѣнъ Академіи офицеръ, вступая съ дипломомъ высшаго военнаго образованія вновь въ соприкосновеніе съ войсками, принимая участіе въ административныхъ мѣропріятіяхъ, касающихся арміи, и въ боевой подготовкѣ войскъ, долженъ въ Академіи усвоить опорныя данныя, извлеченныя изъ исторіи, для яснаго пониманія военнаго положенія Россіи вообще, традиціонныхъ особенностей нашихъ вооруженныхъ силъ и обстоятельствъ,

---

[1]) Здѣсь интересно отмѣтить, что бывшій тогда Начальникъ Главнаго Штаба, Г.-Л. Сахаровъ, которому подчинялась Академія, противъ этого мѣста отчета комисіи написалъ: «Не совсѣмъ понимаю, что это будетъ за предметъ», но, впрочемъ, соглашался съ комисіей, что исторія военнаго искусства должна быть «только одна, общая».

историческаго назрѣванія наиболѣе существенныхъ особенностей ихъ устройства.

Такъ, бывшій слушатель академіи долженъ знать, почему именно нашъ офицерскій составъ традиціонно всесословенъ въ то время, какъ въ Германіи, напр. преобладаетъ начало аристократизма; какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ выросла существующая нынѣ аттестаціонная система; почему именно введеніе общеобязательной воинской повинности было не заимствованіемъ съ запада, а возвращеніемъ къ старо-русской основѣ, давшей еще большую прочность той арміи, которая покрыла себя славою въ тяжелые Севастопольскіе дни; какъ послѣдовательно видоизмѣнялись обязанности нашего генеральнаго штаба и его значеніе въ арміи и т. п. Точно такъ же слушатель Академіи въ исторіи войнъ долженъ почерпнуть данныя для возможно сознательнаго отношенія къ военному значенію окраинъ Русскаго государства; изъ исторіи онъ долженъ извлечь то уваженіе къ арміи и къ славному ея прошлому, которое заставитъ его соотвѣтственно отнестись и къ теперешнимъ ея представителямъ; для слушателя Академіи имена Петра, Миниха, Салтыкова, Шувалова, Румянцева, Потемкина, Суворова, Кутузова, Барклая, Багратіона, Аракчеева, Чернышева, Волконскаго, Паскевича, Дибича, Милютина, Обручева, Драгомирова, Леера, Скобелева, Гурко и ряда другихъ военныхъ дѣятелей должны быть не мертвыми звуками, а опредѣленными историческими величинами, значеніе и вліяніе которыхъ на ходъ военнаго дѣла и нашу военную исторію должны быть усвоены вполнѣ опредѣленно.

Короче, въ Академіи долженъ проходиться не курсъ исторіи военнаго искусства въ Россіи, а краткій сжатый курсъ исторіи русской арміи. Курсъ этотъ долженъ обнимать собою не одинъ лишь XVIII, но и XIX вѣкъ, т. е. долженъ быть доведенъ до нашихъ дней.

Раздѣленный на историческіе періоды, курсъ долженъ дать по каждому изъ періодовъ сжатые обзоры:

1) Главныхъ мѣропріятій по устройству вооруженныхъ силъ и отношенія этихъ мѣропріятій къ предшествующему времени.

2) Мѣръ въ области тактической подготовки войскъ и ихъ воспитанія.

3) Особенностей внутренняго быта войскъ.

4) Характеристики дѣятелей, стоявшихъ въ первыхъ рядахъ арміи и влiявшихъ, въ томъ или иномъ отношеніи, на движеніе военнаго дѣла въ Россіи.

5) Состоянія военной науки и образованности.

6) Положенія и роли корпуса офицеровъ генеральнаго штаба и ихъ мѣста въ войскахъ, и

7) Войнъ, веденныхъ въ каждую изъ эпохъ, съ цѣлью выясненія значенія этихъ войнъ въ исторіи Россіи, вліянія ихъ на дальнѣйшее движеніе военнаго дѣла, отраженія въ нихъ общихъ основъ военнаго искусства и характеристики особенностей арміи въ данную историческую минуту.

Обзоры войнъ должны отличаться возможной сжатостью и обобщенностью изложенія безъ всякаго уклоненія въ сторону подробностей, лишь съ эпизодическимъ изложеніемъ тѣхъ частностей, которыя наиболѣе полно уясняютъ состояніе военнаго дѣла въ разсматриваемое время.

Предлагаемый планъ преподаванія нашего предмета ни въ чемъ не нарушаетъ курсовъ исторіи военнаго искусства и военной исторіи, какъ имѣющихъ особое назначеніе. Исторія военнаго искусства, попрежнему, будетъ излагать обозрѣніе движенія военнаго дѣла на Западѣ съ частными сопоставленіями съ тѣмъ, что дѣлалось въ соотвѣтствующее время у насъ, а въ курсѣ военной исторіи слушатели, какъ и нынѣ, будутъ изучать одну или нѣсколько кампаній, хотя бы и русскихъ.

Какъ курсъ, «курсъ исторіи русской арміи», преслѣдующій цѣль сознательнаго отношенія офицеровъ генеральнаго штаба къ исторіи той арміи, въ которой ему придется жить и дѣйствовать, долженъ стоять отдѣльно отъ указанныхъ двухъ наукъ».

Относительно мыслей, изложенныхъ въ приведенной въ отрывкахъ запискѣ А. З. Мышлаевскаго, прежде всего необходимо отмѣтить, что она носитъ несомнѣнные слѣды тѣхъ условій, которыя вызвали записку и подъ вліяніемъ которыхъ она писалась.

Далѣе въ этой запискѣ не дѣлается различія между «военнымъ искусствомъ» и «военнымъ дѣломъ». Въ то же время изложенное въ запискѣ даетъ право считать, что А. З. Мышлаевскій, предлагая въ академическомъ преподаваніи замѣнить исторію военнаго искусства въ Россіи исторіей русской арміи, не отрицаетъ существованія науки,

исторіи военнаго искусства въ Россіи, но и не устанавливаетъ научно обоснованной возможности существованія науки исторіи русской арміи.

Другими словами, авторъ записки какъ бы допускаетъ академическое преподаваніе какого-то предмета, который не имѣетъ научныхъ основъ.

Затѣмъ, не указавъ, въ чемъ должно заключаться содержаніе исторіи военнаго искусства въ Россіи, какъ науки и какъ научно преподаваемаго въ Академіи предмета, А. З. Мышлаевскій, повидимому, главнымъ образомъ въ интересахъ лицъ, «недостаточно ознакомленныхъ съ подробностями чтенія» исторіи военнаго искусства въ Россіи, предлагаетъ замѣнить эту послѣднюю исторіей русской арміи, причемъ не приводитъ достаточныхъ доводовъ въ пользу того, что сумма тѣхъ знаній, которыя должны сообщаться, по его мнѣнію, слушателямъ Академіи взамѣнъ исторіи военнаго искусства въ Россіи и которыя онъ приводитъ въ своей запискѣ, составляетъ именно исторію русской арміи.

Наряду съ этимъ нельзя не подчеркнуть, что авторъ записки считаетъ необходимымъ преподавать въ Академіи исторію военнаго искусства, излагая въ ней обозрѣніе движенія военнаго дѣла на Западѣ.

Не останавливаясь на вѣрности уподобленія исторіи военнаго искусства обозрѣнію военнаго дѣла, невольно можно задаться вопросомъ, почему же въ русской военной Академіи необходимо знакомить слушателей съ движеніемъ военнаго дѣла на Западѣ и не нужно знакомить съ движеніемъ военнаго дѣла въ Россіи? Добавленіе словъ записки «съ частными сопоставленіями съ тѣмъ, что дѣлалось въ соотвѣтствующее время у насъ», не заключаетъ достаточныхъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Наконецъ, по отношенію записки А. З. Мышлаевскаго необходимо сказать, оставляя въ сторонѣ сужденія о правильности поясняющихъ примѣровъ, но имѣя ихъ въ виду, что цѣль курса исторіи русской арміи устанавливается въ ней недостаточно ясно и опредѣленно: въ одномъ мѣстѣ записки говорится, что курсъ этотъ «долженъ преслѣдовать исключительно практическую цѣль возможно сознательнаго отношенія слушателя Академіи къ современной дѣйствительности, обоснованной и взросшей на исторической основѣ», а въ другомъ мѣстѣ, что онъ долженъ пре-

слѣдовать «цѣль сознательнаго отношенія офицеровъ генеральнаго штаба къ исторіи той арміи, въ которой ему придется жить и дѣйствовать».

Тѣмъ не менѣе, однако, необходимо еще разъ подчеркнуть, что все изложенное въ запискѣ А. З. Мышлаевскаго не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы изъ нея вывести заключеніе, что талантливый изслѣдователь въ области исторіи военнаго искусства въ Россіи или, какъ онъ самъ постоянно говоритъ, исторіи русскаго военнаго искусства, не признавалъ бы существованія такой науки хотя бы въ видѣ отдѣльной и самостоятельной области общей военно-исторической науки.

Эту оговорку необходимо сдѣлать для лицъ, «недостаточно ознакомленныхъ» съ исторіей русскаго военнаго искусства вообще и съ работами въ ея области А. З. Мышлаевскаго въ частности.

Для подтвержденія же этого положенія въ дополненіе къ изложеннымъ выше мыслямъ и взглядамъ А. З. Мышлаевскаго полезно напомнить его слова, которыми онъ заканчиваетъ разборъ боя при д. Пелкиной 6-го октября 1713 года [1]): «Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Есть цѣлая школа (по счастью, ряды ея въ настоящее время рѣдѣютъ подъ напоромъ показаній безпристрастныхъ свидѣтелей старины — архивныхъ документовъ), утверждающая, что Петровское время было почти исключительно временемъ заимствованія западно-европейскихъ образцовъ пріемовъ и техники. Пелкинскій бой тѣмъ именно и важенъ, что *всѣми своими деталями лишній разъ опровергаетъ правильность такого сужденія.* Въ немъ, въ этомъ бою *все—русское,* начиная отъ генераловъ и солдатъ и кончая тактикой. А развѣ эту послѣднюю можно упрекнуть въ шаблонности, въ отсутствіи вполнѣ самостоятельной, ни откуда незаимствованной идеи, въ отсутствіи гибкости мысли, талантливомъ замыслѣ и не менѣе талантливомъ исполненіи? Съ этой стороны, незначительный по числу участниковъ Пелкинскій бой, намъ думается, можетъ служить *классическимъ образцомъ творенія русскаго ума* [2]), нестѣсненнаго заграничнымъ гелертерствомъ, но сбросившаго съ себя и иго дореформенныхъ военныхъ порядковъ».

---

[1]) Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 гг., стр. 269.
[2]) Курсивъ подлинника.

Конечно, тотъ, кто вѣритъ, что въ бояхъ нашего далекаго прошлаго бывало все русское, кто убѣжденъ, что эти бои являются классическими образцами творенія русскаго ума, тотъ не можетъ отрицать русское военное искусство, а значитъ,—и исторію русскаго военнаго искусства, какъ науку.

Такимъ образомъ, въ конечномъ выводѣ о значеніи А. З. Мышлаевскаго и его вліяніи въ вопросѣ пониманія исторіи военнаго искусства къ уже сказанному по этому поводу необходимо прибавить, что онъ не признаетъ полезнымъ преподаваніе хотя бы и въ Академіи исторіи военнаго искусства въ Россіи, въ какомъ бы то ни было самостоятельномъ видѣ.

Не смотря на достаточно установившееся опредѣленіе природы и характера исторіи военнаго искусства, какъ науки, ея содержанія, объема, цѣли и назначенія, при современномъ состояніи у насъ военной науки вообще, безправнаго положенія какъ ея, такъ и ея служителей, тяжелыхъ условій, въ которыхъ приходится работать послѣднимъ, особенно лицамъ, посвятившимъ себя работамъ въ области отечественной военной исторіи, наконецъ, при маломъ уваженіи у насъ къ истинному военному искусству проведеніе на практикѣ указаннаго выше взгляда несомнѣнно можетъ крайне вредно отразиться на развитіи исторіи русскаго военнаго искусства, какъ науки, съ одной стороны, и на распространеніи правильныхъ взглядовъ и правильнаго пониманія нашего военнаго прошлаго,—съ другой стороны.

Говоря о состояніи исторіи военнаго искусства, какъ науки, въ періодъ отъ начала 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, нельзя пройти мимо выдержавшаго два изданія: въ 1891 г. и въ 1897 г., труда «Русская военная сила».

Трудъ этотъ, вышедшій во второмъ изданіи подъ редакціей извѣстнаго историка нашихъ Турецкихъ войнъ временъ Екатерины II и Александра I, Н. А. Петрова, былъ составленъ группой офицеровъ генеральнаго штаба, и большого научнаго значенія не имѣетъ.

Онъ представляетъ собою рядъ компилятивныхъ очерковъ по «исторіи развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени», не проникнутыхъ какой-либо общей идеей, не связанныхъ между собой и не содержащихъ какихъ-либо общихъ выводовъ и заключеній.

Къ тому же, при составленіи труда были использованы довольно случайные источники, а каждый очеркъ носитъ на себѣ слишкомъ сильную печать индивидуальности его автора.

Интересъ этого труда, съ точки зрѣнія настоящей статьи, заключается въ тѣхъ мысляхъ, которыя высказаны его редакторомъ въ краткомъ, но содержательномъ къ нему предисловіи.

Эти мысли Н. А. Петрова, никогда не принадлежавшаго къ профессорскому составу Академіи Генеральнаго Штаба, можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой относятся мысли относительно пользы и необходимости изученія нашего военнаго прошлаго, а ко второй — посредствомъ какого, такъ сказать, аппарата можно изучать это прошлое.

Мысли Н. А. Петрова, относящіяся къ первой группѣ, сводятся къ слѣдующимъ вполнѣ правильнымъ и обоснованнымъ положеніямъ:

Исторія нашего военнаго прошлаго должна интересовать не только всякаго военнаго человѣка, но съ введеніемъ общеобязательной воинской повинности, связавшей армію со всѣми прочими сословіями государства болѣе чѣмъ когда либо,—и всякаго образованнаго или даже просто грамотнаго человѣка.

Независимо отъ интереса, который представляетъ знаніе нашего военнаго прошлаго, такое знаніе является и необходимымъ «для надлежащаго пониманія настоящаго и выводовъ для будущаго».

Послѣднюю мысль Н. А. Петровъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: «Безъ такого изученія не будетъ, напримѣръ, понятно, почему оказалось необходимымъ перейти отъ древнихъ дружинъ и ополченій къ такъ называемой помѣстной системѣ... и почему признана была затѣмъ необходимость отказаться отъ помѣстной системы и перейти къ учрежденію постоянныхъ армій въ Россіи... Сверхъ того, настоящее устройство русской арміи имѣетъ самую тѣсную связь съ прошедшимъ и беретъ свое происхожденіе изъ прежнихъ формъ ея организаціи... Теорія и техника военнаго дѣла также имѣетъ тѣсную связь съ прошедшимъ. Оказывается, напр., что еще въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. у насъ были уже попытки выдѣлки ружей и пушекъ, заряжающихся съ казенной части и имѣвшихъ даже значеніе нынѣшней револьверной системы, чисто русскаго изобрѣтенія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы

задолго обогнали европейскую военную технику... Равнымъ образомъ, мы съ Іоанна III опередили Западную Европу — введеніемъ въ войскахъ легкой артиллеріи, а съ Петра Великаго—учрежденіемъ конной артиллеріи, устройствомъ отдѣльныхъ полевыхъ укрѣпленій въ полевыхъ сраженіяхъ и введеніемъ всесословной воинской повинности.

Наконецъ, изученіе отдаленнаго прошлаго важно еще и въ другомъ отношеніи: оно исторически свидѣтельствуетъ о незыблемой стойкости русскаго военнаго духа и его способности возвышаться до героизма...

Такіе примѣры не умираютъ въ потомствѣ; они должны жить вѣчно въ народѣ и составлять его гордость; они служатъ завѣтомъ прошлаго для настоящаго и будущаго .

Такимъ образомъ, Н. А. Петровъ изученію нашего военнаго прошлаго придаетъ чисто практическое значеніе, при чемъ это значеніе видитъ какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духа. Съ такой точки зрѣнія, установленной Пузыревскимъ, Масловскимъ и Мышлаевскимъ, нельзя не согласиться.

Обращаясь къ мыслямъ Н. А. Петрова относительно того аппарата, посредствомъ котораго можно и должно изучать наше военное прошлое, той научной дисциплины, которая должна установить точку зрѣнія на такое изученіе, его предѣлы и объемъ, его характеръ и методы его изслѣдованія, въ нихъ не найдемъ той опредѣленности, точности и обоснованности, какъ въ его мысляхъ относительно пользы и необходимости знать наше военное прошлое.

Въ самомъ дѣлѣ, трудъ, который Н. А. Петровъ взялся редактировать, называется «Русская военная сила»; въ подзаголовкѣ значится, что это есть «Исторія развитія военнаго дѣла...». Въ началѣ своего предисловія Н. А. Петровъ говоритъ, что редактируемый имъ трудъ имѣетъ цѣлью изобразить послѣдовательное и систематическое, хотя и краткое, изложеніе наиболѣе замѣчательныхъ событій русской военной исторіи и ходъ постепеннаго развитія организаціи, вооруженія, одежды и образа дѣйствія русскихъ войскъ...». Далѣе въ этомъ же предисловіи Н. А. Петровъ пишетъ: «До настоящаго времени подобнаго изданія у насъ не существовало, и всякому, кто пожелалъ бы познакомиться съ русскою военною исторіей въ полномъ ея объемѣ, пришлось бы прочитать множество отдѣльныхъ сочиненій, въ

которыхъ разорсаны очерки и описанія различныхъ эпизодовъ этой исторіи».

Такимъ образомъ, Н. А. Петровъ съ одинаковымъ значеніемъ для себя пользуется выраженіями: «исторія русской военной силы», «исторія развитія русскаго военнаго дѣла», «ходъ постепеннаго развитія организаціи и т. д. до обзора дѣйствій русскихъ войскъ включительно», «русская военная исторія въ полномъ ея объемѣ...». Если къ этому прибавить, что самый трудъ, не касаясь его научныхъ достоинствъ, по программѣ представляетъ собою, въ сущности говоря, исторію русскаго военнаго искусства, то нужно придти къ заключенію, что Н. А. Петровъ своими положеніями, высказанными въ предисловіи къ труду «Русская военная сила», совершенно не могъ способствовать установленію правильнаго пониманія исторіи военнаго искусства, какъ науки, и скорѣе могъ въ это пониманіе внести нѣкоторую путаницу. Тѣмъ не менѣе, эти мысли имѣютъ то значеніе, что онѣ показываютъ, что и внѣ Академіи стало укрѣпляться сознаніе пользы и необходимости изученія нашего военнаго прошлаго на всемъ протяженіи исторіи, хотя пока еще безъ яснаго представленія, какъ это должно дѣлаться.

III.

Приведенныя мнѣнія и сужденія военныхъ ученыхъ относительно исторіи военнаго искусства въ связи съ добавленіями и разъясненіями, сопровождавшими эти мнѣнія и сужденія, казалось бы съ достаточной полнотою и опредѣленностью устанавливаютъ соотвѣтственное современному состоянію науки пониманіе исторіи военнаго искусства. Однако, ввиду все же наличности нѣкоторой неустойчивости въ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ общаго вопроса пониманія исторіи военнаго искусства, какъ науки, а съ другой стороны, въ цѣляхъ большей цѣльности и систематичности изложенія вопроса о томъ, что такое исторія военнаго искусства и какое пониманіе должно быть установлено въ цѣломъ рядѣ частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ опредѣленія исторіи военнаго искусства, необходимо теперь здѣсь свести во-едино разбросанныя выше мнѣнія, сужденія, добавленія и разъясненія, составить изъ нихъ рядъ частныхъ опредѣленій по вопросамъ, совокупность которыхъ и дастъ полное представленіе объ исторіи военнаго искусства, какъ наукѣ.

Для того, чтобы достигнуть поставленной цѣли, необходимо дать вполнѣ опредѣленные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Какое опредѣленіе можетъ быть дано исторіи военнаго искусства?

2) Каковы должны быть содержаніе и объемъ исторіи военнаго искусства?

3) Какой характеръ должна имѣть исторія военнаго искусства?

4) Какой долженъ быть принятъ методъ при разработкѣ исторіи военнаго искусства?

5) Какое значеніе этой науки, какое ея назначеніе и какія цѣли она должна преслѣдовать?

6) Въ какомъ смыслѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о существованіи исторіи военнаго искусства отдѣльныхъ національностей и въ частности исторіи русскаго военнаго искусства?

Въ виду того, что вполнѣ ясное и точное опредѣленіе, что такое исторія военнаго искусства, можетъ быть сдѣлано только тогда, когда такъ же ясно и точно будетъ дано опредѣленіе понятію «военное искусство», и въ виду того, что до сихъ поръ въ рѣшеніи этого вопроса не достигнуто единомыслія, является, прежде всего, необходимымъ установить, что нужно разумѣть подъ «военнымъ искусствомъ».

Первыя попытки научно опредѣлить, что такое военное искусство, у насъ относятся къ 30-мъ годамъ XIX столѣтія, когда вслѣдъ за основаніемъ Императорской Военной Академіи [1]) у насъ явилось стремленіе всѣ вопросы военнаго дѣла изслѣдовать научно и, такимъ образомъ, создать, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ учебныхъ, военно-научную литературу по разнымъ отраслямъ.

Въ 1838 году вышелъ трудъ профессора подполковника П. Языкова «Опытъ теоріи военной географіи».

Въ введеніи къ этому, весьма интересному [2]) даже и для настоящаго времени, труду авторъ, не давая собственно опредѣленія понятія военнаго искусства, пишетъ о послѣднемъ слѣдующее:

«Военное искусство, будучи разсматриваемо во всемъ разнообразіи состава своего, раздѣляется на многія отрасли...

«Цѣль, къ достиженію которой должны стремиться всѣ отрасли военнаго искусства въ окончательномъ результатѣ своемъ, есть рѣшеніе вопроса *о употребленіи вооруженныхъ силъ на театрѣ войны такимъ образомъ, чтобы*

---

[1]) Впослѣдствіи Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, а нынѣ Императорской Николаевской Военной Академіи.

[2]) Особенно интересны въ немъ вполнѣ правильныя разсужденія автора о значеніи теоріи въ искусствахъ вообще и о соотношеніи теоріи и практики въ военномъ искусствѣ.

П. Языковъ написалъ еще, также очень интересный, трудъ: «Опытъ теоріи стратегіи». Спб. 1842 г.

онъ произвели наивыгоднѣйшее дѣйствіе сообразно опредѣленной политической цѣли» [1]).

Изъ этихъ словъ П. Языкова можно заключить, что подъ военнымъ искусствомъ онъ понимаетъ, во-1-хъ, умѣнье наиболѣе искусно примѣнять вооруженныя силы съ опредѣленной цѣлью, и во 2-хъ, нѣчто такое, что состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ и что дѣлится на многія отрасли.

Та же мысль проводилась и профессоромъ Императорской Военной Академіи, полковникомъ Горемыкинымъ, который въ своемъ «Руководствѣ къ изученію тактики», изданномъ въ 1849 году, писалъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ въ столкновеніи двухъ враждующихъ сторонъ возродилась мысль о превосходствѣ искусства [2]) надъ простою силою, веденіе войны обратилось въ достояніе искусства, а изученіе ея—въ достояніе науки.

По мѣрѣ приложенія къ военному дѣлу успѣховъ разума человѣческаго искусство военное приняло обширнѣйшее развитіе и *въ составъ его вошли части, самыя разнообразныя и многосложныя»* [3]).

Въ Военно-Энциклопедическомъ лексиконѣ, издававшемся въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія подъ редакціей бывшаго вице-директора Императорской Военной Академіи, генерала Зедделера, военное искусство опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «Совокупность предварительныхъ познаній, изслѣдованіе способовъ къ выгодному окончанію войны и потомъ соотвѣтственное употребленіе тѣхъ и другихъ на дѣлѣ, для скорѣйшаго достиженія предположенной войною цѣли, составляетъ военное искусство» [4]).

Здѣсь уже вполнѣ ясно и опредѣленно проводится мысль, что подъ военнымъ искусствомъ нужно разумѣть не только «соотвѣтственное употребленіе» опредѣленныхъ данныхъ съ опредѣленными цѣлями, а еще «совокупность познаній и изслѣдованіе способовъ». Правда, что это за познанія и каковы эти способы, въ этомъ опредѣленіи военнаго искусства ничего не говорится, но по смыслу и

[1]) Опытъ теоріи военной географіи, стр. 1.
[2]) Въ смыслѣ «умѣнья».
[3]) Стр. 1.
[4]) Военно-Энциклопедическій словарь. Т. III, стр. 489. Изд. 1853 г.

по построенію его можно заключить, что тѣ данныя, изучивъ и познавъ которыя, необходимо соотвѣтственно употреблять для достиженія опредѣленныхъ боевыхъ цѣлей, входятъ также въ область военнаго искусства. Однако, какія именно это данныя, приведенное опредѣленіе все еще не указываетъ.

Въ 1856 году появился прекрасный, вполнѣ научно составленный трудъ генеральнаго штаба полковника Астафьева «О современномъ военномъ искусствѣ» [1]).

Въ этомъ трудѣ полковникъ Астафьевъ такъ опредѣляетъ военное искусство:

«Военное искусство въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ все, что способствуетъ къ успѣшному веденію и окончанію войны, для достиженія предполагаемой политической цѣли» [2]).

Это слишкомъ обобщенное опредѣленіе военнаго искусства не даетъ основаній для какихъ-либо заключеній и выводовъ.

Впрочемъ, такой серьезный писатель, какъ полковникъ Астафьевъ, не могъ, конечно, ограничиться такимъ, въ сущности говоря, крайне расплывчатымъ опредѣленіемъ военнаго искусства.

И, дѣйствительно, дальше Астафьевъ пишетъ:

«Истинная цѣль военнаго искусства должна состоять въ томъ, чтобы научить: какъ употреблять войска и средства, способствующія къ достиженію успѣха на войнѣ.

Подготовленіе войскъ и искусное ихъ употребленіе на театрѣ военныхъ дѣйствій для уничтоженія противника, который долженъ быть также хорошо узнанъ, составитъ предметъ военнаго искусства.

Соединивъ понятія о предметѣ и цѣли военнаго искусства, можемъ сдѣлать его опредѣленіе.

Военное искусство должно служить руководствомъ предварительнаго подготовленія войскъ и потомъ искуснаго употребленія какъ ихъ, такъ и способовъ и средствъ для достиженія успѣха на войнѣ» [3]).

---

[1]) Полковникъ Астафьевъ въ это время былъ штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ обучающимися въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба офицерами.

[2]) Стр. 43.

[3]) Стр. 58.

Здѣсь уже вполнѣ точно опредѣляется, что содержаніе военнаго искусства двоякое и что къ области военнаго искусства относится не только «умѣнье» употреблять средства, съ помощью которыхъ можно достигнуть благопріятныхъ результатовъ войны, но также и сами эти средства, понятія о которыхъ, въ свою очередь, расширяются: къ нимъ относятся не только войска, но всякіе вообще средства и способы. Впрочемъ, тѣ и другіе точно еще не опредѣляются.

Въ своемъ «Опытѣ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны» (изд. 1869 г.) Лееръ писалъ: «Искусное употребленіе войскъ, или, правильнѣе, искусное веденіе ихъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія для достиженія цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими пожертвованіями и составляетъ *главную* задачу военнаго искусства»[1]). И дальше: «Установка и уясненіе законовъ, составляющихъ основу военнаго искусства, изслѣдованіе свойствъ элементовъ, ихъ вліяніе другъ на друга и комбинаціи въ зависимости отъ безконечно измѣняющейся обстановки, составляютъ задачу теоріи военнаго искусства, военной науки.

Элементы военнаго искусства раздѣляются: 1) на нравственные и 2) на матеріальные»[2]).

Наконецъ, «военное искусство, какъ и всякое искусство, распадается на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ доступенъ знанію, а другой — только умѣнью, т. е. творчеству.

Первый — это отдѣлъ *элементарный* (такъ сказать, азбучный), а второй—комбинаціонный, творческій.

Къ первому относитъ Ллойдъ матеріальную часть искусства, т. е. организацію его элементовъ, изслѣдованіе ихъ свойствъ и вообще технику искусства. Второй, по мнѣнію Ллойда, заключается въ умѣніи вѣрно и быстро примѣнять общія начала (законы) къ безконечно разнообразнымъ обстоятельствамъ»[3]).

И здѣсь мы въ вполнѣ опредѣленной формѣ сталкиваемся съ двоякимъ пониманіемъ содержанія военнаго искусства, оно не только «искусное употребленіе войскъ», но и совокупность ряда элементовъ, использованіе которыхъ въ

---

[1]) Ч. I, стр. 4.
[2]) Ibid. стр. 18.
[3]) Ibid. стр. 68.

томъ или другомъ видѣ и даетъ возможность искусно употребить войска съ опредѣленной цѣлью.

Этотъ логическій выводъ изъ приведенныхъ выше словъ Леера подтверждается слѣдующими его же словами: «Двѣ главныя задачи военнаго искусства сводятся: 1) *къ подготовкѣ средствъ для веденія войны* и 2) къ раціональному ихъ употребленію»[1]).

Драгомировъ нигдѣ опредѣленно не формулировалъ, что нужно разумѣть подъ военнымъ искусствомъ, но косвенно онъ высказалъ свое отношеніе къ этому вопросу, а именно: онъ говорилъ, что тактика должна заниматься не только тѣмъ, какъ слѣдуетъ употреблять войска въ бою, но также и тѣмъ, какъ должно готовить ихъ къ бою[2]). Но такъ какъ тактика изучаетъ то, что относится къ военному искусству, то, значитъ, и подготовка войскъ къ бою есть отдѣлъ военнаго искусства, т. е., другими словами, и по мнѣнію Драгомирова, подъ военнымъ искусствомъ нельзя разумѣть только «умѣнье дѣйствовать».

Въ одномъ изъ лучшихъ и наиболѣе популярномъ въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія учебникѣ тактики авторы его писали: «Совокупность всѣхъ военныхъ наукъ, изслѣдующихъ *средства и способы* веденія войны, составляетъ теорію военнаго искусства, задача котораго на практикѣ сводится къ тому, чтобы достигнуть цѣли войны съ наименьшими усиліями и потерями»[3]).

Въ этихъ словахъ хотя и нѣтъ опредѣленія, что такое военное искусство, но несомнѣнно изъ нихъ можно сдѣлать такой выводъ, что если *изслѣдованіе* средствъ и способовъ веденія войны составляетъ теорію военнаго искусства, то все, что представляетъ собою средства и способы веденія войны, составляетъ область военнаго искусства.

Такимъ образомъ, военное искусство опять-таки не есть только «умѣнье» употреблять тѣ или другія средства съ опредѣленными боевыми цѣлями.

Въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (V — XVI столѣтія)», изданномъ въ

---

[1]) Стратегія, ч. I, стр. 6 (изд. 1898 г.).

[2]) М. Драгомировъ. Учебникъ тактики, стр. XXVI, 1879.

Ту же мысль высказалъ и Горемыкинъ въ указанномъ выше его трудѣ.

[3]) Тактика. Составилъ Левицкій. Исправили А. Пузыревскій и В. Сухомлиновъ (изд. 1880 г.), стр. 1.

1884 году, профессоръ А. К. Пузыревскій такъ опредѣляетъ военное искусство:

«Военное искусство, слагаясь изъ многоразличныхъ данныхъ, состоитъ не только въ стратегическихъ и тактическихъ операціяхъ, но находится также въ тѣснѣйшей связи съ другими элементами военнаго дѣла и опредѣляется ими; сюда относится: комплектованіе, формированіе, организація, вооруженіе, продовольствіе, воспитаніе, образованіе и пр. Такимъ образомъ, тотъ или другой составъ войскъ опредѣляетъ собою и соотвѣтствующій характеръ стратегическаго и тактическаго искусства» [1]).

Это вполнѣ точное и ясное опредѣленіе военнаго искусства А. Пузыревскимъ, въ сущности говоря, не требуетъ никакихъ поясненій. Оно категорически говоритъ, что въ область военнаго искусства входятъ не только стратегическое и тактическое искусства, въ которыхъ, собственно, и выражается умѣнье примѣнять спеціальныя средства для достиженія опредѣленныхъ цѣлей войны, но также и всѣ вообще элементы военнаго дѣла, отъ того или иного состоянія которыхъ зависитъ и характеръ самого умѣнья ихъ примѣнять, т. е. характеръ стратегическаго и тактическаго искусства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ опредѣленіи военнаго искусства А. Пузыревскій достаточно исчерпывающе указываетъ, какіе именно отдѣльные элементы составляютъ военное искусство, а установленное имъ соотношеніе между этими элементами и стратегическимъ и тактическимъ искусствомъ показываетъ, что данное имъ опредѣленіе военнаго искусства въ цѣломъ основывается на природѣ, сущности вещей и явленій.

Другой крупный дѣятель на военно-ученой нивѣ, профессоръ Академіи Генеральнаго Штаба, Д. Масловскій, выступившій на это поприще въ серединѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, хотя въ своихъ работахъ нигдѣ прямо и не останавливается надъ вопросомъ, что нужно разумѣть подъ понятіемъ военное искусство, но все же даетъ достаточно матеріала для того, чтобы изъ его же словъ вывести заключеніе, что онъ подъ военнымъ искусствомъ разумѣетъ не только боевыя дѣйствія, какъ результатъ стратегическихъ и тактическихъ распоряженій и основаній, но и всѣ

[1]) Стр. 16.

организаціонные и хозяйственные вопросы, строй и образъ дѣйствій въ бою, вообще всѣ средства, служащія для веденія войны.

При этомъ Д. Масловскій, подобно А. Пузыревскому, даетъ и объясненіе, почему все это должно входить, такъ сказать, въ составъ военнаго искусства, — онъ говоритъ, что, «не имѣя точнаго представленія о состояніи военнаго искусства вообще, невозможно дать во многихъ случаяхъ дѣйствительно вѣрный отчетъ о боевыхъ дѣйствіяхъ» [1]).

Приведенныя до сихъ поръ опредѣленія военнаго искусства были высказаны писателями и учеными въ различныхъ литературныхъ и научныхъ трудахъ какъ бы между прочимъ, попутно, въ цѣляхъ служебныхъ, такъ какъ эти труды имѣли задачей изслѣдованіе и рѣшеніе другихъ вопросовъ.

Лишь въ 1885 году въ «Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ», составленной подъ главной редакціей Г. А. Леера, появилась статья профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Н. Н. Сухотина, спеціально посвященная изслѣдованію вопроса, что такое военное искусство [2]).

Н. Н. Сухотинъ писалъ: «Цѣлесообразное устройство (организація), употребленіе и работа (эксплоатація) такихъ (соотвѣтствующихъ для достиженія цѣлей войны) силъ и средствъ въ видахъ войны и составляетъ достояніе военнаго искусства».

Такимъ образомъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ военнаго искусства, какъ представляющимъ двоякое содержаніе, уже отмѣченное выше.

Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи Н. Н. Сухотинъ еще больше развиваетъ эту мысль, поясняетъ ее и вполнѣ научно ее обосновываетъ.

Онъ говоритъ: «По существу эти силы и средства раздѣляются на двѣ категоріи: къ одной относятся: естественныя—духовной и матеріальной природы; ко второй — человѣческаго творчества, выражающагося въ способности создавать новыя сочетанія естественныхъ силъ и средствъ.

По отношенію къ войнѣ творчество обусловливается

[1]) Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Императора Петра Великаго и Императрицы Елизаветы, стр. 1.

[2]) Энциклопедія Леера, т. II, стр. 232—235.

стремленіемъ усилить естественныя способности и средства человѣка и массы къ веденію войны для болѣе вѣрнаго успѣха въ вооруженномъ столкновеніи. Къ 1-й категоріи силъ и средствъ относятся: 1) человѣкъ-воинъ, масса воиновъ, съ ихъ духовной и матеріальной природой, 2) пространство, 3) время, 4) силы и средства природы. Ко 2-ой категоріи — всѣ орудія и средства, созданныя человѣкомъ и которыми онъ пользуется въ видахъ войны, для боя съ цѣлью нападенія и защиты, для перемѣщенія, самосохраненія. Относительно незначительная часть средствъ этой категоріи имѣетъ спеціально-военный характеръ.

Главнымъ образомъ, военное искусство имѣетъ дѣло съ орудіями и средствами творческой области вообще или пользуясь ими въ ихъ первичномъ видѣ, или видоизмѣняя ихъ соотвѣтственно спеціальной цѣли войны.

Такъ, къ первой можно отнести всякаго рода оружіе въ буквальномъ смыслѣ (штыкъ, мечъ, ружье, орудіе и пр.); ко второй—напр. желѣзныя дороги, телеграфъ и пр.; наконецъ, къ третьей — напр. армія, какъ главное орудіе войны; устройство ея въ обширномъ смыслѣ слова есть проявленіе того же творчества человѣка, которое уже сказалось въ устройствѣ даннаго государства...

Силы (элементы) 1-й категоріи, каждая сама по себѣ, въ своей сущности, вѣчно неизмѣнны и всегда присущи всякому факту, явленію войны, чѣмъ и обусловливается существованіе постояннаго элемента въ военномъ искусствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по развѣтвленію ихъ и особенно по взаимному сочетанію какъ элементовъ, такъ ихъ родовъ и видовъ, они представляются въ разнообразномъ видѣ: 1) человѣкъ является, какъ сила, направляющая и руководящая; какъ среда, исполняющая и послушная; какъ среда, сопротивляющаяся: разумъ, воля, страсти полезныя и вредныя по отношенію веденія войны, многочисленныя проявленія матери-природы... Этотъ рядъ родовъ развѣтвленій, свойственныхъ человѣку, въ свою очередь, раздѣляется на многіе виды, въ общемъ еще болѣе увеличивающіе сложность военнаго искусства по безконечному разнообразію возможныхъ сочетаній родовыхъ и видовыхъ факторовъ; 2) пространство; 3) время и 4) силы и средства природы, въ широкомъ значеніи этихъ понятій (топографическомъ, географическомъ, физическомъ и т. д. въ смыслѣ времени года, сутокъ и т. д. царства животнаго, расти-

тельнаго и пр.), по своей природѣ, болѣе постоянны, болѣе однообразны сравнительно съ первымъ элементомъ, но также весьма разнообразны по сочетанію. Если разнообразіе присуще каждому изъ элементовъ, если оно еще болѣе сказывается въ сочетаніяхъ родовыхъ и видовыхъ факторовъ каждаго элемента въ отдѣльности, то еще съ бо́льшимъ разнообразіемъ приходится имѣть дѣло въ сочетаніяхъ всѣхъ этихъ элементовъ, образующихъ данный военный фактъ или военное явленіе.—2-я категорія силъ и средствъ—орудія человѣческаго творчества—постоянны въ своемъ существѣ въ отношеніи первичныхъ основаній, обусловившихъ возникновеніе ихъ, въ чемъ они соприкасаются съ силами 1-й категоріи, уподобляются послѣднимъ, но затѣмъ подвержены измѣненію въ смыслѣ усовершенствованія и улучшенія.

Изъ всего изложеннаго въ предѣлахъ разсматриваемаго здѣсь вопроса имѣется полное право сдѣлать заключеніе, что Н. Н. Сухотинъ въ область военнаго искусства, кромѣ цѣлесообразнаго употребленія тѣхъ или иныхъ силъ и средствъ въ видахъ войны, включаетъ еще, во-1-хъ, естественныя силы и средства, которыми человѣкъ пользуется въ цѣляхъ войны, или каждымъ въ отдѣльности или совокупностью ихъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, а во 2-хъ, все то, что является результатомъ проявленія творчества человѣка, направленнаго къ усиленію естественныхъ способностей и средствъ человѣка и человѣческой массы для веденія войны. При этомъ такъ какъ естественныя силы и средства вѣчно неизмѣнны и всегда присущи всякому явленію войны, то они составляютъ элементы военнаго искусства, которые входятъ въ него главнымъ образомъ съ точки зрѣнія употребленія ихъ, умѣнья пользоваться ими со спеціальной цѣлью; результаты же проявленія творчества человѣка составляютъ элементы военнаго искусства, которые входятъ въ него и съ точки зрѣнія ихъ устройства (организаціи), и съ точки зрѣнія умѣнья ихъ использовать наивыгоднѣйшимъ образомъ въ цѣляхъ войны [1]).

[1]) Разсматриваемая статья Н. Н. Сухотина представляетъ громадную поучительность, давая богатый и вполнѣ научный матеріалъ при разсмотрѣніи вопросовъ и незатрагиваемыхъ настоящей работой, а именно: о повторяемости явленій и отдѣльныхъ фактовъ въ болѣе или менѣе одинаковомъ видѣ въ области военнаго искусства; объ элементѣ

Но давая такое широкое опредѣленіе военному искусству, Н. Н. Сухотинъ тутъ же добавляетъ:

«До послѣдняго времени *въ болѣе тѣсномъ смыслѣ* подъ военнымъ искусствомъ разумѣлась собственно конечная задача его—эксплоатація силъ и средствъ данной эпохи въ видахъ войны. Наконецъ, *суживая еще болѣе* понятіе военнаго искусства, подъ именемъ его разумѣютъ только дѣятельность великихъ полководцевъ».

Ни до Н. Н. Сухотина, ни послѣ него въ нашей военно-научной литературѣ никто не далъ болѣе точнаго, болѣе опредѣленнаго, а главное,—болѣе исчерпывающаго и научно обоснованнаго опредѣленія военнаго искусства.

Тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ болѣе полнаго выясненія разсматриваемаго вопроса представляется интереснымъ и полезнымъ остановиться на опредѣленіяхъ военнаго искусства, данныхъ въ ближайшее къ намъ время.

Здѣсь, прежде всего, приходится остановиться на опредѣленіи проф. П. А. Гейсмана.

П. А. Гейсманъ говоритъ: «Главная задача военнаго искусства, какъ практическаго дѣла, сводится къ искусному употребленію войскъ и вообще всѣхъ средствъ, имѣющихся для веденія войны какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія въ видахъ достиженія цѣли войны въ кратчайшее время и съ наименьшими потерями».

Въ своемъ мѣстѣ было отмѣчено, что такое опредѣленіе военнаго искусства представляется нѣсколько узкимъ [1]).

Эта узость обусловливается, прежде всего, тѣмъ, что здѣсь подъ военнымъ искусствомъ, говоря словами Н. Н. Сухотина, разумѣется собственно только конечная задача его—эксплоатація силъ и средствъ данной эпохи въ видахъ войны.

Вслѣдъ за А. П. Гейсманомъ и А. К. Пузыревскій, давшій приведенное выше широкое опредѣленіе военнаго

случайности въ военномъ искусствѣ; о причинахъ, обусловливающихъ существованіе въ военномъ искусствѣ вѣчно неизмѣнныхъ, безусловныхъ законовъ и руководящихъ началъ (принциповъ), а также условныхъ руководящихъ правилъ; о значеніи дѣятельности великихъ полководцевъ; о возможности до нѣкоторой степени руководства явленіями и событіями въ области военнаго искусства.

[1]) «Изв. Имп. Ник. Воен. Ак.» № 11, стр. 938.

искусства[1]), въ послѣдующихъ своихъ трудахъ также сузилъ его, указавъ, что «военное искусство въ высшемъ его проявленіи составляетъ область творчества величайшихъ полководцевъ..., а военныя учрежденія, бытъ войскъ, матеріальныя орудія борьбы и пр. составляютъ область военныхъ средствъ, которыя могутъ быть включены въ составъ понятія, выражаемаго словами «военная культура».

Это, впрочемъ, нисколько не помѣшало ему нѣсколько позже «военныя учрежденія и пр.» считать элементами военнаго искусства.

Съ теченіемъ времени, однако, идейное взаимодѣйствіе А. К. Пузыревскаго и П. А. Гейсмана привело къ тому, что оба они военнымъ искусствомъ стали считать только дѣятельность полководцевъ, и то, очевидно, лишь въ смыслѣ эксплоатаціи силъ и средствъ въ видахъ войны, т. е. то, что Н. Н. Сухотинъ справедливо считалъ только военнымъ искусствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; сами же эти силы и средства оба названные писателя причислили къ военному дѣлу, причемъ по формулировкѣ Пузыревскаго подъ этими средствами нужно разумѣть составъ вооруженной силы, боевую пригодность личнаго состава, воспитаніе и образованіе войскъ, господствующіе тактическіе и стратегическіе взгляды и т. п.

Н. П. Михневичъ хотя и опредѣляетъ военное искусство, какъ такое, которое «выражается въ умѣньѣ пользоваться различными силами и средствами (духовными и матеріальными) для достиженія побѣды на войнѣ»[2]), но въ своемъ трудѣ «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія» онъ, какъ показываетъ характеръ и содержаніе этого труда, военное искусство отождествляетъ съ военной культурой, которая по самому существу вещей не можетъ состоять только въ дѣятельности полководцевъ.

Впрочемъ, категорическаго указанія на этотъ счетъ въ трудахъ Н. П. Михневича не находится.

Такой категоричностью, напротивъ того, отличаются взгляды на этотъ предметъ А. З. Мышлаевскаго.

Въ своихъ трудахъ талантливый историкъ говоритъ, что военное искусство для большей точности нужно назы-

---

[1]) Стр. 1159.

[2]) Стратегія, кн. I. Изд. 3-е. 1911 г.

вать военнымъ дѣломъ, которое, въ свою очередь, есть не что иное, какъ одинъ изъ осколковъ культуры, но только въ специальной средѣ. Наряду съ этимъ изъ научныхъ трудовъ А. З. Мышлаевскаго видно, что онъ подъ военнымъ дѣломъ понимаетъ не только стратегическія и тактическія операціи, но и всѣ вопросы организаціи, администраціи, управленія, боевой подготовки и т. п. [1]).

Такимъ образомъ, всѣ приведенныя опредѣленія военнаго искусства, сдѣланныя въ научныхъ трудахъ нашихъ военныхъ писателей, сходятся въ томъ, что они устанавливаютъ въ той или иной формѣ, что военное искусство, вообще говоря, есть «эксплоатація силъ и средствъ для достиженія побѣды на войнѣ».

Далѣе же въ этихъ опредѣленіяхъ идетъ уже разногласіе: одни говорятъ, что эти силы и средства тоже входятъ въ область военнаго искусства, другіе—что они составляютъ военное дѣло, военную культуру; наконецъ, третьи устанавливаютъ, что и эксплоатація силъ и средствъ въ цѣляхъ побѣды, т. е. умѣнье ихъ примѣнять на войнѣ наивыгоднѣйшимъ образомъ, и сами эти силы и средства составляютъ не военное искусство, а военное дѣло, осколокъ культуры въ специальной средѣ, т. е. другими словами,—военную культуру.

---

[1]) Въ дополненіе къ приведеннымъ выше опредѣленіямъ военнаго искусства нашихъ ученыхъ и писателей приводимъ два наиболѣе характерныхъ опредѣленія этого понятія иностранныхъ дѣятелей.

Маршалъ Пюисегюръ говорилъ: «Я далеко не присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, что только на войнѣ можно научиться, какъ вести ее. Я скорѣе склоненъ думать, что многіе великіе герои, сдѣлавшіеся таковыми только путемъ опыта, должны были надѣлать много ошибокъ, которыхъ избѣжали бы, если бы ранѣе изучили основанія *разныхъ отраслей военнаго искусства* («Военные отклики». В. А. Мошнинъ. 1902 г., стр. 74).

Клаузевицъ, въ своемъ классическомъ трудѣ «Vom Kriege» (Переводъ К. Войде: «Война», т. I. стр. 64. 1902 г.) о военномъ искусствѣ пишетъ такъ: «Итакъ, подъ именемъ военнаго искусства *въ прямомъ смыслѣ* будемъ подразумѣвать искусство употреблять данныя средства къ борьбѣ.

Понятіе это лучше всего выразить словомъ «вооевожденіе» (веденіе войны). Наоборотъ, къ военному искусству *въ обширномъ смыслѣ* будетъ принадлежать, конечно, и все то, что существуетъ ради войны, а именно: созиданіе вооруженныхъ силъ, вооруженіе, снаряженіе и обученіе»... и дальше: «Военное искусство *въ тѣсномъ смыслѣ* распадается на стратегію и тактику (стр. 70)».

При этомъ нужно сказать, что чѣмъ опредѣленіе военнаго искусства изъ числа выше приведенныхъ шире, обоснованнѣе, научнѣе, тѣмъ болѣе оно приближается къ тому, чтобы въ него включить не только умѣнье наилучшимъ образомъ использовать въ цѣляхъ побѣды всѣ необходимыя для этого силы и средства, но и сами эти данныя.

Что же касается того, что представляютъ собою въ приведенныхъ опредѣленіяхъ военнаго искусства упоминаемыя силы и средства, то, обращая въ этомъ отношеніи вниманіе на сказанное различными авторами, можно установить, что часть ихъ вовсе не останавливается надъ этимъ вопросомъ, называя силы и средства общимъ именемъ «элементы военнаго искусства»; другіе же болѣе или менѣе подробно перечисляютъ ихъ, указывая, что въ нихъ входятъ «естественныя силы и средства и все, что является результатомъ творчества человѣка, усиливающаго эти естественныя силы и средства, а въ частности—вооруженная сила, военныя учрежденія, матеріальныя орудія борьбы, воспитаніе и образованіе войскъ, тактическіе и стратегическіе взгляды и т. п.».

Силы и средства, умѣлая эксплоатація которыхъ въ видахъ войны безспорно составляетъ военное искусство, съ одной стороны, являются необходимыми только лишь для достиженія конечной задачи военнаго искусства и внѣ этого или теряютъ свое спеціальное значеніе или въ нихъ вовсе не представляется надобности и они какъ бы теряютъ право на существованіе; съ другой стороны, эти силы и средства не являются въ большей своей части чѣмъ-то неизмѣннымъ и постояннымъ, и измѣненія ихъ въ смыслѣ развитія вызываются тѣми же конечными задачами военнаго искусства, т. е. наивыгоднѣйшей эксплоатаціей этихъ же силъ и средствъ.

Другими словами, между умѣлымъ использованіемъ силъ и средствъ въ видахъ войны и этими послѣдними такая тѣсная идейная и практическая связь, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга является невозможнымъ.

Такое положеніе представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что среди средствъ, используемыхъ въ цѣляхъ достиженія конечной задачи военнаго искусства, имѣются такія, которыя составляютъ основы, теорію, принципы

послѣдняго и безъ которыхъ, по словамъ французскаго генерала Фоша, военное искусство не было бы искусствомъ [1]).

Разъ это такъ, а съ другой стороны, если эксплоатація силъ и средствъ, необходимыхъ для достиженія одержанія побѣды на войнѣ, составляетъ военное искусство, то и эти силы и средства тоже должны входить въ область военнаго искусства, составляя его элементы.

Что касается того, чтобы совокупность тѣхъ данныхъ, которыя только что объединены подъ именемъ «военное искусство», назвать военнымъ дѣломъ, то это представляется несоотвѣтствующимъ основному содержанію извѣстныхъ понятій и представленію о нихъ, какъ выраженію опредѣленной сущности, природы вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, съ понятіемъ о «дѣлѣ» связывается представленіе прежде всего о чемъ-то неподвижномъ, устойчивомъ, крайне опредѣленномъ, имѣющемъ исключительно техническій, ремесленный, матеріальный характеръ, между тѣмъ, какъ понятіе «искусство» заключаетъ въ себѣ представленіе о чемъ-то живомъ, подвижномъ, идейномъ, зависимомъ отъ творчества человѣческаго ума и духа.

А именно такой характеръ имѣетъ все то, что содержитъ въ себѣ силы и средства въ цѣляхъ войны и эксплоатацію ихъ для достиженія побѣды на войнѣ.

По самой природѣ вещей двигателемъ всѣхъ силъ и средствъ на войнѣ въ опредѣленныхъ цѣляхъ является человѣкъ, могущій проявить въ этой области силу своего ума и духа, выражающуюся въ творческомъ созданіи различныхъ комбинацій и въ значительной степени зависящую отъ субъективныхъ особенностей даннаго человѣка. Съ другой стороны, главнѣйшимъ средствомъ для веденія войны, главнѣйшимъ орудіемъ для этого является тотъ же человѣкъ, хотя и поставленный въ извѣстныя условія, но все же всегда сохраняющій тѣ или другія данныя своей духовной организаціи и могущій ихъ проявить.

Уже одно это показываетъ, что среди указанныхъ силъ и средствъ значительное мѣсто занимаютъ не только матеріальныя, но и духовныя силы и средства, выражающіяся какъ въ тѣхъ или иныхъ эмоціяхъ, такъ и въ работѣ ума.

[1]) Заимствуемъ у Н. П. Михневича. Страт., ч. I. Изд. 3-е, 1911 г. стр. 42.

Эта работа ума сказывается также въ постоянномъ приспособленіи и развитіи различныхъ военныхъ силъ и средствъ, а нерѣдко и въ созданіи таковыхъ совершенно вновь.

При этомъ, не говоря уже о совершенствованіи, но и созданіе такихъ силъ и средствъ идетъ настолько постепенно, что въ каждый почти данный моментъ имѣются средства, находящіяся еще въ періодѣ идейнаго зарожденія. Съ теченіемъ времени эти идеи крѣпнутъ, воплощаются въ реальныя формы и въ такомъ видѣ являются той или другой силой, тѣмъ или инымъ средствомъ, способнымъ быть использованнымъ въ каждый данный моментъ, но въ то же время подлежащимъ дальнѣйшему усовершенствованію подъ вліяніемъ главнымъ образомъ ума человѣка, его творческой работы.

Отсюда, не дѣлая логическаго скачка, можно придти къ заключенію, что всѣ силы и средства, съ помощью которыхъ можетъ быть достигнута побѣда на войнѣ, а также эксплоатація ихъ въ этихъ цѣляхъ, представляютъ собой результатъ человѣческой мысли, работающей въ опредѣленномъ, спеціальномъ направленіи. А такъ какъ эти силы и средства и ихъ указанная спеціальная эксплоатація составляютъ, какъ признано выше, элементы военнаго искусства, то можно сказать, что военное искусство есть все то, что является продуктомъ работы военной мысли, ея результатомъ, проявляющимся въ видѣ идей, или временно находящихся въ различныхъ стадіяхъ развитія, но еще не получившихъ осуществленія, или уже реально воплощенныхъ въ какомъ либо видѣ и приспособленныхъ для цѣлей войны какъ въ общемъ, такъ и для какихъ-нибудь ея частностей.

Настоящее есть плодъ прошедшаго и зерно будущаго. Вслѣдствіе этого безъ знанія прошлаго нельзя понимать настоящаго, а значитъ, создавать и будущее, насколько это будущее является усовершенствованіемъ настоящаго, что собственно постоянно и должно быть. Такимъ образомъ, разумная и плодотворная дѣятельность въ какой угодно сферѣ можетъ явиться только тогда, когда она основывается на изученіи исторіи того или другого вопроса.

Чтобы понимать жизнь народа въ настоящемъ, работать надъ тѣмъ, чтобы создать лучшія условія его жизни въ будущемъ, необходимо прежде всего основательно знать прош-

лое, знать исторію этого народа. Изучая условія, въ которыхъ жилъ народъ, прослѣживая, что далъ этотъ народъ во всѣхъ сферахъ духовной и практической жизни, будучи поставленъ въ эти условія, угадывая его постоянныя стремленія, мы можемъ опредѣлить вполнѣ ясно, что представляетъ въ настоящее время собой этотъ народъ, какая его историческая задача, чего можно ожидать отъ него при настоящихъ условіяхъ, какъ, наконецъ, должны быть измѣнены эти условія, чтобы народъ шелъ безпрепятственно быстрыми шагами на пути усовершенствованія, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго.

Но если это справедливо по отношенію всей жизни народа во всѣхъ ея проявленіяхъ, то, несомнѣнно, оно сохраняетъ силу и по отношенію какого либо отдѣльнаго проявленія этой жизни.

Однимъ изъ проявленій жизни народовъ является вооруженная борьба ихъ за различные интересы съ другими народами.

Чтобы вести вооруженную борьбу съ успѣхомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. достигать наибольшихъ результатовъ съ наименьшимъ усиліемъ, необходимы спеціальныя силы и средства и умѣніе пользоваться ими, т. е. необходима наличность военнаго искусства въ томъ смыслѣ, какъ это опредѣлено было выше.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право сказать, что истинное знаніе и пониманіе современнаго военнаго искусства, а также плодотворная работа на пути его дальнѣйшаго усовершенствованія могутъ быть достигнуты только при самомъ тщательномъ изученіи состоянія его въ различныя эпохи и постепеннаго его развитія.

Изученіе состоянія военнаго искусства въ различныя историческія эпохи, постепеннаго его развитія и выясненія по возможности тѣхъ историческихъ причинъ, которыя повліяли на его развитіе въ ту или другую сторону, составляетъ предметъ отрасли военнаго знанія, называемой исторіей военнаго искусства.

Чтобы опредѣлить объемъ и содержаніе исторіи военнаго искусства, необходимо указанное выше содержаніе военнаго искусства перелить въ болѣе конкретныя формы, расчленивъ его на отдѣльные элементы.

Въ этихъ видахъ, прежде всего, необходимо отмѣтить, что главнѣйшимъ орудіемъ веденія войны является вооружен-

ная сила, армія, т. е. собраніе людей, извѣстнымъ обра зомъ организованныхъ, подготовленныхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ во всѣ моменты ихъ дѣятельности и соотвѣтственнымъ образомъ управляемыхъ для достиженія на войнѣ побѣды съ наименьшей затратой силъ и средствъ.

Такъ какъ въ минуту надобности трудно сразу создать армію, то необходимо сдѣлать это заблаговременно и затѣмъ постоянно держать ее въ такомъ видѣ, чтобы ею можно было воспользоваться для опредѣленныхъ цѣлей въ каждый данный и заранѣе неизвѣстный моментъ.

Этого можно достигнуть только тогда, когда въ періодъ отсутствія борьбы, т. е. въ мирное время, армія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова будетъ работать и притомъ такъ, что ея работа, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ будетъ представлять собою подготовку къ войнѣ, въ періодъ которой арміи придется дѣйствовать въ качествѣ орудія для достиженія опредѣленныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, между подготовительной дѣятельностью арміи или дѣятельностью ея въ мирное время и дѣятельностью ея на войнѣ существуетъ самая тѣсная связь.

Изучая всѣ проявленія мирной дѣятельности арміи въ какую либо эпоху, мы получаемъ возможность прослѣдить, какъ то или иное направленіе въ ней приводитъ къ извѣстнымъ результатамъ въ боевой дѣятельности и обратно,— сопоставляя результаты боевой дѣятельности съ дѣятельностью соотвѣтствующаго мирнаго періода, мы можемъ провѣрить правильность направленія послѣдней. Такая зависимость между двумя родами военной дѣятельности арміи ясно говоритъ, что для того, чтобы составить точное понятіе о положеніи военнаго искусства въ опредѣленную эпоху, о пути, по которому оно развивалось, и о причинахъ такого развитія, необходимо тщательное изученіе дѣятельности арміи какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Обращаясь къ мирной дѣятельности арміи, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, и помня, что эта дѣятельность арміи есть всецѣло подготовительная къ боевой дѣятельности, нетрудно заключить, что съ этой точки зрѣнія дѣятельности арміи въ мирное время подлежатъ рѣшенію слѣдующіе вопросы: въ самомъ широкомъ смыслѣ образо-

ваніе военной силы, содержаніе ея, управленіе ею, воспитаніе и обученіе.

Изъ этихъ общихъ вопросовъ вытекаютъ слѣдующіе частные: образованіе постоянной арміи требуетъ: ея комплектованія нижними чинами и офицерами, пополненія ея лошадьми, организаціи, т. е. раздѣленія ея по категоріямъ войскъ, по родамъ войскъ, раздѣленія на разнаго рода административныя и тактическія единицы, опредѣленія численности этихъ единицъ и устройства обоза.

Содержаніе арміи требуетъ: ея обмундированія, вооруженія, снаряженія и довольствія людей и лошадей.

Управленіе арміей требуетъ: организаціи центральныхъ органовъ, мѣстныхъ и войсковыхъ, а также установленія способовъ и средствъ передачи воли управляющихъ управляемымъ.

Обученіе войскъ, выражающееся въ результатѣ въ строевой и боевой подготовкѣ ихъ, зависитъ отъ тѣхъ или другихъ принятыхъ въ данное время уставовъ строевой и полевой службы, а также и инструкцій и наставленій, дополняющихъ и разъясняющихъ эти уставы, отъ извѣстныхъ пріемовъ обученія, отъ степени подготовки инструкторовъ, а также отъ средствъ, которыя употребляются для этого, и требованій, предъявляемыхъ въ этомъ отношеніи начальствующими лицами и самимъ правительствомъ.

Воспитаніе войскъ сказывается въ дисциплинѣ арміи не за страхъ, а за совѣсть, въ прочности ея нравственныхъ традицій, въ высокой степени совершенства ея духовной стороны. Такое же воспитаніе войскъ зависитъ отъ организаціи внутренней ихъ жизни, отъ быта арміи, въ свою очередь, во многомъ зависящихъ отъ національныхъ свойствъ арміи, отъ способовъ квартированія, господствующей системы наказанія, отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ и въ частности отношеній офицеровъ къ нижнимъ чинамъ.

Въ связи съ изложеннымъ выше, всѣ эти вопросы должны разсматриваться не только съ точки зрѣнія ихъ реальнаго существованія и постепеннаго фактическаго измѣненія, но и съ точки зрѣнія ихъ идейнаго развитія, другими словами, должны разсматриваться въ каждой области, по отношенію каждаго элемента не только факты, но и идеи, являющіяся результатомъ работы военной мысли.

Только при этомъ условіи явится возможнымъ опредѣ-

лить весь ходъ подготовительной дѣятельности арміи, охарактеризовать съ достаточной полнотой военное искусство данной эпохи.

Слѣды этихъ идей можно найти въ тѣхъ или другихъ болѣе или менѣе широкихъ опытахъ реализаціи ихъ на практикѣ, или въ извѣстнаго рода правительственныхъ спеціальныхъ актахъ (законахъ, положеніяхъ, приказахъ и т. п.), или, наконецъ, въ литературныхъ и научныхъ трудахъ. Давая въ результатѣ какъ идеи, носящія техническій характеръ и осуществляющіяся въ той или иной работѣ войскъ, такъ и идеи высшаго порядка, затрагивающія общіе принципіальные вопросы и служащія часто зародышемъ практическихъ мѣропріятій въ области различныхъ элементовъ военнаго искусства, военная литература и военная наука должны сами быть причислены къ этимъ элементамъ и потому онѣ должны быть включены въ перечень вопросовъ, подлежащихъ изученію въ мирной дѣятельности арміи, какъ подготовительной къ ея боевой дѣятельности, и должны изучаться въ формахъ, ихъ выражающихъ.

Перечисливъ, изъ чего складывается дѣятельность арміи въ мирное время, тѣмъ самымъ указали, какіе вопросы подлежатъ включенію въ исторію военнаго искусства въ этотъ періодъ.

Дѣятельность арміи въ военное время, какъ результатъ эксплоатаціи ея въ цѣляхъ побѣды, состоитъ изъ производства въ опредѣленной обстановкѣ и съ опредѣленными цѣлями операцій стратегическихъ, т. е. на театрѣ войны, и тактическихъ, т. е. на полѣ сраженія. Очевидно, что тѣ и другія, какъ вполнѣ опредѣленно характеризующія военное искусство въ данную эпоху, подлежатъ изученію, составляя существенную часть исторіи этого искусства.

Такимъ образомъ опредѣляется объемъ исторіи военнаго искусства, насколько она касается изслѣдованія одной опредѣленной эпохи. Теперь является необходимымъ опредѣлить, какія же именно историческія эпохи въ этомъ отношеніи подлежатъ включенію въ исторію военнаго искусства, понимаемую въ указанномъ выше смыслѣ.

Имѣя въ виду цѣль, преслѣдуемую исторіей военнаго искусства, необходимо признать, что съ точки зрѣнія состоянія военнаго искусства изученію подлежатъ всѣ эпохи исторіи безъ перерыва, начиная съ той, когда это искус-

ство проявилось впервые. Только при этомъ условіи является возможнымъ наблюденіе надъ непрерывнымъ развитіемъ военнаго искусства. Только при этомъ и возможно уяснить себѣ причины различнаго состоянія военнаго искусства, уклоненія его въ ту или другую сторону. Но вѣдь были эпохи, когда военное искусство поднималось до высочайшей степени, а наряду съ этимъ были эпохи, когда военное искусство находилось въ упадкѣ.

На первый взглядъ, казалось бы, что нужно изучать только эпохи, блестящія для военнаго искусства; но тогда нарушится цѣльность, единство: нельзя будетъ установить преемственность, постепенность въ его развитіи. Конечно, изученіе эпохи, когда военное искусство находилось на высокой степени развитія, для практическихъ цѣлей можетъ дать бо̀льшие результаты, такъ какъ подобная эпоха даетъ больше непосредственнаго матеріала для сужденія о томъ пути, по которому должно слѣдовать, чтобы военное искусство находилось на желаемой высотѣ.

Однако, изученіе эпохъ съ болѣе низкимъ уровнемъ состоянія военнаго искусства, давая возможность познать причины, обусловливающія такое состояніе, и показывая такимъ образомъ, чего нужно избѣгать, чтобы военное искусство не сбилось съ истиннаго пути, также весьма поучительно.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ объемѣ и содержаніи исторіи военнаго искусства, необходимо еще разсмотрѣть, съ какой подробностью должны разсматриваться въ ней тѣ элементы, изъ которыхъ слагается военное искусство.

Такъ какъ исторія военнаго искусства стремится изучить состояніе его въ опредѣленную эпоху, изучить настолько, чтобы можно было охарактеризовать его, указавъ на его сильныя и слабыя стороны и по возможности на причины, вызвавшія тѣ и другія ихъ измѣненія, въ общемъ рисующія развитіе военнаго искусства, то, очевидно, что всѣ элементы, изъ которыхъ слагается послѣднее, должны разсматриваться въ исторіи военнаго искусства настолько подробно, насколько это возможно.

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ о характерѣ исторіи военнаго искусства и о системѣ ея изложенія.

Но чтобы опредѣлить и установить то и другое, необходимо выяснить вопросъ, есть ли военное искусство нѣчто,

довлѣющее само себѣ, вполнѣ самостоятельное и потому въ данную эпоху опредѣляющееся, а на протяженіи нѣсколькихъ историческихъ періодовъ измѣняющееся независимо отъ какихъ либо условій, лежащихъ внѣ его.

Военное искусство, какъ опредѣлено выше, есть все то, что является результатомъ работы военной мысли, т. е. мысли въ спеціальномъ направленіи.

Работа эта по своему характеру двойственная: она—во-1-хъ, состоитъ въ созданіи опредѣленныхъ силъ и средствъ, и во-2-хъ,—въ примѣненіи этихъ силъ и средствъ въ той или иной обстановкѣ.

Первая работа состоитъ въ томъ, что существующія уже силы и средства, естественныя и созданныя человѣкомъ, приспособляются къ военнымъ цѣлямъ или при посредствѣ тѣхъ же средствъ, но неимѣющихъ спеціальнаго назначенія, создаются новыя силы и средства со спеціальнымъ назначеніемъ для войны.

Но способность создавать что-либо въ области мысли, какъ бы это «что-либо» ни было спеціально, несомнѣнно прежде всего зависитъ отъ степени культуры и цивилизаціи даннаго времени и въ данномъ мѣстѣ, такъ какъ ими, т. е. культурой и цивилизаціей, съ одной стороны, опредѣляется наличность вообще всякихъ силъ и средствъ, являющихся продуктомъ человѣческаго генія; съ другой стороны, отъ нихъ зависитъ умственная просвѣщенность людей, въ свою очередь, способствующая въ данное время наиболѣе продуктивно проявлять мощность человѣческаго генія въ указанномъ отношеніи.

При этомъ здѣсь нужно разумѣть продуктивность работы человѣческой мысли не только въ смыслѣ количественномъ, но также и въ качественномъ. И это потому, что степень культуры безспорно «опредѣляетъ степень напряженія какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ силъ людей».

Что касается отмѣченной работы военной мысли въ дѣлѣ использованія съ военными цѣлями тѣхъ или другихъ силъ и средствъ, то нужно сказать, что эту работу преимущественно производятъ лица, составляющія командный элементъ вооруженной силы, но эти лица во всѣ времена представляли собой часть даннаго общества, а потому въ общемъ они таковы, каково это общество.

Изложенное даетъ право сдѣлать заключеніе, что ра-

бота военной мысли, а значитъ, и все то, что является результатомъ ея, т. е. военное искусство во многомъ зависитъ отъ культуры, цивилизаціи и просвѣщенности человѣчества въ данный моментъ. А такъ какъ несомнѣнно, что чѣмъ выше культура и цивилизація опредѣленной группы человѣчества, чѣмъ она просвѣщеннѣе, тѣмъ значительнѣе подъемъ его мысли, тѣмъ послѣдняя развивается самостоятельнѣе, тѣмъ результаты его работы болѣе плодотворны, болѣе соотвѣтствуютъ природѣ вещей и болѣе отвѣчаютъ потребностямъ жизни. Отсюда прямой выводъ: чѣмъ выше культура, цивилизація и просвѣщенность, тѣмъ выше и военное искусство.

Культура, цивилизація и просвѣщенность, представляя существенную часть содержанія тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь той или иной части человѣчества, не составляютъ, однако, этихъ условій всецѣло. Къ таковымъ безусловно необходимо присоединить еще: государственное устройство, административный механизмъ и общественныя или бытовыя особенности.

Для подтвержденія мысли, что и эти изъ общихъ условій имѣютъ вліяніе на состояніе военнаго искусства, достаточно сказать, что жизнь арміи въ самомъ широкомъ значеніи этого слова во всѣхъ ея проявленіяхъ во многомъ зависитъ отъ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются между верховной властью и арміей, и того вліянія, которое верховная власть можетъ оказывать на эту жизнь въ зависимости отъ своего характера, своихъ взглядовъ и отъ толкованія своихъ правъ и обязанностей въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, то или иное государственное устройство вліяетъ на состояніе военнаго искусства въ данную эпоху и на его измѣненіе въ опредѣленномъ направленіи, т. е. на его развитіе, причемъ самый характеръ этого измѣненія опредѣляетъ и причину его.

Точно такъ же существуетъ связь и зависимость между военнымъ искусствомъ и административнымъ устройствомъ въ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, есть элементы военнаго искусства, какъ, напримѣръ, высшее управленіе арміей, которые непосредственно опредѣляются общими основаніями организаціи высшихъ органовъ административнаго механизма.

Но, кромѣ такого непосредственнаго вліянія административнаго устройства на одни элементы военнаго искусства,

оно косвенно вліяетъ и на другіе, подчасъ стѣсняя независимость мысли и дѣла въ вопросахъ воспитанія и обученія, налагая руку на свободное развитіе научной и литературной работы и тѣмъ сокращая количество и уменьшая качество тѣхъ силъ и средствъ, которыя могли бы быть приспособлены или созданы для военныхъ цѣлей.

Наконецъ, что касается связи между бытовыми особенностями и военнымъ искусствомъ, то она несомнѣнна уже потому, что эти бытовыя особенности данной эпохи обусловливаютъ извѣстное отношеніе и стремленіе къ пользованію тѣми или другими силами и средствами, а значитъ, и обезпечиваютъ развитіе силъ и средствъ опредѣленнаго характера; затѣмъ ими же устанавливается взглядъ на отношеніе къ вооруженной силѣ и, какъ результатъ этого, положеніе арміи съ точки зрѣнія условій, способствующихъ или мѣшающихъ нормальному ея развитію и правильной дѣятельности; наконецъ, эти же бытовыя особенности опредѣляютъ отношеніе къ религіи, взгляды на нравственную сторону, въ частности,—на дисциплину, на духъ, на понятіе о долгѣ, устанавливаютъ тѣ стимулы, ради которыхъ вооруженная сила способна проявить высшее напряженіе, какъ физическое, такъ и нравственное.

Изложенное хотя и не исчерпывающимъ образомъ, но съ достаточной полнотою выясняетъ вопросъ относительно зависимости состоянія военнаго искусства отъ общихъ условій жизни въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. А разъ эта зависимость должна быть признана безусловно существующей, то необходимо, чтобы исторія военнаго искусства, будучи наукой, преслѣдующей опредѣленныя цѣли и имѣющей соотвѣтствующее назначеніе, учитывала это и считалась бы съ этимъ, такъ какъ только включеніе въ число основаній, на которыхъ она должна строиться, указаннаго положенія дастъ возможность достигнуть задачъ, ею преслѣдуемыхъ, ибо лишь тогда возможно будетъ шире охватить предметъ и глубже проникнуть въ тѣ въ высокой степени сложныя причины, отъ которыхъ зависитъ то или иное направленіе въ развитіи военнаго искусства и познаніе которыхъ въ большей степени можетъ способствовать практическому использованію исторіи военнаго искусства [1]).

[1]) Фактическимъ подтвержденіемъ положенія о зависимости военнаго искусства отъ общихъ условій жизни можетъ служить содержаніе

Содержаніе военнаго искусства соотвѣтственно данному ему выше опредѣленію, въ связи съ только что установленной связью и зависимостью его отъ общихъ условій жизни, заставляетъ намѣтить для изложенія исторіи военнаго искусства слѣдующіе способы:

Во-1-хъ, можно разсматривать постоянный и послѣдовательный ходъ развитія опредѣленныхъ идей въ военномъ искусствѣ на протяженіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени независимо отъ того, гдѣ онѣ появились и гдѣ проходили послѣдующіе этапы ихъ развитія.

Но, не говоря уже о трудности практическаго осуществленія такого порядка изложенія исторіи военнаго искусства, онъ имѣетъ еще тотъ существенный недостатокъ, что разсматриваемыя идеи будутъ оторваны отъ жизни, отъ всѣхъ общихъ ея условій; къ тому же при этомъ способѣ изложенія нельзя будетъ установить взаимной связи, вліянія и зависимости одного элемента военнаго искусства отъ другихъ и такимъ образомъ не представится возможнымъ очертить общее состояніе военнаго искусства, какъ результатъ состоянія всѣхъ его элементовъ въ совокупности въ опредѣленную историческую эпоху, и затѣмъ постепенное ихъ развитіе при взаимодѣйствіи ихъ всѣхъ.

Во-2-хъ, порядокъ изложенія исторіи военнаго искусства можетъ быть подчиненъ условію изслѣдованія его состоянія и развитія по историческимъ эпохамъ, охватывающимъ жизнь опредѣленнаго народа или группы народовъ, причемъ рубежами такихъ эпохъ должны служить событія и факты или идеи, дающіе новое направленіе культурѣ, цивилизаціи вообще или только военному искусству. Въ предѣлахъ же такой исторической эпохи военное искусство должно изслѣдоваться въ наиболѣе рѣзкихъ для каждаго его элемента проявленіяхъ, характерныхъ именно для данной эпохи. При этомъ всѣ элементы военнаго искусства подлежатъ изученію, но только лишь въ видѣ рѣзко выраженнаго типа въ каждомъ изъ нихъ, а не въ частичномъ проявленіи въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время идеи, заложенной въ немъ.

Съ другой стороны, однако, въ каждой эпохѣ на фонѣ

трудовъ: Н. П. Михневича «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка»; П. А. Гейсмана «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ новые вѣка» и отчасти мой «Курсъ исторіи русскаго военнаго искусства».

общихъ ея отличительныхъ чертъ необходимо отмѣчать особенности военнаго искусства, проявившіяся гдѣ-либо и въ какой либо моментъ эпохи необыкновенно рельефно.

При практическомъ осуществленіи второго способа изложенія исторіи военнаго искусства, способѣ, наиболѣе отвѣчающемъ ея природѣ, неминуемо приходимъ къ тому, что, излагая исторію военнаго искусства вообще, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, нѣтъ необходимости въ опредѣленной эпохѣ описывать всѣ войны, всѣ военныя учрежденія, нѣтъ также надобности изучать послѣдовательное развитіе военнаго искусства у каждаго народа или государства этой эпохи.

Съ данной точки зрѣнія является вполнѣ достаточнымъ изслѣдовать лишь тѣ событія, тѣ учрежденія и идеи, которыя указываютъ общій путь развитія военнаго искусства. Тотъ періодъ, то государство, которые являются наиболѣе полными выразителями военнаго искусства данной эпохи, и должны быть изслѣдованы; это же относится и къ военнымъ операціямъ: изслѣдуются только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ искусство разсматриваемой эпохи проявилось наиболѣе полно, наиболѣе ясно и опредѣленно [1]).

Такимъ образомъ, выше опредѣлены: объемъ, содержаніе и характеръ изложенія исторіи военнаго искусства. Теперь необходимо остановиться на методѣ, который нужно примѣнять въ исторіи военнаго искусства.

Знаніе того или другого историческаго явленія, прежде всего, можетъ быть достигнуто лишь при точномъ возстановленіи фактической стороны событія и безусловно вѣрной передачѣ идей.

Такая же точность и вѣрность явятся слѣдствіемъ только лишь достовѣрности и полноты свѣдѣній какъ о событіяхъ, такъ и объ идеяхъ безъ какого-либо позднѣйшаго субъективнаго освѣщенія ихъ кѣмъ-либо. Достовѣрность же и полнота свѣдѣній могутъ быть почерпнуты только лишь изъ различнаго рода первоисточниковъ.

Такимъ образомъ, первымъ требованіемъ, которое нужно предъявить по отношенію метода, долженствующаго

---

[1]) Фактическое осуществленіе указываемаго здѣсь способа изложенія исторіи военнаго искусства мы видимъ у Пузыревскаго въ его «Исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка» и у Н. П. Михневича въ его «Исторіи военнаго искусства съ древнихъ временъ до начала XIX столѣтія».

примѣняться къ исторіи военнаго искусства, является самое тщательное изученіе фактической стороны по первоисточникамъ, преслѣдующее совершеннѣйшее знаніе изучаемыхъ событій и идей. Однако, знаніе историческаго факта, будь то событіе или идея, само по себѣ еще ничего не значитъ. Знать еще не значитъ понимать, а разъ это такъ, то одно знаніе факта еще не даетъ намъ возможности судить ни о внутреннемъ смыслѣ его, ни объ идейной его связи съ прошлымъ, ни о значеніи его для даннаго времени, ни о вліяніи его на будущее. Пониманіе же историческаго факта съ этой точки зрѣнія прежде всего требуетъ, чтобы была выяснена съ наивозможной подробностью въ самомъ широкомъ смыслѣ обстановка, какъ вызвавшая, такъ и сопровождавшая его. При этомъ только возможно будетъ установить связь того или другого историческаго явленія съ прошлымъ и его мѣсто въ настоящемъ; установивъ связь совершившагося факта съ прошлымъ, мы тѣмъ самымъ выяснимъ причины его появленія. Поставивъ же его вмѣстѣ съ тѣмъ среди другихъ фактовъ на должное мѣсто въ настоящемъ, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ въ полномъ объемѣ его значеніе и вліяніе какъ на текущую жизнь, такъ отчасти и на будущую.

Чтобы судить о томъ, насколько извѣстный историческій фактъ, являющійся результатомъ общаго положенія вещей или дѣломъ ума и рукъ человѣческихъ, вытекаетъ изъ прошлаго, необходимо установить взглядъ на это прошлое тѣхъ, кто явился виновникомъ даннаго событія: точно такъ же, чтобы судить о томъ, какое мѣсто это событіе займетъ въ настоящемъ и чего отъ него ожидали въ будущемъ, необходимо стать на точку зрѣнія тѣхъ же дѣятелей, т.-е. другими словами, чтобы изучить историческій фактъ съ опредѣленными нами цѣлями, нужно обстановку разсматривать такъ, какъ она представлялась современникамъ, а съ другой стороны, указать, насколько произведенное событіе отвѣчало запросамъ и требованіямъ того времени.

Короче, съ этой цѣлью нужно перенестись въ изучаемую эпоху, познать ея взгляды, стремленія, сжиться съ нею и изучить условія, въ которыхъ явленія происходили. Тогда только многое объяснится, станетъ понятнымъ; тогда только можно будетъ вполнѣ объективно оцѣнить каждое явленіе, каждый фактъ, каждую идею. При этомъ

лишь явится возможность, охарактеризовавъ извѣстную область въ дѣятельности человѣка вообще въ извѣстную эпоху въ какомъ-либо отношеніи, опредѣлить значеніе съ этой точки зрѣнія эпохи и избѣжать скороспѣлыхъ сужденій и оцѣнки ея, основывающихся лишь на сухихъ теоретическихъ положеніяхъ.

Однако, было бы неправильно въ исторіи военнаго искусства совершенно отказываться отъ оцѣнки, основывающейся на данныхъ теоріи, исходя изъ научнаго критеріума. И это потому, что только такая критическая оцѣнка въ состояніи опредѣлить важность факта и его значеніе какъ съ точки зрѣнія характеризованія имъ состоянія военнаго искусства въ эпоху, когда онъ совершился, такъ и съ точки зрѣнія подчеркиванія особенности военнаго искусства и опредѣленія причинъ наличности этихъ особенностей.

Такимъ образомъ, повторяя уже разъ замѣченное, можно сказать, что въ исторіи военнаго искусства долженъ быть примѣненъ методъ критико-историческій при точномъ возстановленіи фактической стороны событій и при тщательномъ учетѣ всѣхъ условій, среди которыхъ совершались эти событія.

Переходя къ вопросу о значеніи исторіи военнаго искусства и о той роли, которую она можетъ и должна играть, прежде всего необходимо отмѣтить, что это значеніе всецѣло зависитъ отъ того, что можетъ дать исторія военнаго искусства, если она будетъ такою, какъ это указано выше, къ чему можетъ въ этомъ случаѣ привести ея изученіе.

Составляя частность въ исторіи вообще, исторія военнаго искусства, вообще говоря, даетъ въ спеціальной области настоящее знаніе собственнаго и чужого прошлаго, безъ котораго немыслимо и надлежащее пониманіе современности [1]), и указываетъ, что всякое новое явленіе возникаетъ изъ предыдущаго, что искусственное установленіе чего-либо новаго невозможно и что всѣ послѣдующія явленія въ общемъ превосходятъ предыдущія своимъ достоинствомъ, выражаясь въ формахъ, которыя изъ про-

[1]) Н. Карѣевъ. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. Полутомъ 26-й, стр. 505.

стыхъ переходятъ къ все болѣе и болѣе сложнымъ и совершеннымъ [1]).

Обращаясь къ другому признаку исторіи военнаго искусства, а именно: къ понятію о военномъ искусствѣ въ тѣхъ именно условіяхъ, въ которыхъ о немъ говорится въ исторіи военнаго искусства, необходимо признать, что въ частности только исторія военнаго искусства способна указать, какое вліяніе на состояніе военнаго искусства могутъ оказывать тѣ или другія общія условія жизни народовъ и государствъ, что способствуетъ развитію военнаго искусства и что мѣшаетъ этому развитію, по какому пути это развитіе идетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исторія военнаго искусства показываетъ, что, какъ и въ другихъ проявленіяхъ жизни человѣчества, въ военномъ искусствѣ ничто сразу не рождается, что въ немъ съ теченіемъ времени все лишь совершенствуется, и это не только въ области идейной и технической, но и въ области исполнительной, прикладной,—примѣненія тѣхъ или другихъ средствъ и что лишь примѣненіе это дѣлается болѣе совершеннымъ.

Вслѣдствіе этого исторія военнаго искусства развиваетъ широкое пониманіе военнаго искусства, расширяетъ кругозоръ въ его области, изощряетъ въ этомъ направленіи умъ, заставляетъ сжиться съ опредѣленными идеями, проникнуться чувствомъ пониманія спеціальныхъ явленій, фактовъ и событій, происходящихъ въ подобной, но каждый разъ въ иной обстановкѣ.

Кромѣ того, исторія военнаго искусства развиваетъ способность воспринимать болѣе чувствительно спеціальныя явленія какъ крупнаго масштаба, такъ и самыя мелкія, выносить о нихъ правильное сужденіе и сдѣлать изъ нихъ необходимый практическій выводъ, дающій возможность предвидѣть обстановку будущаго, хотя бы и самаго ближайшаго, въ сферѣ и матеріальной и духовной, что необходимо для разумнаго примѣненія современныхъ силъ и средствъ при приведеніи въ исполненіе въ цѣляхъ войны тѣхъ или иныхъ идей.

Разъ это такъ, то въ результатѣ исторія военнаго искусства развиваетъ самостоятельность сужденій и взгля-

---

[1]) Проф. М. Ф. Владимирскій-Будановъ «Обзоръ Исторіи Русскаго права», стр. 1 и 3.

довъ на вопросы военнаго искусства и способствуетъ въ его области творчеству, насколько это послѣднее доступно развитію и усовершенствованію у отдѣльныхъ лицъ.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что результатъ изученія исторіи военнаго искусства, т.-е. то, что она можетъ дать, какъ наука, сводится къ тому, что помимо узкаго научнаго интереса, она имѣетъ значеніе еще и чисто практическое и притомъ съ этой точки зрѣнія значеніе двоякое: съ одной стороны, поднимая общій уровень военнаго образованія, распространяя военную просвѣщенность, развивая у болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ, посвятившихъ себя военному искусству, ихъ способности и таланты въ этомъ направленіи, исторія военнаго искусства даетъ возможность этимъ лицамъ наиболѣе искуснымъ образомъ примѣнить всѣ средства и силы для достиженія цѣлей войны въ каждомъ данномъ случаѣ, что важно для настоящаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ возможность этимъ же лицамъ благотворно влiять на развитіе военнаго искусства, что важно для будущаго. Съ другой же стороны, исторія военнаго искусства имѣетъ практическое значеніе потому, что она является сокровищницей богатаго опыта, дающаго обширный матеріалъ для непосредственнаго рѣшенія весьма многихъ вопросовъ въ области военнаго искусства и въ настоящее время.

Послѣднее значеніе исторіи военнаго искусства становится еще болѣе жизненнымъ и важнымъ, если отъ исторіи военнаго искусства вообще перейти къ исторіи военнаго искусства отдѣльныхъ народовъ и государствъ и въ частности для насъ—къ исторіи военнаго искусства въ Россіи или, правильнѣе, къ исторіи русскаго военнаго искусства.

Природа вещей и дѣятельность человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ (духовной и физической) опредѣляютъ сущность военнаго искусства и его характеръ. Отсюда—военное искусство во всѣхъ его элементахъ состоитъ съ одной стороны изъ основъ, настолько же незыблемыхъ, насколько постоянна природа вещей, а съ другой стороны,—изъ измѣняющихся результатовъ человѣческой дѣятельности, проявляющейся или въ использованіи существующихъ силъ и средствъ для цѣлей войны, или въ усовер-

шенствованіи этихъ силъ и средствъ или, наконецъ, въ созданіи тѣхъ и другихъ, новыхъ.

Но на дѣятельность человѣка оказываютъ вліяніе два фактора: во-1-хъ, духовная его организація, и во-2-хъ, та обстановка, въ которой ему приходится дѣйствовать.

Духовная организація человѣка складывается: во-1-хъ, изъ его личныхъ индивидуальныхъ особенностей, и во-2-хъ, изъ особенностей, присущихъ не ему одному, а цѣлому народу, къ которому онъ принадлежитъ, особенностей, вырабатывающихся по тѣмъ или другимъ причинамъ въ нѣчто постоянное и составляющее отличительный признакъ опредѣленнаго народа, то, что называется чертами народными или національными.

Что касается обстановки, въ которой приходится дѣйствовать человѣку, то она всецѣло зависитъ отъ того, къ какой народности, къ какой національности принадлежитъ данный индивидуумъ, такъ какъ каждая національность живетъ въ опредѣленной и притомъ особой обстановкѣ, складывающейся подъ вліяніемъ постоянныхъ условій: географическаго положенія страны, естественныхъ условій въ ней, ея обширности и т. п., съ другой стороны,—подъ вліяніемъ условій измѣняющихся: культуры, цивилизаціи, просвѣщенности, политическаго устройства и т. п.

Въ виду того, что эти особенности обстановки различны для разныхъ народовъ, онѣ и составляютъ то, что логично назвать національной обстановкой.

Такимъ образомъ, ясно, что на состояніе въ данную эпоху и на развитіе военнаго искусства безусловно оказываютъ вліяніе національныя черты характера народа и національная обстановка, въ которой живетъ данный народъ.

Отсюда несомнѣнно, что военное искусство въ значительной мѣрѣ національно. Еще Вл. Соловьевъ сказалъ, что «все, что производилось цѣннаго въ исторіи, имѣло всегда троякій характеръ: 1) личный, 2) національный и 3) универсальный.

Всякое историческое творчество коренится въ личныхъ силахъ и дарованіяхъ, обусловливается національною средою и приводитъ къ результатамъ всечеловѣческаго значенія» [1]).

---

[1]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. Полутомъ 40-й, стр. 710.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сказалась національность въ такихъ міровыхъ произведеніяхъ, по праву принадлежащихъ всему человѣчеству, какъ, напримѣръ, въ литературныхъ твореніяхъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго и Льва Толстого, въ музыкальныхъ произведеніяхъ Глинки, въ философіи Льва Толстого и особенно—Владиміра Соловьева, въ картинахъ Рѣпина, Нестерова и Васнецова...

Но если здѣсь сказалась національность, то въ военномъ искусствѣ она должна быть еще сильнѣе, потому что нигдѣ такъ, какъ въ области военнаго искусства, не выказываются: психическая дѣятельность человѣка, особенности его характера, его душевныхъ эмоцій, его міровоззрѣнія, степень его культурности и цивилизаціи, т.-е. все то, изъ чего складываются особенности опредѣленной національности.

Вообще, что бы тамъ ни говорилось относительно того, что всѣ искусства, всѣ науки—общечеловѣчны, необходимо признать, что всякое искусство—національно, національно въ томъ смыслѣ, что оно содержитъ въ себѣ черты народнаго характера, народной души, народныхъ стремленій и идеаловъ и что онѣ проявляются въ опредѣленной средѣ, особенной обстановкѣ. Никто же не станетъ спорить, что характеръ, душа, идеалы народа русскаго - иные, чѣмъ, напримѣръ,—народовъ германскихъ или— желтой расы, а тѣ условія обстановки, въ которыхъ живетъ русскій народъ, совершенно различны отъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ другіе народы.

Однако, общность основъ, вытекающихъ изъ природы вещей, дѣлаетъ военное искусство разныхъ народовъ въ значительной степени единымъ. Это единство касается, главнымъ образомъ, идейной стороны, національность же военнаго искусства, главнымъ образомъ, сказывается въ формальной его сторонѣ, въ способахъ примѣненія къ жизни общихъ основъ.

Впрочемъ, даже и съ точки зрѣнія идейной стороны въ военномъ искусствѣ можетъ сказаться вліяніе національности. Такъ, тѣ или другія національныя особенности народа, національныя условія, въ которыхъ онъ живетъ, могутъ способствовать болѣе раннему уразумѣнію основъ военнаго искусства, его принциповъ, болѣе раннему ихъ использованію тѣмъ или другимъ способомъ, а съ другой стороны, тѣ же національныя особенности мо-

гуть или содѣйствовать успѣшному воспріятію новыхъ идей, гдѣ-либо появившихся въ области военнаго искусства, и ихъ дальнѣйшему развитію, или, напротивъ, создавать условія, для этого неблагопріятныя. Во всякомъ случаѣ, для возможности успѣшнаго развитія по самостоятельному пути военнаго искусства у какого-либо народа, для развитія его самосознанія въ этой области, безъ чего невозможенъ прогрессъ его въ этомъ отношеніи, крайне необходимо знать, какую роль въ развитіи военнаго искусства игралъ данный народъ, что далъ онъ въ этой области, что внесъ онъ въ общую сокровищницу знанія и умѣнья въ этой сферѣ дѣятельности человѣчества, и при этомъ важно знать не только *что*, но и *когда*, т.-е. другими словами, необходимо знать, въ чемъ принадлежитъ опредѣленному народу въ военномъ искусствѣ первенство, какія идеи зародились у него, какія изъ нихъ получили распространеніе отъ него.

Отсюда вполнѣ логично сдѣлать выводъ, что исторія военнаго искусства общая, всемірная, должна разсматривать преимущественно идейную сторону, причемъ преобладающее развитіе той или другой идеи военнаго искусства въ послѣдовательномъ ходѣ исторіи вообще должно составлять отдѣльные періоды всеобщей исторіи военнаго искусства. Что же касается формальной стороны, то во всеобщей исторіи военнаго искусства ее должно касаться лишь настолько, насколько она не зависитъ отъ національныхъ условій, насколько она необходима для иллюстраціи тѣхъ или иныхъ идей на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія, насколько она, наконецъ, показываетъ возможность примѣненія этихъ идей въ жизни, на практикѣ.

Выдѣленіе при этомъ, съ точки зрѣнія состоянія и развитія военнаго искусства, значенія отдѣльныхъ народовъ должно дѣлаться лишь постольку, поскольку идеи, народившіяся у нихъ, имѣли вліяніе на развитіе военнаго искусства вообще и у другихъ народовъ—въ частности.

Такимъ образомъ, очевидно, что наряду съ исторіей военнаго искусства всеобщей у каждаго народа съ самостоятельной духовной организаціей, съ особой культурой и цивилизаціей должна и можетъ существовать своя исторія военнаго искусства.

Эти частныя, національныя исторіи военнаго искусства покажутъ послѣдовательную работу военной мысли опре-

дѣленнаго народа въ той своеобразной обстановкѣ, въ которой онъ живетъ; въ результатѣ нарисуютъ полную и ясную картину состоянія и развитія военнаго искусства у этого народа; выяснятъ историческія причины, которыя повліяли на его развитіе въ ту или другую сторону, и дадутъ отправныя точки для установленія того пути, по которому военное искусство этого народа должно идти въ будущемъ, чтобы развиваться самостоятельно безъ излишнихъ и чуждыхъ вліяній, при отсутствіи которыхъ оно только и будетъ въ состояніи проявиться во всей своей могучей самобытной силѣ, а значитъ, и стать на должную высоту.

Однако, невольно можетъ явиться вопросъ, что при указанномъ выше содержаніи и объемѣ исторіи военнаго искусства и при отмѣченномъ раньше значеніи и роли ея не представится ли опасность для народа, изучающаго прошлое своего военнаго искусства, воспроизведенное по опредѣленному методу въ его исторіи, не узнать истинныхъ основъ военнаго искусства; не поведетъ ли это къ созданію своего собственнаго военнаго искусства, которое, будучи лишено естественныхъ основъ явленій войны, приведетъ только къ крушенію при встрѣчѣ съ народомъ, обладающимъ истиннымъ военнымъ искусствомъ.

Болѣе наглядный и обоснованный отвѣтъ на этотъ вопросъ получится, если остановиться на нашей родинѣ и посмотрѣть, изученіе прошлаго нашего военнаго искусства не приведетъ ли насъ къ неправильному и къ недостаточному пониманію военнаго искусства, а потому не отразится ли оно вредно на развитіи у насъ истиннаго военнаго искусства, основаннаго на природѣ вещей и сущности явленій и необходимаго для достиженія въ конечномъ результатѣ успѣха въ борьбѣ съ другими народами въ кратчайшее время и при наименьшемъ напряженіи съ нашей стороны всѣхъ силъ и средствъ.

Помимо того, что наличность въ достаточномъ количествѣ подходящаго матеріала дастъ возможность полнѣе освѣтить этотъ вопросъ, выборъ для иллюстраціи выдвинутаго положенія относительно Россіи дастъ возможность, въ связи съ изложеннымъ выше, категорически отвѣтить на другой вопросъ, въ высшей степени для насъ интересный,—должно ли и можетъ ли существовать исторія русскаго военнаго искусства?

Да, было время, и еще не такъ давно, когда почти всѣ

считали достойнымъ изученія въ цѣляхъ познанія истины военной науки и военнаго искусства, только военное искусство западныхъ народовъ, такъ какъ господствовало убѣжденіе, что только въ образцахъ Запада мы найдемъ ключъ къ уразумѣнію военнаго искусства. Но это время миновало. Работой русскихъ людей была пробита брешь въ этомъ преклоненіи передъ Западомъ, было поколеблено убѣжденіе въ томъ, что свѣтъ идетъ съ Запада. Трудами своими они доказали, что то, что до сихъ поръ искалось въ западной наукѣ, въ западномъ искусствѣ, мы можемъ найти у себя, добросовѣстно изучая работу русской военной мысли, проявленной въ различное время различными способами.

Къ глубокому сожалѣнію, еще не всѣ у насъ сознаютъ это, что является слѣдствіемъ малаго знакомства съ указанными трудами и съ прошлымъ нашего военнаго искусства, а потому—и малаго уваженія къ нему, и въ то же время это является несомнѣнно одной изъ главнѣйшихъ причинъ того, что мы и до сихъ поръ еще въ военномъ искусствѣ стремимся кому-либо подражать, боясь проявить свою самобытность даже въ самой малѣйшей дозѣ.

Представляется, что для того, чтобы наиболѣе конкретно и реально отвѣтить на вопросъ, не приведетъ ли насъ изученіе прошлаго нашего военнаго искусства къ неправильному и къ недостаточному пониманію военнаго искусства и не повлечетъ ли это изученіе къ неправильному развитію его, достаточно господствующіе современные взгляды на военное искусство, получившіе утвержденіе въ послѣдней большой войнѣ, сопоставить со взглядами, царившими у насъ въ тѣ времена, которыя нынѣ являются уже достояніемъ исторіи.

При этомъ, конечно, является возможнымъ остановиться только на наиболѣе яркомъ, на наиболѣе существенномъ, а главное,—на томъ, что особенно было выдвинуто послѣдней войной и притомъ выдвинуто, какъ необходимое для дальнѣйшаго правильнаго развитія военнаго искусства въ будущемъ.

Послѣдней большой войной была наша война съ Японіей; къ ней-то и обратимся.

Прежде всего признается, что эта война, и притомъ преимущественно она, выдвинула въ стратегіи идею наступленія и что такъ какъ эту идею осуществляли японцы,

то въ этомъ отношеніи мы и должны подражать имъ. Конечно, хорошее заимствовать можно, но развѣ стратегія Дмитрія Донского, Петра Великаго, Румянцева, Суворова, Скобелева, вся проникнутая идеей наступленія, была ниже стратегіи японцевъ?

Въ тактикѣ, говорятъ, послѣдняя война выдвинула въ поученіе на будущее слѣдующія идеи и пріемы:

Во-1-хъ, стремленіе къ наступательному бою и отказъ отъ строго оборонительнаго боя при замѣнѣ его боемъ выжидательнымъ.

Но развѣ Петръ при Лѣсной, Минихъ при Ставучанахъ, Румянцевъ при Рябой Могилѣ, Ларгѣ, Кагулѣ не дали блестящіе, почти безпримѣрные образцы преднамѣренныхъ наступательныхъ боевъ, вытекающихъ изъ единой идеи стратегической наступательной операціи?

Развѣ бой Вейсмана подъ Кучукъ-Кайнарджи; цѣлый рядъ блестящихъ боевъ Суворова въ 1794 г. отъ Кобрина до штурма Праги включительно и въ 1799 г. на Тидоне, Требіи, Нови; бой Каменскаго при Сальми не являются такими же образцами? Развѣ дѣйствія Скобелева подъ Плевной, Ловчей и Шейновымъ ничего не говорятъ намъ относительно этого?

Развѣ Полтава Петра Великаго, Куннерсдорфъ гр. Салтыкова, Рущукъ Кутузова не являются величайшими примѣрами выжидательныхъ боевъ?

Развѣ Кодима Миниха, Гроссъ-Эгерсдорфъ Апраксина, Цорндорфъ Фермора, Пальцигъ Салтыкова, Пултускъ Беннигсена, Кулевча Дибича не представляютъ образцовыхъ примѣровъ активности въ оборонительныхъ бояхъ?

Петръ Великій стремленіе къ наступленію выражалъ слѣдующими словами: «Нужно есть сочинять армію свою, смотря непріятельской силы и онаго намѣренія, дабы его во всѣхъ дѣлахъ упреждать и всячески искать непріятеля опровергнуть»[1]).

Суворовъ это же стремленіе къ наступленію выразилъ его извѣстнымъ афоризмомъ: «Глазомѣръ, быстрота и натискъ».

Румянцевъ высказывался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Я того мнѣнія всегда былъ и буду, что нападающій до самаго конца дѣла все думаетъ выиграть, а

[1]) Уставъ Воинскій . . . 1716 г. Изд. 1826 г. стр. 13.

обороняющійся оставляетъ всегда страхъ соразмѣрно сдѣланному на него стремленію».

А начиная кампанію 1770 г., Румянцевъ писалъ въ Петербургъ: «Иду за Днѣстръ и походомъ моимъ прямымъ по сей сторонѣ Прута стараюсь въ непріятеля вложить больше мыслей, чѣмъ суть прямыя мои силы, и прикрывать недостатокъ оныхъ видомъ наступательныхъ дѣйствій» [1]).

Даже Минихъ, этотъ относительно второстепенный полководецъ, никогда не ведетъ строго пассивнаго оборонительнаго боя, основываясь на томъ, что, по его словамъ: «Атака придаетъ солдату бодрость и поселяетъ въ другихъ уваженіе къ атакующему, а пребываніе въ недѣйствіи уменьшаетъ духъ въ войскахъ и заставляетъ ихъ терять надежду» [2]).

Сто лѣтъ спустя, требованіе активности въ оборонительномъ бою было выражено въ «Руководствѣ молодымъ офицерамъ къ отправленію службы разныхъ родовъ войскъ въ военное время», издан. въ 1831 г., слѣдующими словами: « . . . . и въ оборонительномъ положеніи должно быть всегда готовымъ къ нападенію и вслѣдствіе сего избирать такія позиціи, передъ фронтомъ коихъ было бы мѣсто открытое и удобное для дѣйствія кавалеріи и артиллеріи, дабы армія, пользуясь ошибками, которыя можетъ сдѣлать непріятель, или неудачнымъ со стороны его нападеніемъ, внезапно могла перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное» [3]).

Далѣе говорятъ, и вполнѣ справедливо, что послѣднія войны подчеркиваютъ значеніе огня.

Но Суворовъ еще въ 1778 г. въ своей инструкціи Кубанскому корпусу писалъ: «Пѣхотные огни открываютъ побѣду» и въ связи съ этимъ, создавъ афоризмъ «пуля — дура, штыкъ—молодецъ», Суворовъ требовалъ правильнаго обученія стрѣльбѣ, скораго заряжанія, рѣдкаго и мѣткаго огня и въ бою приказывалъ имѣть по 100 патроновъ на человѣка [4]).

---

[1]) Архивъ Военно-походной канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, ч. II, стр. 67.

[2]) Воен. Учен. Арх. Гл. Упр. Ген. шт. № 125, т. 4 «Планъ кампаніи 1737 г.».

[3]) «Руководство . . . . .» ч. II, стр. 100—101.

[4]) Д. О. Масловскій, «Примѣч. въ прилож. къ Записк. по исторіи военнаго искусства въ Россіи», вып. 2-й, стр. 73 и 77.

Въ правилахъ для егерей 1789 г., между прочимъ, говорится: «Егерей обучать должно слѣдующему: обходиться съ ружьемъ и держать его въ чистотѣ, не простирая сіе до полированія желѣза, вреднаго оружію и умножающаго труды, безполезные солдату... Обучать заряжать проворно, но исправно, цѣлить вѣрно и стрѣлять правильно и скоро... Пріучать къ проворному бѣганью, подползывать скрытыми мѣстами, скрываться въ ямахъ и въ падинахъ, прятаться за камни, кусты возвышенные и, укрывшись, стрѣлять и, ложась на спину, заряжать ружье; показать имъ хитрости егерскія для обмана и скрытія ихъ мѣста, какъ-то ставить каску въ сторонѣ отъ себя, дабы давать непріятелю черезъ то пустую цѣль и тѣмъ спасать себя, прикидываться убитымъ и приближающагося непріятеля убивать; учить также стрѣлять изъ пистолета, показавъ имъ мѣру выстрѣла, дабы понапрасну не стрѣляли на дистанціи, куда пистолетъ не доноситъ» [1]).

А въ «правилахъ разсыпного строя», составленныхъ Барклаемъ де Толи въ 1818 г., было сказано: «Цѣпь есть передняя боевая линія, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы цѣльнымъ и смертоноснымъ огнемъ ослабить и утомить непріятельскую пѣхоту и артиллерію, нанести ей первый ударъ и пріуготовить успѣхъ атакѣ сомкнутой пѣхоты и кавалеріи» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ этихъ «Правилъ» говорится, что «сила пѣхоты въ цѣльномъ огнѣ» [3]).

Эти же правила устанавливаютъ, каковъ долженъ быть этотъ огонь: «Многіе полагаютъ еще и нынѣ, что пуля вредитъ только случайно. Мнѣніе сіе дѣйствительно оправдывается, однако, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неучи дѣйствуютъ ружьемъ; когда же ружье въ рукахъ настоящаго стрѣлка, мастера ремесла своего, то и успѣхъ стрѣльбы не будетъ зависѣть отъ случайности. Совершенство искусной стрѣльбы отнюдь не заключается въ скорости стрѣлянія или въ множествѣ сдѣланныхъ въ одну минуту выстрѣловъ: этимъ увеличивается только стукъ и дымъ, который, не нанеся вреда непріятелю, не только не устрашаетъ, но,

---

[1]) Столѣтіе Военнаго министерства, IV, ч. I, кн. II, отд. IV, вып. 1-й, стр. 81.

[2]) Правила разсыпного строя или наставленіе о разсыпномъ дѣйствіи пѣхоты. Издано Главн. шт. 1-й арміи 1818 г., стр. 6.

[3]) То же, стр. 1.

напротивъ, ободряетъ его. Искусный стрѣлокъ называется тотъ, который, пріобрѣвъ твердый навыкъ хорошо зарядить, вѣрно прицѣливаться и мѣтко стрѣлять во всякомъ положеніи, стоя, на колѣняхъ, сидя и лежа, а равно и непремѣнно и на походѣ, который при всемъ этомъ умѣетъ вѣрно распознавать и опредѣлять разстояніе, въ какомъ стрѣляетъ, и знаетъ, какъ онъ сообразно съ тѣмъ долженъ прицѣливаться»[1]).

Скобелевъ во многихъ своихъ приказахъ прямо и косвенно указывалъ на значеніе въ бою пѣхотнаго огня.

Относительно же подготовки артиллерійскимъ огнемъ мы имѣемъ образцы во всѣхъ почти сраженіяхъ Миниха, въ сраженіи Румянцева на Ларгѣ, въ Рымникскомъ и Козлуджскомъ бояхъ Суворова, въ бояхъ Скобелева при Ловчѣ и Шейновѣ, и замѣчательныя указанія, данныя въ 1812 г. гр. Кутайсовымъ въ его «Общихъ правилахъ для артиллеріи въ полевомъ сраженіи», гдѣ говорится, что «на дистанціи въ 500 с. стрѣлять рѣдко, имѣя въ виду только затруднить движеніе непріятеля; на дистанціи въ 300 саж. стрѣлять чаще, чтобы остановить противника; на дистанціи въ 200—100 саж. стрѣлять возможно чаще, чтобы опрокинуть и уничтожить непріятеля» и дальше: «артиллерію располагать малыми батареями въ разныхъ мѣстахъ, имѣя, однако, въ виду возможность получить сосредоточенный перекрестный огонь»[2]).

Усилившееся значеніе ружейнаго и артиллерійскаго огня естественно усиливаетъ заботы объ уменьшеніи потерь отъ него, причемъ въ этихъ цѣляхъ указываютъ на слѣдующіе пріемы: во-1-хъ, на боевое построеніе въ болѣе рѣдкихъ строяхъ, во-2-хъ, на тщательное примѣненіе къ мѣстности, въ-3-хъ, на примѣненіе фортификаціи въ наступательномъ бою, и въ 4-хъ, на занятіе артиллеріей закрытыхъ позицій.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но уже много лѣтъ тому назадъ у насъ сознавалась необходимость примѣненія всѣхъ этихъ пріемовъ, и они дѣйствительно примѣнялись.

Въ «Правилахъ разсыпного строя» 1818 г. прямо указывалось, что преимуществомъ разсыпного строя является

[1]) То же, стр. 15.

[2]) Столѣтіе Военнаго Мин. IV, ч. I. кн. II, отд. III, вып. 1, стр. 315 и 316.

то, что «неровности поверхности земной и множество возвышенныхъ на землѣ предметовъ почти вездѣ представляютъ защиту раздробленнымъ частямъ или одиночнымъ людямъ»[1]).

То же проповѣдывалось словомъ и дѣломъ и впослѣдствіи.

Такъ, въ 1877 г. Калужскій полкъ подъ Ловчей, а лейбъ-гренадеры—подъ Горнымъ Дубнякомъ наступали поодиночкѣ, окрестивъ этотъ способъ наступленія названіемъ «солдатской тактики»[2]).

Скобелевъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ 1879 года писалъ: «... сила современнаго огня должна заставить въ сферѣ дѣйствительныхъ выстрѣловъ идти строемъ разжиженнымъ... Рекомендуется для первой линіи и частныхъ поддержекъ роты и даже меньшія единицы имѣть развернутыми на болѣе или менѣе широкихъ интервалахъ...»[3]).

Несомнѣнно, подъ вліяніемъ этихъ примѣровъ и въ предвидѣніи еще большаго усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія въ учебникѣ тактики профессора генерала Гудима-Левковича, изданномъ въ 1887 г., по поводу наступленія говорится слѣдующее: «Если по силѣ и губительности огня движеніе всей цѣпью сразу окажется неисполнимымъ, то останется едва ли не единственный способъ передвинуть цѣпь—это послѣдовательное перебѣганіе отдѣленіями или небольшими кучками стрѣлковъ и *даже отдѣльными людьми*: въ какой-нибудь кучкѣ стрѣлковъ находящійся тутъ начальникъ, высмотрѣвъ удобный пунктъ, съ котораго можно будетъ открыть болѣе близкій огонь, перебѣгаетъ съ него туда; сосѣднія кучки и группы постепенно дѣлаютъ то же и примыкаютъ къ перебѣжавшей... Въ иныхъ случаяхъ и такой способъ будетъ трудно исполнимымъ и люди, *гдѣ ползкомъ, гдѣ согнувшись*, будутъ перебѣгать по-одиночкѣ»[4]).

Наконецъ, въ уставѣ строевой пѣхотной службы изданія 1900 г., т. е. за четыре года до Японской войны, въ параграфѣ о наступленіи цѣпи говорится: «Иногда выгодно

[1]) Правила разсыпного строя . . . стр. 1.

[2]) А. Заіончковскій. Наступательный бой по опыту дѣйствій Генерала Скобелева, 1893 г., стр. 173—175.

[3]) Приказы М. Д. Скобелева (1876—1882). Изд. подъ ред. инженеръ-капитана Маслова, стр. 80 (Приказъ отъ 5 мая 1879 г. № 68).

[4]) Н. Гудима-Левковичъ. Курсъ элементарной тактики, вып. I, 1887 г., стр. 155.

перебѣгать сильно обстрѣливаемыя пространства людьми *по одиночкѣ»* [1]).

Даже о такомъ пріемѣ, какъ расположеніе артиллеріи на закрытыхъ позиціяхъ, и о немъ находимъ указаніе въ нашей военной исторіи: въ пунктѣ 5 упоминаемыхъ уже общихъ правилъ для артиллеріи въ полевомъ сраженіи 1812 г. говорится буквально слѣдующее: «Избѣгать ставить батареи на весьма возвышенныхъ крутыхъ мѣстахъ, напротивъ, батареи изъ единороговъ могутъ съ великой выгодой быть поставлены *за небольшими возвышеніями, которыми бы онѣ только закрывались*, ибо почти всѣ ихъ выстрѣлы, кромѣ картечныхъ, суть навѣсные» [2]).

Что касается примѣненія фортификаціи въ наступательномъ бою, то Скобелевъ еще въ 1878 г. по этому поводу говорилъ: «Нынѣ упорный бой пѣхоты немыслимъ не только при оборонѣ, но и при наступленіи, безъ достаточнаго количества шанцеваго инструмента при войскахъ. Есть моменты при наступленіи, когда пріобрѣтенный дорогою цѣною успѣхъ слѣдуетъ за собою закрѣпить, окопавшись на занятомъ мѣстѣ помощью шанцеваго инструмента» [3]); и потомъ: «При современной силѣ огнестрѣльнаго оружія окапываніе не только при оборонѣ, но иногда и при наступленіи играетъ первенствующую роль» [4]).

Далѣе какъ на пріемы веденія боя, выдвинутые будто бы исключительно только современными условіями, указываютъ на необходимость маневрированія на полѣ сраженія, на обходы, являющіеся результатомъ исканія рѣшенія боя на флангахъ, на демонстраціи, на внезапность нападенія и на ночныя дѣйствія.

Но необходимость маневрировать на полѣ сраженія развѣ не сознавали Петръ, Минихъ, Салтыковъ, Румянцевъ, Суворовъ, Скобелевъ и многіе другіе? Если бы этого не было, то развѣ были бы выиграны съ такимъ успѣхомъ Полтава, Ставучаны, Кунперсдорфъ, Рябая Могила, Ларга, Туртукай, Рымникъ, Шейново?

Въ этихъ сраженіяхъ наши русскіе полководцы пока-

---

[1]) Уставъ строевой пѣх. службы. 1900, стр. 100, § 222.

[2]) Столѣтіе Воен. Мин. IV, ч. I, кн. II, отд. III, вып. I, стр. 316.

[3]) Приказы М. Д. Скобелева. (1876—1882). Издано подъ редакціей инженеръ-капитана Маслова, стр. 61. (Приказъ отъ 18 іюля 1878 г. № 81).

[4]) Тоже, стр. 76 (приказъ 2 мая 1879 г. № 67).

зали, что они не только сознают пользу и необходимость маневра на полѣ сраженія, но что они — великіе мастера маневрированія.

Относительно обходовъ и тѣсно связанныхъ съ ними демонстрацій мы опять-таки имѣемъ рядъ блестящихъ образцовъ, данныхъ нашими полководцами, среди которыхъ встрѣчаются и далеко не первоклассные: Петръ подъ Лѣсной, Минихъ подъ Перекопомъ и Ставучанами, Румянцевъ подъ Рябой Могилой и Ларгой, Вейсманъ подъ Карасу, Суворовъ почти во всѣхъ своихъ образцовыхъ и побѣдоносныхъ бояхъ противъ турокъ, поляковъ и французовъ, Репнинъ подъ Мачинымъ, Ферзенъ подъ Мацеовицами, Каменскій при Куортане и, можно сказать, и т. д., и т. д.

Что этотъ пріемъ веденія боя у насъ былъ не случайный, можно заключить изъ того, что въ своей «Наукѣ побѣждать» Суворовъ, считая необходимымъ ознакомить войска съ наиболѣе выгоднымъ направленіемъ атаки, говоритъ, что «атака въ центръ (т. е. на фронтъ) невыгодна, *въ крыло (т. е. на флангъ), которое слабѣе, болѣе удобна*, а въ тылъ очень хороша, но только для небольшого корпуса, а арміей заходить тяжело» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ, а именно: въ «Правилахъ для военныхъ дѣйствій въ горахъ», данныхъ Суворовымъ въ 1799 г., онъ пишетъ: «Само собою разумѣется, что не нужно на гору *фронтомъ всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно*» [2]).

Что касается внезапныхъ и ночныхъ нападеній, то въ этомъ отношеніи наша военная исторія богаче, чѣмъ какая-нибудь другая, образцовыми примѣрами этихъ пріемовъ веденія боя.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить Рябую Могилу, Ларгу, Кагулъ, Столовичи, Туртукай, Рымникъ, Измаилъ, Кобылку, Прагу, Очаковъ, Перекопъ, наконецъ, штурмъ Карса въ 1877 г. и многіе другіе, менѣе извѣстные. И всѣ эти сраженія не случайныя, а преднамѣренныя и съ умысломъ ночныя или въ полной мѣрѣ, или въ своей первоначальной стадіи.

---

[1]) Д. Ѳ. Масловскій. Примѣч. и Прилож. къ Записк. по исторіи воен. искусства въ Россіи, вып. 2, стр. 85.

[2]) Милютинъ. Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 г., т. IV, стр. 272.

А вотъ, какъ Суворовъ теоризировалъ свой взглядъ на внезапность, обусловливаемую прежде всего быстротой: «Штыки, быстрота, внезапность... Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ, а ты удвоилъ шагъ богатырскій, нагрянь быстро, внезапно... Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову, рази, тѣсни, опрокинь, бей! Вали, не давай опомниться. Кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе, одинъ за десятерыхъ покажется» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ признается, что для проведенія всѣхъ приведенныхъ выше пріемовъ тактики, которые примѣнялись въ послѣднія войны въ жизнь, необходимо особенное воспитаніе арміи, воспитаніе, основанное на двухъ главныхъ принципахъ — широкомъ индивидуальномъ развитіи каждаго отдѣльнаго воина, и во 2-хъ,—развитіи у начальниковъ всѣхъ степеней того, что называется частнымъ почином. Но не Екатерина ли Великая еще въ XVIII вѣкѣ высказала и провела въ жизнь мысль, что «крупные и рѣшительные успѣхи достигаются только дружными усиліями всѣхъ, а кто умнѣе, тому и книгу въ руки»... Не она ли предоставляла полную мочь своимъ полководцамъ: Румянцеву, Суворову, Потемкину?

Не Румянцевъ ли, Потемкинъ, Суворовъ и цѣлая плеяда ими созданныхъ генераловъ проявляли частный починъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, давая возможность и своимъ подчиненнымъ проявлять его и даже требовали этого отъ нихъ?

Не для того ли Суворовъ установилъ принципъ, что «каждый солдатъ долженъ понимать свой маневръ»? Не потому ли онъ такъ не любилъ «немогузнайства»?

Вотъ, какъ Суворовъ прямо и категорически высказывается по этому поводу: «Мѣстный въ его близости по обстоятельствамъ лучше судитъ, нежели отдаленный: онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны ихъ теченія и направляетъ свои поступки по правиламъ воинскимъ. Я—вправо, должно влѣво — меня не слушать. Я велѣлъ впередъ, ты видишь, не иди впередъ» [2]).

---

[1]) Тоже, т. I, стр. 588.

[2]) Суворовъ въ сообщеніяхъ профессоровъ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба, т. I, стр. 13.

Въ другомъ мѣстѣ по этому же поводу онъ говоритъ: «Спрашиваться старшихъ накрѣпко запрещаю, но каждому постовому командиру въ его окружности дѣлать мятежникамъ самому собой скорый и крѣпкій ударъ *подъ взысканіемъ за малую дѣятельность*» [1]).

Эту же мысль онъ неоднократно проводилъ въ своихъ боевыхъ приказаніяхъ, а въ письмѣ къ Ферзену въ 1794 г. онъ пишетъ: «Рекомендую Вашему Превосходительству рѣшимость. Вы—Генералъ. Я издали, и Вамъ ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, Вы—локальный» [2]).

Кутузовъ въ диспозиціи для Бородинскаго сраженія писалъ: «...Не въ состояніи будучи находиться во время сраженія на всѣхъ пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность г.г. Главнокомандующихъ и потому предоставляю имъ дѣлать соображенія дѣйствій па пораженіе непріятеля» [3]).

Скобелевъ также требовалъ «самостоятельности» и притомъ отъ всѣхъ офицеровъ. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ онъ, напр., писалъ: «Въ бою необходимо, чтобы г.г. офицеры сохранили полную энергію, самообладаніе и способность *самостоятельно* рѣшаться при всякихъ обстоятельствахъ», и въ другомъ мѣстѣ: «Въ современномъ бою баталіоны и роты пріобрѣли безусловно право на самостоятельность и иниціативу» [4]).

Что касается индивидуальнаго развитія каждаго нижняго чина, то исторія наша показываетъ, что и это требованіе предъявлялось у насъ уже давно. Различныя инструкціи, одобренныя Екатериной II, и выдающіеся дѣятели этого славнаго царствованія, въ особенности безсмертный Суворовъ, категорически ставили своей задачей человѣчное обращеніе съ солдатомъ, развитіе въ немъ лучшихъ сторонъ человѣческой натуры путемъ разумнаго воспитанія и развитія чувства долга.

Такъ въ «Инструкціи полковничьей», изданной въ 1764 году, относительно занятій съ нижними чинами было сказано: «Ротный командиръ съ нимъ разговаривать долженъ, примѣчать его склонность, привычки, отдать его

[1]) Тамъ же.

[2]) Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ, т. II, стр. 145.

[3]) Мих. Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 г., ч. II, стр. 189.

[4]) Приказы Скобелева. Изд. Маслова, стр. 81 и 82. (Приказъ 5 мая 1879 г. № 68).

сверхъ капрала и унтеръ-офицера въ ту артель, въ которую онъ напишется, надежному и добронравному рядовому, чтобы онъ ежечасно того новоопредѣленнаго обучалъ... Ротному же командиру всего на помянутомъ рядовомъ взыскивать: однако же, новоприверстанный не долженъ быть не только сначала битъ, но ниже стращенъ; а все сіе ласковостью и со истолкованіемъ ему изъяснять. При чтеніи воинскихъ артикуловъ, уставовъ и приказовъ сказывать имъ (рекрутамъ) ихъ силу и содержаніе, а паче что до солдата касается; изъяснять должность службы и требуемую отъ солдата неустрашимую храбрость, и что никакіе страхи и трудности храбрость и вѣрность россійскаго солдата никогда поколебать не могли, въ которыхъ число и онъ принятъ. Научать такого новоприверстаннаго, какъ называются генералы, полковые штабъ-и оберъ-офицеры, а паче его роты; какъ ему безъ робости, но и съ пристойною смѣлостью къ нимъ, когда случится, приттить, съ ними говорить и помнить всегда, что онъ не крестьянинъ, а солдатъ, который имянемъ и чиномъ отъ всего его прежнихъ званій преимуществуетъ»[1].

А въ «правилахъ разсыпного строя 1818 г.» была особая глава, трактующая о воспитаніи солдата для дѣйствія въ разсыпномъ строю. Здѣсь было сказано: «Солдату, привыкшему ходить и дѣйствовать въ шеренгѣ, надобно внушить, что какъ скоро онъ находится въ цѣпи, то долженъ покинуть всю принужденность, въ сомкнутомъ строю необходимую, не заботиться о вѣрномъ равненіи или принужденномъ шагѣ, но дѣлать всякое движеніе свободно и легко, какъ ему удобнѣе будетъ, и чтобы не заботился о томъ, какъ онъ идетъ или стоитъ, но устремилъ бы все вниманіе свое на непріятеля и собственное свое положеніе, помышлялъ бы о томъ, какъ вѣрнѣе и удобнѣе нанести вредъ своему сопернику, и умѣлъ бы пользоваться всякимъ мѣстоположеніемъ для собственной защиты своей. Для сего офицеры не должны никогда упускать случая, гдѣ можно, распространить понятіе солдата и научить его»[2].

Итакъ, очевидно, что, не говоря уже объ идейной сторонѣ, но даже и тактическіе пріемы, будто бы выдви-

---

[1]) Инструкція полковничья коннаго полку, конфирмованная отъ Ея Императорскаго Величества. Изд. 1826 г., стр. 23—25.

[2]) «Правила разсыпного строя...», стр. 13.

нутые только послѣдней войной, хорошо были извѣстны и проповѣдывались у насъ уже давно. Конечно, проявленіе этихъ пріемовъ, форма ихъ, въ зависимости отъ усовершенствованія оружія, подвергались измѣненію, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія болѣе широкаго и болѣе тщательнаго пользованія ими.

Такимъ образомъ, должно признать, что, изучая военное искусство въ Россіи, мы не подвергаемся опасности стать на ложный путь при ознакомленіи съ военнымъ искусствомъ, опирающимся на природу войны и ея элементовъ. Напротивъ, именно здѣсь мы больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, найдемъ указаній, въ чемъ истина въ военномъ дѣлѣ, причемъ эти указанія не будутъ мертвыми, бездушными, а будутъ одухотворены русскими національными особенностями. А только это одно можетъ дать намъ возможность сознательно и правильно культивировать у насъ военное искусство съ тѣмъ, чтобы, въ необходимую минуту воспользовавшись имъ, добиться желаемаго результата, какъ говорилъ великій основатель нашей регулярной арміи, Императоръ Петръ, «съ легкимъ трудомъ и малой кровью».

Конечно, для того, чтобы поддерживать у насъ военное искусство на уровнѣ современныхъ требованій, мало изучать только прошлое своего военнаго искусства, т. е. исторію своего военнаго искусства, для этого необходимо изучать всеобщую исторію военнаго искусства, а также послѣдніе боевые опыты, какъ наши, такъ и другихъ народовъ.

Первая, въ силу своихъ свойствъ, очерченныхъ выше, принесетъ всю ту пользу, которая была уже указана, а вторые дадутъ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, въ какихъ приблизительно условіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ вестись ближайшая будущая война, и поэтому будутъ способствовать выработкѣ соотвѣтствующихъ современнымъ условіямъ стратегическихъ и тактическихъ пріемовъ и формъ, безъ усвоенія которыхъ и примѣненія ихъ на войнѣ невозможенъ никакой успѣхъ въ конечномъ пользованіи военнымъ искусствомъ.

Но все же несомнѣнно, что развитіе военнаго искусства у каждаго народа можетъ идти лишь на исторической и притомъ національной основѣ и что въ частности мы, русскіе, для этого развитія по вполнѣ правильному пути,

даже въ условіяхъ современной обстановки, имѣемъ богатѣйшій матеріалъ въ нашемъ прошломъ.

Напротивъ того, пренебрежительное отношеніе къ этому матеріалу можетъ привести и именно у насъ, склонныхъ къ подражанію, невѣрящихъ въ себя, все еще преклоняющихся передъ иноземцами и иноземной наукой, къ весьма печальному положенію топтанія въ военномъ искусствѣ на одномъ мѣстѣ и потому—къ отсталости въ этомъ отношеніи отъ другихъ.

Отсутствіе уваженія къ исторіи нашего военнаго искусства, наглядно показывающей состояніе его въ разныя эпохи, постепенное его развитіе и причины послѣдняго въ обстановкѣ, намъ свойственной, мѣшаютъ намъ понимать то внутреннее содержаніе и его силу и значеніе, которыя являются главенствующими во всемъ, что служитъ результатомъ духовной дѣятельности человѣка. Съ другой стороны, такое пренебреженіе къ исторіи военнаго искусства ведетъ у насъ къ тому, что въ области военнаго искусства мы работаемъ порывами.

Это сказывается въ томъ, что мы приступаемъ къ улучшеніямъ въ области военнаго искусства лишь послѣ военнаго погрома, да и то выждавъ, какой выводъ изъ нашего кроваваго опыта сдѣлаютъ нѣмцы или какіе-либо другіе иноземцы, и этотъ выводъ, поставленный у нѣмцевъ въ соотношеніе съ общими условіями ихъ жизни и національными особенностями, переносимъ къ себѣ, не приспособляя его къ нашей обстановкѣ, отчего онъ у насъ является безпочвеннымъ, оторваннымъ отъ дѣйствительности, слишкомъ теоретическимъ, не жизненнымъ.

Сначала это незамѣтно и мы съ доктринерскимъ упрямствомъ проводимъ нѣмецкій или какой либо чужестранный взглядъ въ жизнь, но жизнь не терпитъ насилія, и нѣмецкіе взгляды не входятъ въ нашу плоть и кровь, являются чѣмъ-то наноснымъ, мы ими не проникаемся, такъ сказать, насквозь, они не проходятъ въ толщу арміи и остаются тамъ чужими.

Къ тому же, принявъ тѣ или другіе иноземные взгляды, мы застываемъ на нихъ, а нѣмцы, свѣрясь со своимъ прошлымъ и со своей обстановкой, дѣлаютъ въ своихъ первоначальныхъ выводахъ поправки, исправляютъ рѣзкости, увлеченія.

Эта внутренняя работа по націонализированію послѣд-

няго боевого опыта друзей или недруговъ остается въ сторонѣ отъ насъ, такъ какъ мы заимствуемъ видимую формальную сторону; духа же не схватываемъ. Вслѣдствіе же этого къ заимствованнымъ результатамъ боевого опыта мы начинаемъ относиться хладнокровно. Они не перевариваются нашимъ умомъ, они не удовлетворяютъ нашу національную душу, не даютъ настроенія, нравственнаго подъема, безъ котораго работа, а въ особенности работа въ области духовной не можетъ спориться; съ теченіемъ времени у насъ опускаются руки, верхъ беретъ халатность и для насъ нужна новая катастрофа, которая бы вновь заставила насъ встряхнуться, вновь приняться за усовершенствованія.

Между тѣмъ, если бы мы съиздавна изучали наше военное искусство и хорошо знали исторію его, то мы на старомъ, прочномъ основаніи возводили бы все новые и новые этажи усовершенствованій и эти усовершенствованія, опираясь на тѣ же основы и будучи постепенными и согласованными какъ съ исторической, такъ и съ современною обстановкою, являлись бы только болѣе тонкимъ, болѣе совершеннымъ примѣненіемъ новыхъ средствъ для достиженія тѣхъ же цѣлей, хотя, быть можетъ, также болѣе утонченныхъ.

Такъ, напримѣръ, при такихъ условіяхъ никогда не могло бы быть того, что вдругъ совершенно неожиданно предсталъ предъ нами вопросъ о громадномъ значеніи огня; не было бы споровъ о тактикѣ ударной и огневой; тогда не было бы ложныхъ сужденій о дѣйствіяхъ Суворова, объ ученіи Драгомирова и о невозможности извлечь пользу изъ нихъ.

При знаніи прошлаго нашего военнаго искусства, понимая его, какъ опредѣлено выше, никогда не могло бы народиться болѣзненныхъ вопросовъ о муштрѣ и о воспитаніи, точно такъ же, какъ и вопроса о подчиненіи артиллеріи начальникамъ пѣхотныхъ дивизій и вообще о раціональной организаціи высшихъ тактическихъ соединеній. Тогда для насъ не были бы неожиданными и требующими разсмотрѣнія съ самаго начала и торопливаго ихъ рѣшенія вопросы о дѣйствіяхъ конницы, въ особенности самостоятельной, о роли артиллеріи, о значеніи пѣхоты, о выжидательномъ положеніи, объ отношеніи къ волѣ противника, о значеніи усовершенствованія поля сраженія въ инженерномъ отношеніи,

такъ какъ всѣ эти вопросы, какъ и многіе другіе, были рѣшены или на практикѣ, опытомъ или въ литературѣ, основывающейся на нашемъ же историческомъ прошломъ, и притомъ рѣшены полностью, всецѣло и совершенно исчерпывающе.

Правда, при этомъ было бы меньше открытій будто бы неизвѣстныхъ истинъ въ области военнаго искусства, было бы меньше реформаторовъ, признающихъ, что до нихъ въ этой области была тьма и хаосъ и что только они разсѣяли ихъ.

Но зато всѣ эти вопросы были бы рѣшены болѣе правильно, болѣе опредѣленно, а главное, болѣе жизненно и цѣлесообразно, безъ какихъ либо крайностей то въ одну, то въ другую сторону.

Военное искусство революцій не знаетъ — оно лишь эволюціонируетъ и лишь иногда эта эволюція протекаетъ нѣсколько ускоренно, быть можетъ, даже бурно, но при этомъ никогда не нарушается связь съ прошлымъ, преемственность, а потому и въ измѣненіи пріемовъ пользованія различными элементами военнаго искусства не должно быть порывистости, скачковъ.

Такое постоянное и постепенное эволюціонированіе съ теченіемъ времени можетъ, несомнѣнно, привести къ тому, что черезъ очень большой промежутокъ времени пріемы пользованія и примѣненія различныхъ элементовъ военнаго искусства будутъ имѣть мало общаго съ прежними, но все же въ каждый данный моментъ будетъ чувствоваться преемственность между новымъ и старымъ.

При такихъ условіяхъ это новое будетъ жизненнымъ, чѣмъ-то своимъ, роднымъ, отвѣчающимъ данной обстановкѣ, даннымъ условіямъ, оно восприметса незамѣтно, постепенно и потому будетъ органически здоровымъ, а не болѣзненнымъ образованіемъ въ нашемъ военномъ искусствѣ.

Все изложенное, не требуя какихъ-либо новыхъ доказательствъ и разсужденій, которыя вызвали бы только повторенія, даетъ право придти къ заключенію, что исторія военнаго искусства должна изучаться всѣми, кто посвятилъ себя служенію военному искусству, въ особенности высшей его сторонѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что исторія военнаго искусства должна занимать почетное мѣсто въ академическомъ преподаваніи, при чемъ на ряду съ исторіей военнаго искусства, всеобщей, у насъ въ Россіи дол-

жна изучаться параллельно и самостоятельно исторія русскаго военнаго искусства.

Впрочемъ, еще въ 1896 году А. К. Пузыревскій сказалъ, что «Исторія военнаго искусства есть фундаментальный предметъ академическаго преподаванія»[1]), а Д. Ѳ. Масловскій еще въ 1883 писалъ: «...если мы разучиваемъ боевыя указанія Фридриха Великаго, Наполеона I, зная хорошо, что въ твореніяхъ великихъ полководцевъ вѣчно неизмѣнные принципы военнаго искусства, то тѣмъ болѣе важно для насъ изученіе дѣлъ русскихъ полководцевъ, хорошо знавшихъ «обыкновенія своихъ соотечественниковъ» [2]).

[1]) «Развѣдчикъ» 1896 г. № 321, стр. 1096.

[2]) Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ Имп. Петра Великаго и Импер. Елизаветы, стр. 2.

